

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Колесникова Олеся Петровна

**ЭНАНТИОСЕМИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
(на материале немецкого языка)**

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Доктор филологических наук,
доцент **Г. Н. Острикова**

Ростов-на-Дону – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования энантиосемичных синтаксических конструкций	12
1.1. Языковая категория энантиосемии как выражение противоположности и способы ее реализации в языке.....	12
1.2. Энантиосемичные синтаксические конструкции и их особенности.....	22
1.3. Ирония и её роль в формировании энантиосемичного значения в синтаксических конструкциях.....	33
1.4. Эмоциональность и экспрессивность – коммуникативные свойства предложений с энантиосемичным значением.....	41
1.5. Контекст как важнейшее условие актуализации противоположности значений.....	48
Выводы к главе 1.....	56
Глава 2. Семантические и структурные особенности энантиосемичных синтаксических конструкций в немецком языке	59
2.1. Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальными глаголами.....	59
2.2. Энантиосемичные синтаксические конструкции « <i>Glaubst du...?</i> ».....	73
2.3. Энантиосемичные синтаксические конструкции « <i>Ist das ...?</i> ».....	84
2.4. Энантиосемичные синтаксические конструкции с предикатом в <i>Konjunktiv II</i>	94
2.4.1. Энантиосемичные синтаксические конструкции с <i>als würde</i>	94
2.4.2. Энантиосемичные синтаксические конструкции с <i>als wäre</i>	108
2.4.3. Энантиосемичные синтаксические конструкции с <i>als hätte</i>	120
2.4.4. Энантиосемичные синтаксические конструкции с <i>als ob</i>	129
Выводы к главе 2.....	135
Глава 3. Функциональные особенности энантиосемичных синтаксических конструкций в немецком языке	139

3.1. Контекстуальные условия актуализации предложений с энантиосемичным значением.....	139
3.2. Иронический контекст как актуализатор энантиосемичного значения в синтаксических конструкциях.....	154
3.3. Выражение эмоциональности и экспрессивности в синтаксических конструкциях с энантиосемичным значением.....	163
Выводы к главе 3.....	176
Заключение.....	178
Библиографический список.....	183
Источники материала	202
Список условных обозначений	205

Введение

В последнее время развитие синтаксиса обусловило более внимательное отношение лингвистов к области семантических исследований, к вопросам формирования смысла высказывания, к особенностям реализации и функционирования языковых единиц в речи и условиям их актуализации, зависящим от ситуации общения. Современный поворот науки о предложении и словосочетании к семантике подготовлен антропологическими трудами В. фон Гумбольдта, идеями Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, Н. Хомского, А. Вежбицкой и других ученых. Не менее интенсивно изучаются проблемы экспрессивного синтаксиса, а именно структурные особенности текста, выразительные возможности синтаксических средств в формировании отношения к излагаемому, роль языковой личности в речевой деятельности, прагматические аспекты речи и способы усиления ее прагматического эффекта.

Важное место в лингвистике занимает исследование явления энантиосемии и определение его места в системе лексико-семантических отношений на различных языковых уровнях и в различных языках. Несмотря на то, что изучение энантиосемии имеет уже более чем вековую историю, существуют лакуны в исследованиях данной категории как в теории языка, так и в немецком языке, в частности, особенно в работах по вопросам синтаксической энантиосемии. Особого внимания заслуживает проблема возникновения и функционирования энантиосемичного значения немецких предложений, изучение их структурно-семантических характеристик, а также исследование контекстуальных условий реализации энантиосемичных предложений и особенностей их выражения в немецком языке.

Актуальность работы обусловлена тем, что энантиосемичные синтаксические конструкции немецкого языка нуждаются в более глубоком и всестороннем исследовании, хотя рассмотрением предложений с точки зрения структурно-семантического построения и проблемы

противоположности занимались многие ученые. В связи с этим возникла необходимость описания проблемы значений синтаксических конструкций, имеющих одну языковую форму, но противоположное содержание. Системное исследование, объединяющее различные типы предложений понятием «синтаксическая энантиосемия», в немецком языке отсутствует, что определяет неполноту научных изысканий в данном направлении. Кроме того, востребована и классификация подобных конструкций. Энантиосемичные предложения являются одним из элементов экспрессивного синтаксиса, поэтому описание таких языковых единиц необходимо для систематизации знаний в разделе синтаксиса немецкого языка.

Объектом исследования являются простые и сложные предложения (далее – синтаксические конструкции), функционирующие как самостоятельно, так и в составе различных по структуре предложений, и обладающие энантиосемичностью.

Предметом исследования служат семантические и структурные особенности предложений с энантиосемичным значением и их функциональные и коммуникативные возможности.

Материал исследования отобран методом сплошной выборки из текстов современной художественной литературы XIX-XXI вв. на немецком языке, в том числе представленных в электронных корпусах современного немецкого языка (LIMAS Corpus, DWDS). Общая картотека примеров составляет около 2100 текстовых единиц, где текстовая единица – это фрагмент контекста из произведения, достаточный для определения амбивалентности значения исследуемых структур. При этом для исследования было использовано около 22500 печатных страниц.

Целью исследования является изучение синтаксических конструкций с энантиосемичным значением с учётом их структурно-семантических особенностей, а также выявление контекстуальных условий, при которых реализуются противоположные значения исследуемых языковых единиц.

Для выполнения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть теоретические аспекты определения и исследования энантиосемичных синтаксических конструкций в немецком языке.
2. Определить структурно-семантическую организацию синтаксических конструкций.
3. Изучить функциональные особенности синтаксических конструкций с энантиосемичным значением в немецком языке.
4. Выявить контекстуальные условия реализации синтаксических конструкций, характеризующихся асимметрией содержания и формы.

Степень научной разработанности проблемы. Анализ ряда теоретических работ по энантиосемии показал, что данный феномен исследован на материале русского (В.Ю. Кравцова (2006), Л.Р. Махмутова (2009), немецкого (Г.Н. Острикова (2013, 2017), Г.В. Яцковская (1976)), французского (М.Ю. Бродский (1998)), украинского (Т.А. Федоренко (1989)), болгарского (В.С. Червоножка (2001)) и других языков, а также на следующих уровнях языка – фонетическом (М.В. Давыдов (1984), Л.В. Минаева (1978)), словообразовательном (Л.Е. Бессонова (1983), Е.Х. Жаркова (1988)), лексическом (Л.И. Климова (1975)), фразеологическом (В.Н. Цоллер (2000)) и синтаксическом (В.Ю. Меликян (1996)).

Общелингвистическую методологическую базу диссертации составили положения о взаимосвязи языка и мышления, языка и речевой деятельности, языка и общества, принципы системности и антропоцентризма, положение об асимметричном дуализме языкового знака, представление о системно-структурной организации языка, положение о диалектической взаимообусловленности формы и содержания в языке.

Основными **методами** исследования в работе являются описательный метод, опирающийся на лингвистическое наблюдение и сопоставление, методики синтаксического моделирования, метод семного и структурного

анализа, метод контекстуального анализа, а также методы сплошной выборки и элементы количественного подсчета.

Теоретической основой исследования послужили труды, выполненные в русле лексической и синтаксической семантики (В.Г. Адмони (1988), Н.Ф. Алефиренко (2002), М.В. Никитин (1988), А.М. Пешковский (1956), А.А. Потебня (1989), В. Н. Телия (1986), Д. Н. Шмелев (1958)), в области семантического синтаксиса (Ю.Д. Апресян (1995), Н.Д. Арутюнова (1976), Ш. Балли (1961), Э. Бенвенист (1960), В. фон Гумбольдт (2000), А. Вежбицкая (1999), В.Г. Гак (1990), А.А. Шахматов (1941), Н.Ю. Шведова (1960)), исследования по проблемам противоположности, антонимии и отрицания (Н.Б. Боева-Омелечко (2007), Я. Вежбиньски (2002), Л.М. Владимирская (1999), А.Т. Кривоносов (1986), Л.А. Новиков (1996), Г.Т. Поленова (2016), М.С. Пестова (2013), Е.И. Шендельс (1959), Д.Н. Шмелев (1958)), работы по вопросам асимметричного дуализма языкового знака (В.Г. Гак (1990), С.О. Карцевский (1965)), исследования по энантиосемии (Л.Е. Бессонова (1983), М.Ю. Бродский (1998), Л.Р. Махмутова (2009), В.Ю. Меликян (2004), Г.Н. Острикова (2013, 2017), В.Н. Цоллер (2000), Г.В. Яцковская (1976)), труды по проблемам эмоциональности, экспрессивности и прагматики языковых единиц (Н.В. Аванесова (2010), Т.Г. Винокур (1993), Е.М. Галкина-Федорук (1958), И.В. Егорова (1990), В.И. Карасик (1991), О.М. Корчажкина (2001), Г.Н. Ленько (2015), Г.Г. Матвеева (1999, 2003), Е.Н. Рожкова (2011), М.В. Рыбакова (1985), Р. Филер (1990, 2010), В.И. Шаховский (1975)), работы по вопросам категории имплицитности и иронии (М.М. Бахтин (1997), С.Г. Биченко (2012), Н. Грёбен (1986), М.Ю. Орлов (2005), Е.В. Падучева (2010), Г.И. Паси (1999), В.М. Пивоев (1997), С.И. Походня (1989), А.В. Сергиенко (1995), И.А. Стернин (1996)), исследования концепции контекста, влияющего на функционирование системы знаков (Н.Н. Амосова (1962), Н.Д. Арутюнова (1976), Г.В. Колшанский (1959, 1980), В.Я. Мыркин (1978), Н.А. Переверзева (2017), И.Г. Торсуева (1990)).

Положения, выносимые на защиту:

1. Энантиосемия – универсальная языковая категория, проявляющаяся на синтаксическом уровне так же, как на других уровнях языка. Энантиосемичные синтаксические конструкции обнаруживают определенное сходство типологических черт, присущих энантонимам разных уровней, но также и различия, продиктованные сложностью семантической структуры предложения и невысокой степенью идиоматичности исследуемых структур.

2. Синтаксические конструкции относятся к номинативной энантиосемии, так как они всегда выражают диктумную пропозицию в сочетании с модусной, но при этом доминирующей является диктумная, то есть предметная, неоценочная пропозиция. Основной функцией предложения является передача сообщения или информации, поэтому антонимическое противопоставление значений предложения происходит на основе логико-семантических характеристик сообщаемого.

3. На синтаксическом уровне различают симметричную и ассиметричную энантиосемию. Симметричными являются синтаксические конструкции, образованные по одной структурной схеме и способные выражать два противоположных значения – прямое и переосмысленное. Ассиметричность синтаксических энантонимов определяется либо рассогласованием содержания и формы синтаксической конструкции по структуре и смыслу, и тогда это структурно-семантическая асимметрия, либо несовпадением функционального типа формы и содержания синтаксической конструкции, и тогда речь идет о функциональной асимметрии. В синтаксисе немецкого языка явление ассиметричной энантиосемии преобладает над симметричной энантиосемией.

4. Контекст является необходимым условием переосмысления речевого высказывания в большинстве видов синтаксических конструкций с противоположным значением. Экстралингвистический контекст является наиболее значимым для определения амбивалентного значения синтаксических конструкций.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней предпринята попытка систематизации энантиосемичных синтаксических конструкций, выражающих противоположные значения. В процессе исследования выяснено, что синтаксические конструкции обнаруживают определенное типологическое сходство, присущее энантонимам разных уровней и разных языков. Антонимическое противопоставление значений предложения в языке происходит на основе логико-семантических характеристик сообщаемого ввиду основной функции предложения, а именно, передачи информации. В ходе работы выявлены и описаны синтаксические модели предложений, установлены их структурные и семантические признаки, которые позволяют определить к какому типу энантиосемии, к симметричной или асимметричной, относятся исследуемые синтаксические конструкции. В результате исследования также определены контекстуальные условия, способствующие реализации энантиосемичных конструкций на уровне синтаксиса.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование вносит определенный вклад в дальнейшее развитие теории семасиологии и антонимии, расширяя и уточняя представления о самой языковой категории энантиосемии и о структурно-семантическом строении энантиосемичных единиц на синтаксическом уровне. Теоретически значимыми представляются результаты работы в аспекте взаимодействия языка и мышления, соотношения формы и значения, системности и асистемности (асимметрии) языкового знака и в связи с вопросами знакоупотребления. Для функциональной лингвистики принципиально значимым представляется описание проблемы выбора и речевой реализации одного из противоположных значений исследуемых единиц, а также контекстуальных условий и средств реализации этих значений. Полученные результаты исследования вносят также определенный вклад в дальнейшее развитие теории грамматики, прагмалингвистики, функциональной стилистики и семантического синтаксиса.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты и материал исследования могут найти применение в преподавании вузовских курсов семасиологии и теоретической грамматики. Результаты исследования могут найти практическое применение в спецкурсах и спецсеминарах по экспрессивному синтаксису, функциональной стилистике немецкого языка, филологическому анализу текста, а также в теории и практике перевода.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечиваются исходными теоретическими положениями, использованием адекватных методов исследования для решения поставленных задач исследования, анализом исследуемой проблемы на репрезентативном языковом материале.

Основные результаты исследования были апробированы на научных и научно-практических конференциях, в том числе международных: 6th SWS international scientific conference on arts and humanities 2019 (Болгария, Албена, август-сентябрь 2019 г.), «Информационно-коммуникативная культура: наука и образование» (Ростов на Дону, январь 2019 г.), «Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве» (Краснодар, май 2019 г.), «Информационно-коммуникативная культура: наука и образование» (Ростов-на-Дону, январь 2020 г.), «Германистика в современном научном пространстве» (Краснодар, февраль 2020 г.), «Информационно-коммуникативная культура: наука и образование» (Ростов-на-Дону, апрель 2021 г.), Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки и техники. 2021» (Ростов-на-Дону, март 2021 г.), Международная конференция «Роль университетов в реализации целей устойчивого развития» (Ростов-на-Дону, март 2022 г.).

По теме исследования опубликованы 12 статей, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования России.

Структура диссертации определяется целью, задачами и методами исследования. Работа состоит из введения, трех глав (каждая из которых разделена на параграфы), заключения, библиографического списка, источников материала, списка условных обозначений.

Глава 1. Теоретические основы исследования энантиосемичных синтаксических конструкций

1.1. Языковая категория энантиосемии как выражение противоположности и способы ее реализации в языке

Языковая категория энантиосемии в настоящее время интересна всё большему числу ученых возможно потому, что данное понятие еще не изучено в полном объёме. История исследования категории энантиосемии начиналась с определения лексических единиц с противоположным значением [Острикова, 2017, 148]. Поскольку основой категории энантиосемии считается противоположность, следует остановиться подробнее на этом понятии.

В объективной действительности формируются различные отношения, включая и отношения противоположностей. Ответ на вопрос о сути отношений противоположности пытались найти ещё философы древней античности, которые говорили о смысле движения и его отражении в мышлении. По Гераклиту, начало всех изменений – это и есть «борьба противоположностей». Идея состоит в том, что каждая противоположность переходит в другую противоположность, следовательно, борьба противоположностей и является всеобщим законом развития – «всеобщим Логосом» [Минасян, 1991: 109]. Древнегреческий философ и ученый Аристотель уже в своей формальной логике сформулировал принцип недопустимости противоречия. Он считал невозможным, что одно и то же может существовать и не существовать одновременно, но все же полагал, что явления в окружающем мире носят противоречивый характер [Аристотель, 1952]. По мнению другого древнегреческого философа Демокрита, противоположности носят относительный характер [Подберезная, 2008]. Учитель Аристотеля Платон полагал, что противоположности всегда имеют начало, середину и конец, что характерно для философа того времени. Даже

качество предметов по Платону изменяется при переходе одной противоположности в иную противоположность. Конечно, не только античные философы пытались дать определение понятию «противоположность». Немецкий философ Иммануил Кант говорил не просто о существовании противоположностей, но и о существовании их синтеза, их единства. Под единством И. Кант понимал либо материальное образование, либо идеальное, целостную систему внутренне взаимодействующих процессов, в результате которых образуется явление, предмет и сама действительность [Минасян, 1991: 113]. По Г. Гегелю, противоположность «есть единство тождества и разности». Философ понимает каждую противоположность как внутреннее отрицание противоположностей в себе, как внутреннюю противоположность. У противоположностей есть свойство уравнивать друг друга, обнаруживая при этом симметричность, противоположности «снимают себя в своем отношении, так что результат равен нулю» [Гегель, 1971: 46]. По мнению Гегеля, единство разделяется на противоположности, если даже оно имеет много сторон. «Положительное и отрицательное – это стороны противоположности, ставшие самостоятельными... Каждое из них есть оно же самое и свое иное, и поэтому каждое имеет *свою определенность* (курсив Г. Гегеля) не в чем-то ином, а *в себе самом*. – Каждое соотносится с самим собой, лишь соотносясь со своим иным» [Гегель, 1971: 48].

Понятие «противоположность» в дальнейшем рассматривалось ещё во многих философских системах. В философском словаре можно найти следующее определение противоположности, которое понимается, как «категория, выражающая одну из сторон диалектического противоречия, которая предполагает и исключает другую противоположность; последняя, в свою очередь, находится в рамках одного и того же понятия в таком же отношении к первой» [Краткий словарь по философии, 1979]. Наряду с понятием «противоположность» следует рассмотреть понятие «противоречие». Итак, «противоречие – центральная категория диалектики.

В принципе диалектика сводится к изучению противоречия в самой сущности предметов» [Новейший философский словарь, 1998]. При обсуждении понятия противоречия обнаруживаются две концепции – метафизическая и диалектическая. Если метафизик рассматривает источник движения всякого предмета как толчок, какое-то внешнее обстоятельство или условие, то диалектик видит этот источник в самом предмете (предметах). «Противоречие, – писал Г. Гегель, – ...есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно». Существование противоречия связано с огромным разнообразием элементов единого целого. Всякое несоответствие, рассогласованность, раздвоение в его структуре означают возникновение противоречия [Гегель, 1971: 53]. Поэтому связь противоречия и противоположности очевидна: противоречие характеризует не то понятие, которое не допускается борьбой противоположностей, а то, которое предшествует ей, то есть сначала возникает противоречие и только потом разрешается в борьбе противоположностей [Левин, 2007: 47].

К. Маркс указал, что противоречия объективны и не зависят от желания и воли людей. Известно, что К. Маркс различал два вида противоположности: 1) противоположность внутри одной сущности; 2) противоположность между двумя сущностями. При глубоком анализе противоположностей, философ находит, что «каждая из них содержит в себе собственную противоположность» [Маркс, Энгельс, 1955: 321].

Философы современности считают, что внутренние противоположности одной и той же сущности предполагают друг друга не только в себе, но и для себя, они одновременно тождественны и различны. «Каждая из противоположностей возможна благодаря своей другой и в другой, и не иначе, что, следовательно, единство как конкретное целое возможно благодаря этому взаимопроникновению, совпадению, равнодействию своих противоположностей» [Минасян, 1991: 129-130]. Е. Н. Миллер в своей работе утверждает, что отношения противоположности

базируются на понятии «отрицание»: «Утверждение, выраженное антонимичной единицей, есть отрицание своего противоположного значения» [Миллер, 1990: 14]. По мнению лингвистов, в философии выделяются прямо противопоставленные стороны – утверждение и отрицание, как полярные явления, которые выражены парными противоположными формами (положительными и отрицательными). В лингвистике же существуют «единицы, сочетающие в одной звуковой или графической форме два противоположных значения и получившие название энантионимов» [Острикова, 2017: 300]. А. Т. Кривонос считает, что проблема отрицания изучена далеко не полностью и является одной из важнейших проблем языкознания [Кривонос, 1986: 35]. По мнению многих исследователей (Е. И. Шендельс, Н. Г. Озерова, Л. А. Новиков, В. В. Богуславская, Е. Г. Казимянец и др.), основное содержание лингвистической категории отрицания – это логическое отрицание.

С точки зрения лингвистики категория противоположности изучалась издавна. Еще Шарль Балли говорил, что «противоположности – это проявление природной склонности человеческого ума». «Это одно из проявлений той относительности, которая определяет (и ограничивает) всю деятельность разума. Таким образом, в нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда, так или иначе, вызывает представление о другом» [Балли, 1961: 139]. Л. А. Новиков дает определение противоположности, основываясь на ее философском и логическом понимании [Новиков, 1982].

В процессе исследования категории противоположности сформировался широкий спектр взглядов на явление энантиосемии. Всеми исследователями признается, что в основе энантиосемии лежат противоположные или амбивалентные значения, но истоки явления энантиосемии и причины её развития пока не всегда ясны. Это подтверждают разные точки зрения лингвистов на понятие энантиосемии [Острикова, 2013: 40].

Одни ученые считают, что данное явление близко понятию полисемии (Л. Е. Бессонова, Ф. С. Бацевич, О. И. Смирнова, Н. К. Салихова и др.), другие полагают, что оно сходно с омонимией (В. В. Виноградов, И. Н. Горелов, Н. М. Шанский и др.), а некоторые ученые рассматривают энантиосемию как разновидность антонимии (О. С. Ахманова, Л. А. Новиков, В. И. Лысов, Е. Н. Миллер, О. М. Соколов и др.). Например, О. С. Ахманова называет энантиосемию тропом, подразумевающим употребление слова в противоположном значении в сочетании с особым интонационным оттенком, а также рассматривает её как способность слова выражать антонимичные значения [Ахманова, 1966: 526]. Одним из основателей теории антонимии является Л. А. Новиков, который включал понятие энантисемии в антонимию и считал, что «антонимия и антонимы есть выражение противоположности в языке» [Новиков, 1982: 243]. По мнению В. И. Лысова, «антонимия – это тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные смысловые значения» [Лысов, 2012: 165].

В. В. Виноградов определял энантиосемию как омонимию, он говорил, что только в «целостной языковой структуре» можно понять «почему и какими средствами в тех или иных типах омонимов нейтрализуется смысловая функция одинаковой внешней звуковой формы» [Виноградов, 1960: 3]. И. Н. Горелов также обращал внимание на то, что есть в этом понятии противоречивое сосуществование антонимии и омонимии [Горелов, 1986: 87].

Дальнейшие исследования показали, что энантиосемия рассматривается уже как лингвистическая универсалия, наряду с такими понятиями, как полисемия, антонимия и омонимия, но суть энантисемии остается в одном – в семантической противопоставленности. Так как основной признак энантисемии – это «наличие противоположных значений в одной звуковой или графической форме, и это особый вид языковой противопоставленности, то следует считать понятия противоположности и отрицания логико-философской основой этой категории. Логическое

отрицание и есть основа языковой категории негопозитивности». Категории отрицательного и утвердительного в любой ситуации взаимопредполагают друг друга, это две части единого целого, и они существуют только в оппозиции [Острикова, 2017: 301]. Несмотря на большое количество различных взглядов на понятие энантиосемии, все ученые признают одно, что в одной энантиосемичной лексической единице обязательно сосуществуют два противоположных значения.

Понятие асимметрии языкового знака изучалось многими лингвистами: Ф. де Соссюром, Ш. Балли, С. О. Карцевским, Н. Д. Арутюновой и многими другими. Ф. де Соссюр рассматривал языковой знак как «двустороннюю психическую сущность», которая объединяет «означаемое» и «означающее». Что касается изменчивости языкового знака, Ф. де Соссюр определяет её как «сдвиг между означающим и означаемым». «Язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно меняющим отношения между означаемым и означающим. Это одно из следствий, вытекающих из принципа произвольности знака». Он считал язык самостоятельным семиотическим объектом, который развивается по своим собственным законам, и отмечал, что языковой знак произволен, следовательно, «оба элемента, объединенные в знаке, живут в небывалой степени обособленно и что язык изменяется, или, вернее, эволюционирует, под воздействием всех сил, могущих повлиять либо на звуки, либо на смысл. Эта эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен» [Ф. де Соссюр, 1999: 78-79].

В отличие от своих предшественников, Ф. де Соссюр обосновал не только существование явления асимметрии означаемого и означающего, но и, благодаря асимметрии, смог объяснить развитие, эволюцию языка [Подчаха, 2010: 224]. Двусторонняя сущность языкового знака характеризуется свойством асимметрии означаемого и означающего. Таким образом, у одного означающего может быть несколько означаемых (как

например, в омонимии), а одно означаемое может иметь несколько означающих (как в синонимии).

К похожему выводу пришел и Ш. Балли, который отмечал, что «несоответствие между означаемыми и означающими является правилом» [Балли, 1961: 168]. Ш. Балли стремился определить все виды языковой асимметрии, и анализируя, показал в своей работе, что они обнаруживаются на всех уровнях языка – от фонологии до синтаксиса.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре», автор статьи об асимметрии В. Г. Гак пишет, что «Асимметрия в языке (...) – отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [Гак, 1990: 47]. Так, языковая асимметрия может рассматриваться не только как сложное соотношение означающего и означаемого в языковом знаке (классическая точка зрения), но и как несоразмерность центра (ядра) и периферии. Эта позиция позволяет исследовать многие противоречивые явления в языке, в том числе такое языковое явление как энантиосемия.

Следует отметить, что энантиосемия представляет собой явление, имеющее признаки и антонимии, и полисемии, несмотря на единство означаемого и означающего как двух сторон языкового знака. Между ними нет точного соответствия, поэтому данная категория и является одним из случаев проявления асимметрии языкового знака. С другой стороны, асимметрия языкового знака является показателем энантиосемии. Языковые единицы оказываются многозначными вследствие того, что в языке очень часто отсутствует симметрия между формой и содержанием языковых единиц. А. Ф. Лосев писал, что «языковые знаки могут действительно получать бесконечное число значений» [Лосев, 1973: 22-56]. А П. Х. Ноуэлл-Смит подчеркивал, что «для всевозможных вторичных употреблений предложения практически нет логических ограничений; во многих случаях человек достигает своей цели, преднамеренно употребляя предложение

необычным образом или даже употребляя его в смысле, противоположном обычному, иронически» [Ноуэлл-Смит, 1985: 155-183]. Явление асимметрии языкового знака Ю. М. Лотман связывал с более высоким уровнем использования языка. Он считал, что это формирует более сложный характер организации языка и «соответствует закону усложнения семиотических структур по мере развития культуры». По мнению Ю. С. Степанова, нарушение закона знака – совершенно закономерный процесс и не противоречит принципам устройства языка как знаковой системы. Это и является собой специфику данной языковой системы, и именно это «отличает её от других семиотических систем и делает предметом такой науки как лингвистика» [Степанов, 1985: 15].

В. Скаличка, как и многие другие лингвисты его времени, также хорошо осознавал нечеткость понятий слова, предложения, частей речи и т. д. и стремился их уточнить. Наряду с этим он выделял и такую единицу, как сема, которая представляет собой минимальную единицу, обладающую значением; она соотносится с морфемой, не всегда совпадая с ней. Понятие семы у В. Скалички основывается на идеях С. О. Карцевского об асимметричном дуализме, который отмечал в качестве проявлений такого дуализма омонимию и омосемию. В омосемии одной и той же семе соответствует несколько разных морфем (например, если одно грамматическое значение по-разному обозначается в разных типах спряжения или склонения) [Скаличка, 1967: 121].

Идея асимметрии языкового знака была четко сформулирована С. О. Карцевским. Он писал, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками» [Карцевский, 1965: 85-90]. Асимметрия плана выражения и плана содержания, как закон языкового знака, обеспечивает возможности функционирования всей языковой системы. В своей статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» С. О. Карцевский уделяет

этой проблеме большое внимание. Под асимметричным дуализмом учёный подразумевает отсутствие однозначного соответствия между означаемым и означающим. В конкретной коммуникативной ситуации под влиянием экстралингвистического и лингвистического контекста неизбежно возникает асимметрия означаемого и означающего. С. О. Карцевский отмечал, что означаемое и означающее «постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; означаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак». По мнению ученого, «именно благодаря асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система» может развиваться и адекватно приспосабливаться к потребностям конкретной ситуации. Суть идеи асимметричного дуализма языкового знака состоит в том, что «обе стороны языковой единицы (означающее и обозначающее) не являются неподвижными, то есть соотношение между ними неизбежно нарушается». [Карцевский, 1965: 89]. Это значит, что постепенно изменяется не только звуковой облик слова, но и содержание слова, что приводит к постепенному нарушению первоначального соответствия или симметрии и возникновению асимметрии. Это и делает языковой знак универсальным средством общения.

Асимметрия представляет собой «универсальное явление, и оно не является недостатком языка, а является важнейшим компонентом языковой системы, который связан с самим устройством и функционированием языка» [Эрдынеева, 2013: 79]. Важно обратить внимание на симметрию в самой асимметрии. Основная причина асимметрии состоит в том, что в языке у понятий есть четкое ядро, но при этом размытые границы этих понятий. Именно это позволяет словесно обозначать любой объект, даже если для него в языке нет особого наименования. Таким образом, выполняется важнейшая функция коммуникации, субъект дает наименования новым объектам,

пользуясь теми элементами плана содержания и плана выражения, которые уже есть в данном языке.

В. Н. Ярцева в своей работе пишет о связи формы и содержания следующее: «В типологии, как и в других областях языкознания, интерес к проблеме отношения формы и значения обострился в последние годы в связи с введением понятия «поверхностных» и «глубинных» структур» [Ярцева, 1976: 14]. По мнению И. Н. Горелова, знание формы не обязательно предполагает знание её значения, а понимание смысла, не обязательно предполагает знание формы «поверхностной структуры» [Горелов, 1986: 39].

Асимметрия языкового знака является весьма распространенным явлением, как и энантиосемия, которая на ней основывается. Эти явления активно используются в различных стилях и формах речи. Асимметрия языкового знака является одним из ярких выразительных средств языка, поэтому и явление энантиосемии представляет собой не менее яркое средство выразительности языка. Энантиосемия представляет собой закономерное явление, которое является результатом «асимметричного дуализма языкового знака», неустойчивого равновесия между обозначающим и обозначаемым, с одной стороны. И обусловлено диспропорцией между «ограниченными ресурсами» языка и «беспредельной конкретностью опыта», с другой стороны [Виноградов, 1960: 3-17].

Следует отметить, что категория энантиосемии, базируясь на противоположности значений, подразделяется на симметричную и несимметричную. Симметричная энантиосемия представляет собой наличие положительного и отрицательного плана содержания при едином плане выражения. Несимметричная или асимметричная энантиосемия выражается в наличии у языкового элемента только положительного или только отрицательного противоположного значения. Данная типология прослеживается как на лексическом, так и на фразеологическом уровнях, что доказано предыдущими исследованиями [см., например, Острикова, 2010: 213].

В своей работе Г. Н. Острикова пишет, что среди энантиосемичных лексических единиц чаще встречаются примеры с асимметричной противоположностью. Следует предположить, что не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне явление асимметричной энантиосемии будет превалировать, что и предстоит выяснить в практической части исследования.

1.2. Энантиосемичные синтаксические конструкции и их особенности

Само понятие «синтаксическая конструкция» Большая российская энциклопедия трактует следующим образом: «как сочетание слов (словоформ; реже как одну словоформу), представляющее собой синтаксическую единицу – словосочетание, предложение, а также вообще любое относительно законченное высказывание» [Большая российская энциклопедия, электронный ресурс]. В Новом словаре методических терминов и понятий под синтаксической конструкцией понимают сочетание слов, представляющее собой синтаксическую единицу, т. е. словосочетание или предложение [Азимов, 2009: 274]. В Словаре-справочнике лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой синтаксическую конструкцию рассматривают «как соединенное по правилам грамматики целое, состоящее из слов, словосочетаний, предложений» [Розенталь, 1985: 254]. Синтаксическая конструкция охватывает синтаксические построения, которые по своим характеристикам неоднородны. Среди синтаксических конструкций различают конструкции, которые минимальны по своей структуре, то есть содержат лишь необходимый минимум компонентов для построения данной единицы (например, *der grüne Wald; Man schreibt; Die Kinder malen; Vielen Dank!*). Существуют распространенные конструкции, которые возникают в результате расширения в той или иной мере минимальных конструкций, так называемые сложные словосочетания. Сюда же относятся и

распространённые предложения, а именно простые предложения, в которых присутствуют второстепенные члены предложения, поясняющие главные члены предложения или предложение в целом. Рассматривают также комбинированные конструкции, которые представляют собой соединение нескольких более простых конструкций, а именно комбинированные словосочетания, предложения с обособленными оборотами, сложные предложения, конструкции прямой речи. Стоит отметить, что для синтаксических конструкций характерны парадигматические видоизменения, то есть может видоизменяться главенствующий компонент синтаксической конструкции.

Существуют различные признаки, по которым синтаксические конструкции могут противопоставляться друг другу. По признакам более общего характера рассматривают предикативные и непредикативные синтаксические конструкции. Различают также минимальные конструкции и конструкции усложнённого типа, свободные и несвободные (лексически ограниченные или фразеологизированные), синтаксические конструкции в активном или пассивном залоге, инфинитивные синтаксические конструкции, отрицательные, синтаксические конструкции с обращением, с причастным оборотом или деепричастным оборотом и так далее.

Следует отметить, что термин «синтаксическая конструкция», как правило, не применяют к единицам, меньшим, чем словосочетание и предложение, к словоформам, которые не образуют предложения [Большая российская энциклопедия, электрон. ресурс]. По мнению В. Ю. Меликяна, на синтаксическом уровне языка, как и на лексическом уровне, есть единицы, которые содержат в себе структурную и семантическую слитность компонентов, образующих эту единицу. [Меликян, 2004: 51-59]. Д. Н. Шмелев писал, что в языке есть «такие ряды близких по строению фразеологизмов, которые являются результатом не преобразований какого-то определенного фразеологического словосочетания, а скорее результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций,

имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер» [Шмелев, 1977: 327]. А. И. Смирницкий считает, что в различных языках присутствует некоторое количество языковых единиц, которые представляют собой «выражение каких-либо чувств, волевых побуждений, реакций на какое-либо высказывание собеседника» [Смирницкий, 1955: 89]. Такие синтаксические конструкции в основном характерны для разговорной речи. Клишированные, иногда усеченные сокращения и деграмматизированные формы используются обычно в разговорной речи. Такие конструкции всплывают в языковом сознании как готовые реакции на типовые ситуации [Горелов, 1998: 71]. К таковым относят и синтаксические фразеологизмы (фразеологизированные предложения) или нечленимые предложения [Лекант, 1974: 151]. В Грамматике-80 под «нечленимыми предложениями понимаются построения или конструкции с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой» [Русская грамматика, 1980: 383]. В. В. Виноградов отмечает, что «нельзя сомневаться, что нечленимым предложениям присуща интонация сообщения» [Виноградов, 1954: 13]. В. Ю. Меликян, в свою очередь, под нечленимыми предложениями понимает «синтаксические единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, идиоматичностью, специфическим характером отношений между компонентами, а также выполняющие в языке коммуникативную и эстетическую функции» [Меликян, 2004: 52].

По мнению лингвистов, количество нечленимых предложений постепенно растет, что подтверждает стремление языка к устойчивости, регулятивности, системности и объясняется наличием у нечленимых предложений таких свойств как экономность, эмоциональность и экспрессивность. В. Ю. Меликян пишет, что нечленимые предложения «представляют собой пласт языковых единиц, широко употребляемых в разговорной речи» и они к тому же являются одним из наиболее ярких средств «эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного

смысла» [Меликян, 2004: 53]. Важно отметить, что нечленимость, как категориальное свойство нечлененых предложений, может быть и морфологической, и лексической, и семантической, и синтаксической.

Причинами возникновения и распространения в языке таких нечлененых синтаксических построений (далее синтаксических конструкций) с эмоционально-оценочным и экспрессивно-ироническим характером исследователи связывают в первую очередь с развитием общества в целом, с развитием личности и его коммуникативной индивидуальности в частности. В связи с этим происходит трансформация не только самого нечлененого предложения, как синтаксической единицы, но и изменения на других уровнях синтаксиса – текста и контекста. Другой причиной возникновения нечлененых синтаксических конструкций считается переизбыток информации, когда у говорящего возникает необходимость передать большое количество информации, используя при этом наименьшее количество языковых средств [Там же].

Ещё одной тенденцией увеличения нечлененых синтаксических конструкций в языке является склонность человека, особенно в условиях устного общения, использовать готовые коммуникативные единицы. Этому способствует также принцип «экономии языковой работы», который, по мнению Л. Б. Матевосян, является основным фактором при организации устно-разговорной формы речи [Матевосян, 1997: 96]. В результате влияния принципа экономии план выражения более экономной языковой единицы осложняется «за счёт невербализованной части соотносимой с ней развернутой синтаксической конструкции» [Меликян, 2004: 57]. Нечлененые предложения, с точки зрения их структурно-семантической организации, разделяют на четыре группы: коммуникемы [Там же: 61], фразеосинтаксические схемы [Шмелев, 1977: 326], устойчивые модели и устойчивые обороты. В. Ю. Меликян пишет, что первые три группы обладают следующими категориальными фразеологическими признаками, а именно устойчивостью, воспроизводимостью, цельюоформленностью,

идиоматичность и экспрессивность. Коммуникемы и фразеосинтаксические схемы представляют собой основу синтаксической фразеологии. Если говорить об устойчивых моделях, то степень их идиоматичности довольно незначительна, поэтому они, как и устойчивые обороты, располагаются на периферии поля синтаксической фразеологии [Меликян, 2004: 183].

Далее считаем необходимым рассмотреть более подробно понятие «устойчивые модели». По мнению В. Ю. Меликяна «устойчивые модели – это одно- или неоднородные синтаксические построения, имеющие понятийное значение, которое почти полностью равно семантике составляющих его лексических единиц» [Там же: 184]. Если сравнить устойчивые модели с предложениями со свободным порядком слов, то становится ясно, что на первый взгляд между ними нет никаких различий и устойчивые модели могут воспроизводить все структурные схемы предложений со свободным порядком слов. Синтаксические связи в устойчивых моделях между словами совпадают со структурой производящего предложения полностью. Инвертированный порядок слов в предложении, использование вопросительной синтаксической конструкции для выражения утвердительного или отрицательного содержания или же применение морфологических форм в переносном значении являются показателями фразеологичности устойчивых моделей. Значение устойчивых моделей опирается на довольно определенную, специальную синтаксическую схему. В синтаксических конструкциях с обратным порядком слов многие лингвисты рассматривают в качестве первичного их экспрессивно-ироническое значение. При этом «экспрессивно-ироническое» значение оказывается асимметричным в структуре устойчивых моделей [Там же: 184].

Что касается синтаксической конструкции устойчивых моделей, то важно отметить, что она не обладает опорным компонентом, стабилизирующим структурную схему предложения, но ей присуща максимальная степень обобщенности, абстрагированности от

морфологического и конкретно-лексического её наполнения. Наличие у устойчивых моделей определенного уровня формально-семантической фразеологизированности, подтверждается возможностью переосмысления содержания всей конструкции в целом на противоположное (энантиосемичное переосмысление), и несовпадением плана выражения и плана содержания данных конструкций (асимметрия), которое обуславливается наличием или отсутствием отрицательной частицы *nicht*.

Степень фразеологизированности и нечленимости устойчивых моделей так незначительна, что это совершенно не мешает анализировать структуру синтаксической конструкции при её делении на члены предложения. Именно поэтому возникают повышенные требования к контексту и реализации данных конструкций в речи. Устойчивые модели, обладая внутренней формой, производны и мотивированны. В результате процесса конверсии переосмыслению подвергается, например, значение «утверждения» или «отрицания» [Меликян, 2004: 187].

Объектом нашего исследования являются синтаксические конструкции в виде предложения, так как именно данные синтаксические конструкции недостаточно подробно изучены с точки зрения категории энантиосемии в немецком языке. Опираясь на теорию грамматики, рассмотрим понятие предложения. Ф. И. Буслаев определял понятие предложения с точки зрения логики, а именно, предложение – это «суждение, выраженное словами». Ф. Ф. Фортунатов о предложении писал так: «Среди грамматических словосочетаний, употребляющихся в полных предложениях в речи, господствующими являются в русском языке те именно словосочетания, которые мы вправе называть грамматическими предложениями, так как она заключают в себе, как части, грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое» [Валгина, 2002: 113]. В Литературной энциклопедии предложение является «основной единицей связной речи, характеризуемой определенными смысловыми (наличие так наз. предикации) и структурными (выбор, расположение и связь грамматических форм объединяемых в

предложение слов, характер интонации) признаками» [Литературная энциклопедия, электрон. ресурс]. Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение предложению: «Предложение является одной из основных грамматических категорий синтаксиса, которая противопоставлена в его системе слову (и словоформе) и словосочетанию по формам, значениям и функциям (назначениям)» [Лингвистический энциклопед. словарь, электрон. ресурс]. Мы будем придерживаться мнения М. Т. Баранова, который пишет, что предложение представляет собой основную единицу синтаксиса и наименьшую единицу общения. Предложение – «это слово или несколько слов, в которых заключается сообщение, вопрос или побуждение. Предложение характеризуется интонационной и смысловой законченностью, т.е. представляет собой отдельное высказывание» [Баранов, 1989: 157]. У предложения есть ряд признаков, которые отличают предложение от слова или словосочетания. Предложение выражает законченную мысль, имеет цель высказывания, имеет грамматическую основу, то есть грамматически организовано и оформлено интонационно.

Существует несколько общепринятых классификаций предложений. В лингвистике различают предложения по своим функциям и по структуре. По характеру выражаемого в них отношения к действительности различают *утвердительные* и *отрицательные* предложения. На *повествовательные*, *вопросительные* и *побудительные* предложения классифицируются по цели высказывания и зависящей от этой цели интонации. При соответствующей эмоциональной окраске любое предложение из этих групп может стать восклицательным, если эмоциональная окраска выражается с особой восклицательной интонацией. В зависимости от наличия или отсутствия второстепенных членов различают *распространенные* и *нераспространенные* предложения. По составу предложения делятся на *односоставные* и *двусоставные*. По строению предложения делятся на *простые* и *сложные* [Розенталь, 2001: 184]. Простое предложение

представляет собой предложение, в котором имеется одна грамматическая основа (подлежащее и сказуемое). Сложное предложение состоит из двух и более простых предложений. Как и простое, сложное предложение представляет собой единое целое. Предложения, которые входят в состав сложного, связаны между собой по смыслу лексическими средствами и интонацией [Баранов, 1989: 157-158].

Исследуя предложение, необходимо рассмотреть такую синтаксическую категорию как предикативность, которая определяет функциональную специфику предложения. Предикативность является основным «конституирующим» признаком предложения, «относящим его содержание к действительности и тем самым делающим его единицей сообщения (высказывания)» [Большая российская энциклопедия, электрон. ресурс]. Предикативность выполняет важную функцию, отличая предложение, как коммуникативную единицу, от таких номинативных единиц как слово и словосочетание, которые в свою очередь только называют ситуации или предметы, а не передают сообщения. Например, предложение *Die Sonne!*, произнесенное с особой восклицательной интонацией, отличается от лексической единицы, которая называет тот же объект *die Sonne* тем, что сообщает какую-то информацию (*Солнце светит, сияет!*). Из двух конструкций – словосочетания *die brennende Sonne* и предложения *Die Sonne brennt*, которые имеют общий объект обозначения, – предикативностью обладает только предложение. В предложении всегда содержится сообщение о каком-либо событии, которое предстаёт как реальное, происходящее в каком-то времени (в настоящем, прошедшем или в будущем) или же как ирреальное (как возможное, желаемое, должное или требуемое). Понятие реальности или ирреальности сообщаемого всегда соотносится со временем и базируется на категории глагольного наклонения. Следует отметить, что категория предикативности исходит из следующих категорий: категории модальности, синтаксического времени, синтаксического наклонения, и системы средств их выражения. В

предложениях *Mein Opa baut das Haus*, *Mein Opa baute das Haus* и *Mein Opa wird das Haus bauen* имеется информация о реальных ситуациях в разных временных планах. В этих предложениях предикативность выражается посредством синтаксической категории реальной модальности и соответствующих времен: настоящего, прошедшего и будущего. Например, в таком предложении: *Der Opa würde das Haus bauen* предикативность выражается с помощью синтаксической категории ирреальной модальности, то есть в предложении сообщается о предполагаемой ситуации в сослагательном наклонении. Что касается сложных предложений, следует сказать, что по отношению к ним зачастую применяется термин «полипредикативные предложения», а части сложного предложения называют предикативными частями или предикативными единицами. Соответственно отдельные части сложного предложения имеют свою предикативность, например, в сложном предложении *Er sah so aus, als ob er traurig wäre* в первой части (в главном предложении) предикативность выражена реальной модальностью и прошедшим временем, а во второй части предложения (в придаточном предложении) предикативность реализуется ирреальной модальностью и сослагательным наклонением [Большая российская энциклопедия, электрон. ресурс].

Одним из важных признаков предложения является модальность. В лингвистическом энциклопедическом словаре модальность рассматривается как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Лингвистический энциклопедический словарь, электрон. ресурс]. Относительно синтаксиса модальностью называется семантическая категория, которая формирует предикативную единицу (предложение). Модальность реализует отношение содержания предложения к действительности как в плане реальности, так и в плане ирреальности. Каждое предложение имеет обязательное объективно-модальное значение, но помимо этого предложение может иметь и

добавочное значение, субъективно-модальное, то есть может выражать «отношение говорящего к сообщаемому, образующее в предложении второй слой модальных оценок и квалификаций» [Большая российская энциклопедия, электрон. ресурс].

Ш. Балли в работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» писал, что «модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложению высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности» [Балли, 1955: 44]. По мнению Ш. Балли эксплицитное предложение состоит из двух частей: одна часть образует представление (содержание) и называется вслед за логиками *диктумом*. Вторая часть предложения является главной, а именно выражение модальности, которая производится «мыслящим субъектом и без которой не может быть предложения» и называется *модусом*. Модус дополняет диктум [Там же].

В работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» отечественный лингвист В. В. Виноградов дает глубокий анализ функционального диапазона модальности. Он считал, что модальность является конструктивным признаком предложения, его неотъемлемой частью. В. В. Виноградов говорил, что любое выражение мысли или чувства преобразуется в определенную интонационную схему предложения, которая существует в данном языке и выражает «одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности и образуют категорию модальности» [Виноградов, 1975: 55]. По мнению А. М. Пешковского, модальность выражает только «отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью» [Пешковский, 1956: 165]. Модальность часто рассматривается как категория, взаимодействующая с другими функционально-семантическими языковыми категориями. В категории модальности выражается тесное взаимодействие между такими факторами

коммуникации прагматического уровня, как говорящий, его собеседник, коммуникативная действительность и содержание высказывания.

В. Ю. Меликян также считает, что «модальность является содержательным центром предложения» и при этом разделяет семантику высказывания на *диктум* и *модус*. Диктум представляет собой ту часть содержания высказывания, которая выражает факты объективной реальности, то есть является основным сообщением. Модус, по мнению ученого, – это «психические переживания, связанные с выражением эмоционально-оценочного отношения к содержанию диктума» и представляет собой дополнительное сообщение [Меликян, 2004: 43].

При исследовании синтаксических конструкций с энантиосемичным значением данные понятия очень важны. Как и в любом предложении, в энантиосемичном предложении семантику можно разделить на диктум и модус. Синтаксическая конструкция имеет свой диктум, своё основное значение, что не отличает его от других предложений, а вот именно модусная часть высказывания помогает причислить ту или иную синтаксическую конструкцию к синтаксическим конструкциям с энантиосемичным значением. Так как основная функция предложения – это передача сообщения или информации, очевидно, что диктумная пропозиция в энантиосемичных предложениях преобладает.

В русле исследований семантического синтаксиса, который выделяет смысл предложения как самостоятельный объект, выработалось представление значения высказывания на уровне предложения как сочетания диктума и модуса, восходящее к идеям Ш. Балли. Ученый представлял значение предложения в виде объективного содержания и выражения отношения субъекта к этому содержанию, то есть объективного диктума и субъективного модуса [Балли, 2001: 43–48]. На основе анализа ряда исследований Е. А. Петрова считает, что, несмотря на терминологическое разногласие, «диктум соотносится с номинативным аспектом высказывания, в котором оно видится как целостный знак, имеющий означающее и

означаемое. Модус имеет двоякую природу: с одной стороны, он определяется как психический акт, независимо от диктума, то есть абсолютно, с другой стороны, он определяется как операция с диктумом, через диктум, то есть относительно» [Петрова, 2017: 150].

1.3. Ирония и её роль в формировании энантиосемичного значения в синтаксических конструкциях

Одним из источников энантиосемии считается ирония, в результате иронии возникают противоположные исходному (прямому) значению высказывания, в том числе образуются синтаксические конструкции с энантиосемичным значением. Остановимся подробнее на рассмотрении понятия иронии в историческом и современном понимании.

Слово «ирония» в переводе с древнегреческого языка (*eironeia*) обозначает «насмешка, притворство». Уже в античной литературе в V веке до н.э. появляется термин «ирония». Но не всегда ирония имела такое же значение, как в современной литературе. Например, в комедиях Аристофана ирония употреблялась в отрицательном смысле, в значении «хитрость», «обман» и «насмешка». В произведении «Облака» Стрепсиад ироником (*eiron*) называет лжеца. Во времена античности философы предпринимали первые попытки дать определение понятию «ирония», а в трудах Платона, Сократа и Аристотеля была довольно полно представлена теория иронии. Ирония, с точки зрения Платона, не просто обман, а скорее внешний обман, но по сути – глубокое знание. Здесь само слово «ирония» энантиосемично: 1. внешний обман (может быть – незнание); 2. глубокое знание. В свою очередь Сократ использовал иронию для того, чтобы доказать неправоту своего соперника. Сократ прибегал к различным уловкам в беседе со своим оппонентом, задавал «наивные вопросы», притворялся незнающим при обсуждении определенного вопроса для того, чтобы подвести своего собеседника к осознанию своего заблуждения. Данный метод и был назван

«Сократовская ирония», он обнаруживал в себе принцип сомнения и одновременно признание истины. «Сократ притворялся единомышленником оппонента, соглашался с ним и постепенно доводил его взгляд до абсурда» [Кожевников, 1987: 132]. Как и Сократ, Аристотель понимал иронию как притворство, но в то же время рассматривал как полную противоположность хвастовству. Он считал также, что ирония допускает отклонение от истины не ради выгоды оратора, а из-за отрицательного отношения к напыщенности собеседника. По словам Эрнста Белера, ирония Аристотеля обладала благородной и утонченной формой [Behler, 1984: 79].

Именно у Цицерона ирония приобретает свою важность. Цицерон различает «два типа иронии: иронию, как распространенный прием в момент беседы, и иронию как фигуру речи» [Кнох, 1961: 5]. Он считал, что ирония является очень эффективным средством воздействия на собеседника и трактовал иронию как «притворство», в момент которого, оратор говорит одно, а подразумевает нечто другое [Behler, 1984: 77]. По Цицерону ирония не несла в себе оскорбительного значения [Мюеске, 1970: 15]. С ростом свободомыслия в эпоху Возрождения появляется плодотворная почва для расцвета эстетической теории иронии. В это время иронию рассматривают как оборот речи, как риторический прием, который помогает, не называя никаких «личностей», высмеять кого-либо в форме скрытого намека.

В эпоху романтизма ирония получает развернутое теоретическое обоснование. Понимание иронии было расширено до мировоззренческого принципа благодаря немецким романтикам [Кожевников, 1987: 132]. Довольно полно разработаны теоретические аспекты иронии в работах К. Ф. В. Зольгера и Ф. Шлегеля. К. Ф. В. Зольгер в иронии замечает некую двойственность, которая, с одной стороны, помогает открыть человеку для себя «божественную идею», с другой стороны, помогает уничтожить, то, что пробудило ее к жизни. По мнению Ф. Шлегеля, ирония – основной принцип творчества романтиков, его ирония как ответ на ограниченную материальными принципами действительность. По Ф. Шлегелю ирония – это

«настроение, оглядывающее всё с высоты и бесконечно возвышающее над всем обусловленным, в том числе и над собственным искусством, добродетелью или гениальностью» [Шлегель, 1983: 283]. В своей статье С. Г. Биченко пишет, что с точки зрения Ф. Шлегеля ироническое высказывание соединяет в себе «противоположности и то, что ранее считалось единым, разбивает на противоположности» [Биченко, 2012: 319-320]. Таким образом, ирония строится на противоречии, контрастности.

Литература XX века обосновала концепцию объективной иронии в противовес субъективистской иронии в период романтизма. Широко осмыслением иронии и применением её в творчестве занимался Томас Манн. Он рассматривал иронию не только как стилистический прием, но и как форму мировоззрения. В своей известной «эпической теории» Т. Манн полагал, что «ирония необходима искусству как наиболее свободный от всякого морализаторства взгляд на действительность» [Воробьёва, 2008: 9]. Многие исследователи занимались и занимаются изучением понятия «ирония», например, М. М. Бахтин, Х. Вайнрих, А. В. Сергиенко, С. И. Походня и многие другие.

Следует отметить, что определение понятия «ирония» рассматривают с точек зрения различных областей науки: философии, эстетики, риторики, стилистики, теории коммуникации, поэтому определения могут отличаться друг от друга. В «Новейшем философском словаре» «ирония (греч. *eironeia* – притворство) – металогическая фигура скрытого смысла текста, построенная на основании расхождения смысла как объективно наличного и смысла как замысла. Она выступает в качестве скрытой насмешки, чем отличается от сатиры и пародии с их эксплицитно идентифицированным статусом» [Новейший философский словарь, 1999: электрон. ресурс]. Следует обратить внимание также на определение термина «ирония» в «Литературном энциклопедическом словаре» под ред. В. М. Кожевникова. Ирония понимается здесь как иносказание, выражающее лукавство или насмешку. При этом слово или высказывание приобретает в контексте коммуникации

значение, которое отрицает его и ставит под сомнение или же оказывается противоположным буквальному смыслу. Нередко ирония под маской согласия подразумевает негативное отношение. С точки зрения же эстетики ирония представляет собой «вид комического, идейно-эмоциональную оценку, элементарной моделью или образом которой служит структурно-экспрессивный принцип речевой, стилистической иронии». К тому же «ироническое отношение предполагает превосходство или снисхождение, скептицизм или насмешку, нарочито запрятанные, но определяющие собой стиль художественного произведения» [Кожевников, 1987: 132].

В толковом словаре С. И. Ожегова, ирония определяется как «тонкая, скрытая насмешка» [Ожегов, 1992: 145]. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахманова дает следующее определение термину «ирония» (англ. *irony*). Ирония по О. С. Ахмановой – это «троп, состоящий в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [Ахманова, 1966: 178]. В свою очередь стилист И. В. Арнольд рассматривает иронию как выражение насмешки, употребляя слова в значении, прямо противоположном его основному значению, притворное восхваление, за которым на самом деле стоит осуждение. По его словам, «противоположность коннотации состоит в перемене оценочного компонента положительного на отрицательный, ласковой эмоции на издевку, в употреблении слов с возвышенной и поэтической окраской по отношению к предметам тривиальным и пошлым, чтобы показать их ничтожество» [Арнольд, 2002: 66]. В «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева ирония определяется так: «во-первых, это тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме; во-вторых, употребление слова или целого выражения в противоположном смысле с целью высмеивания» [Комлев, 2006: 301]. Согласно И. Г. Гальперину ирония – это стилистическое средство, «основанное на одновременной реализации двух

логических значений – словарного и контекстуального, но эти два значения противопоставляются друг другу» [Гальперин, 1981: 133].

Несмотря на многообразие определений иронии, лингвисты имеют общий взгляд на сущность иронии. Из рассмотренных определений видно, что многие исследователи понимают иронию как антифразис, то есть употребление слова в смысле, прямо противоположном его основному значению. К тому же основной целью иронии считается насмешка, которая выражается под видом одобрения или похвалы [Воробьева, 2008: 10]. На основе работ исследователей и лингвистов, можно сделать вывод, что ирония – это часто коммуникативный прием, при котором слова или выражения употребляются в смысле, прямо противоположном буквальному, с целью выражения необходимых эмоций: насмешки, недоумения, удивления, негодования и т.д. К тому же стоит отметить, что для иронии характерно несоответствие между ожидаемым и реальностью. Для более четкого понимания иронического высказывания служит контекст, который подсказывает, что высказывание имеет не буквальное, а ироничное значение, часто с помощью кавычек в письменной речи или с помощью интонации в устной. И. Г. Гальперин пишет, что слово или выражение, содержащее иронию, отмечено определенной интонацией, имеет подчеркнутое ударение и, как правило, обладает специальной мелодией, если только сам контекст не делает это интонирование ненужным [Гальперин, 1981: 133]. Следует подчеркнуть, что иронию нельзя путать с юмором. Юмор, как известно, – это явление психологического характера, которое всегда вызывает восприятие смешного [Философский словарь, 2001: 706]. А вот ирония не всегда вызовет смех, а наоборот, может вызвать отрицательные эмоции: раздражение, недовольство, сожаление и др.

Таким образом, ирония – это прежде всего риторический стилистический прием, который используется во всех литературных жанрах и в разговорной речи. Ироничным считается высказывание, если сказанное говорящим воспринимается как прямо противоположное тому, что было

сказано. Однако важно, чтобы получатель или, по крайней мере, определенная аудитория признавали, что утверждение было ироничным и имело прямо противоположное значение.

Высказывание следует понимать иронично, если в процессе общения используются либо ироничные сигналы (подмигивание, необычный тон голоса и другие сигналы, которые могут указывать на то, что подразумевается нечто иное), либо сигналы контекста, когда говорящий явно подразумевает что-то другое. Если обе стороны имеют общие знания, никаких дополнительных сигналов не требуется. Иронию иногда трудно интерпретировать для посторонних, если они не знакомы с пресуппозицией определенного акта коммуникации [Münnich, 2015: электрон. ресурс]. Следует отметить, что понимание иронических высказываний в письменной форме всегда затруднено из-за отсутствия невербальных средств общения. Если ирония в момент коммуникации определяется, среди прочего, с помощью мимики и жестов, то во всех литературных жанрах это стилистическое средство обычно можно выявить только путем передачи ситуационного фона. Таким образом, в письменной речи для выражения и понимания иронического подтекста в высказывании необходим контекст, благодаря которому будет понятно, что подразумевает говорящий, говорит он с иронией или без.

М. В. Пивоев пишет, что в зависимости от того, на какой контекст опирается ирония можно выделить два вида иронии: открытая и прикрытая. В высказываниях с открытой иронией преобладают чувства, такие высказывания более эмоциональны, здесь говорящий не скрывает своей оценки. Преобладанием разума над чувствами характеризуется прикрытая ирония, которая может быть непонятна для окружения, так как для данного вида иронии необходим узкий контекст. «В прикрытой иронии субъект скрывает свою негативную оценку и одновременно показывает ее через контекст, степень опосредованности этого намека достаточно велика. Открытая ирония не скрывает своей негативной оценки, на нее указывается

через непосредственный общеизвестный контекст, хотя смысл высказывания ей формально противоречит» [Пивоев, 1997: 32]. К прикрытой иронии М. В. Пивоев относит юмористическую и насмешливую иронию. По его мнению, функция юмористической иронии состоит в передаче осуждения, критики и разоблачения в виде развлечения и торжества. Наиболее характерным видом прикрытой иронии является насмешливая ирония, так как «её социально-критический пафос выражается сильнее, несмотря на то, что спрятан под маской похвалы и одобрения». М. В. Пивоев отмечает еще один вид прикрытой иронии, заслуживающий особого внимания – конвенциональная ирония. «Длительное общение людей в микросреде, неизменной по своему составу, приводит к тому, что возникает контекст общих мест, круг обсужденных тем, на которые в ходе общения можно указывать, намекать, зная, что объяснять подробнее нет необходимости, возникает определенный конвенциализм». По мнению автора, в такой среде легко возникает конвенциональная ирония, которая опирается на этот общий контекст и помогает отграничивать «своих» от «чужих» [Пивоев, 1997: 32].

В своих работах И. Паси подробно изучал понятие «открытая ирония». Он пишет, что риторическая ирония является наиболее распространенным видом открытой иронии. И. Паси отмечает, что риторическая ирония «театральна, так как субъект иронии как бы рассуждает сам с собой. В связи с этим риторическая ирония опирается на неопределенный широкий контекст, который понятен окружающим» [Паси, 1999: 174]. Исследователь акцентировал внимание на двойственности риторической иронии: «диапазон ее активности может распространяться от апатии до сарказма или иногда даже до агрессивности» [Там же].

В лингвистике различают также следующие формы иронии: *Прямая* ирония рассматривается как способ придать отрицательный характер определенной ситуации. *Самоирония* – направлена на самого себя в противоположном аспекте. Что касается *антииронии*, то она противоположна прямой иронии. *Постирония* обозначает такое состояние, когда искренность

становится трудно отличить от иронии, этот вид иронии называют еще «Сократова ирония», о которой выше уже говорилось. Это одна из форм самоиронии, при которой мнение оппонента раскрывается им самим же; он как бы самостоятельно приходит к закономерным логическим выводам и находит скрытый смысл иронического высказывания.

В своей работе С. И. Походня выделяет следующие типы иронии: «ирония как стилистический прием (ироническая насмешка) и ирония как эффект, производимый на слушателя высказыванием». С целью разграничения данных разновидностей иронии С. И. Походня пишет: «Подход к иронии как к способу мировосприятия подвел и литературоведов, и лингвистов к необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка» [Походня, 1989: 16]. В диссертации М. Ю. Орлова отмечается, что речевая ирония всегда выражает противоположное высказыванию значение и имеет большое количество градаций, и только простейшие формы речевой иронии обладают значением, которое является полной противоположностью высказыванию [Орлов, 2005: электрон. ресурс]. Что интересно, более сложными формами иронии считаются те, которые совмещают в себе одновременно не только противоположное значение, но и прямой смысл высказывания, при этом сосуществование таких значений может выражаться по-разному [Там же: электрон. ресурс].

Стоит отметить, что сложные формы иронии – это и есть «чистая энантиосемия». Выражение, которое является положительным по своей форме и выражает противоположное, то есть отрицательное значение или же наоборот, выражение отрицательное по форме, но положительное по содержанию. Для точного понимания расхождения по форме и содержанию данных выражений необходим контекст употребления этих выражений.

1.4. Эмоциональность и экспрессивность – коммуникативные свойства предложений с энантиосемичным значением

Эмоциональность и экспрессивность являются важнейшими лингвистическими категориями, изучение которых видится необходимым для определения их как основных коммуникативных характеристик предложений с энантиосемичным значением. Существует большое количество исследований, которые посвящены категориям эмоциональности и экспрессивности, но несмотря на это, в настоящее время всё еще наблюдается недостаточная разработанность проблемы, так как существует довольно многообразный спектр мнений о соотношении упомянутых категорий.

В современном мире люди стали намного активнее выражать свои эмоции. Возможно, что это является следствием глобальных изменений в мире, когда отношения между людьми стали более эмоциональными на политическом, экономическом, социальном уровне. В последнее время человек стал ощущать себя более свободным, эмоционально раскрепощенным и не боится выражать свои эмоции открыто и в языковой, и во внеязыковой форме [Аванесова, 2010: 5]. Известно, что мотивационной основой сознания человека и его языкового поведения являются эмоции, человек в своем общении не может обойтись без эмоций. По мнению А. И. Дзюбенко, «энергия в коммуникации рождается из эмоции, которая неизбежно, даже в случае нейтральной, неэмоциональной манеры общения, проникает в содержание общения» [Дзюбенко, 2021: 98]. Поэтому эмоциональный аспект речи вызывает интерес и исследуется многими лингвистами.

Немецкий лингвист Рейнхард Филер в своей работе «Kommunikation und Emotion» («Коммуникация и эмоции») объясняет, что эмоции как предмет и объект научного исследования непросты из-за множества причин разного плана:

1. На уровне общественных отношений из-за определенных установок и ценностей эмоциональность часто рассматривается с негативной точки зрения.

2. В научном плане доминирует понимание, что человек прежде всего существо, действующее целенаправленно. Соответственно это отражено в концепции взаимодействия коммуникации и языка.

3. В лингвистике эмоции ограничены вербальной стороной, чаще всего даже более ограничены письменными предложениями или текстами. Это ограничение области также затемняет представление об эмоциональности [Fiehler, 1990: 20-21].

В другой своей работе Рейнхард Филер раскрывает такое явление как «эмоции через жизненное переживание». Он рассматривает жизненное переживание, с одной стороны, и действие, с другой стороны, как две главные составляющие взаимосвязи человека и его окружения. Переживание, по мнению Р. Филера, – это внутренняя сторона этой взаимосвязи, воздействие, которой направленно вовне. Переживание включает в себя все, что служит для фиксации и обработки внешних впечатлений, а также для прогнозирования и подготовки определенных действий. И то, и другое тесно взаимосвязаны: переживание является результатом действия, оно сопровождает действие и ведет к действию. Само переживание состоит из сенсорных восприятий, впечатлений, познаний, оценок, ощущений, эмоций, действий и физиологических состояний, которые воспринимаются из окружающего мира. Это целый комплекс эмоций, который люди испытывают в отношении к окружающей среде и к самому себе. Эмоции по Р. Филеру являются «специфической составной частью жизненного опыта. В первую очередь эмоции служат для оценки происходящего. Эмоции могут быть лишь частью опыта, но не составляют всего опыта» [Fiehler, 2010: 19]. Эмоции могут быть доминирующими в процессе опыта, но они также могут встречаться в различных комбинациях и сочетаниях с другими формами опыта. Например, такие эмоции как «гнев», «раздражение» могут сочетаться

с физическими состояниями «усталость» и «голод», которые являются переживаниями, но не являются чистыми эмоциями, а скорее физическими состояниями. Рейнхард Филер сравнивает понятия «чувства» и «эмоции» и приходит к выводу, что эмоции являются особой формой переживания и что они выполняют оценочную функцию.

Кроме того, эмоции понимаются как социально созданные и социально регулируемые явления, поскольку правила эмоций, правила проявления, правила соответствия и правила кодирования являются решающими для эмоционального события. Эмоции становятся чем-то «публичным», открытым для внешнего мира. Они связаны с действиями, поведением, психологическими реакциями, выражением лица, жестами, позами, движениями и вокальным, вербальным и разговорным поведением. Неопровержим и тот факт, что выражение эмоции принадлежит только соответствующей эмоции, но в то же время соответствующая форма выражения эмоции зависит от ситуации, к которой она относится [Fiehler, 1990: 108]. Рассматривая человеческие эмоции, можно прийти к выводу, что язык выражает эмоции, описывает их, предлагает определенные средства для их наиболее точного моделирования. «Сам язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры» [Аванесова, 2010: 5].

В современной лингвистике разграничивают понятия эмоциональность, эмотивность и экспрессивность. Одни ученые разделяют эти категории, другие считают их синонимичными, но при этом все исследователи указывают на точки соприкосновения данных понятий. Не все лингвисты являются сторонниками идеи четкого различения данных понятий. Некоторые ученые рассматривают эмоциональность как лингвистическую категорию, служащую для выражения чувств говорящего (М.П. Брандес, К.А. Левковская и др.). Другие ученые под эмоциональностью понимают лингвистическую категорию, которая служит для выражения отношения к высказыванию (Э.А. Вайгла, Н.Я. Милованова и

др.). В лингвистической науке отмечается, что эмоции никогда не будут совпадать с их отражением в языке. Поэтому данные различия были выражены в противопоставлении понятий эмоций в психологическом и в языковом планах.

В последнее время лингвисты под эмоциональностью понимают «психолого-физиологическое состояние человека, его психическую способность испытывать эмоции, реагировать на окружающие события, а языковое выражение эмоциональности с помощью различных языковых средств называют эмотивностью» [Ленько, 2015: 84-85]. Нередко происходит отождествление понятий «эмотивность» и «экспрессивность», в результате их смешения. Сторонником идеи смешения этих понятий был Ш. Балли, который полагал, что «идентифицировать экспрессивный факт – значит приравнять его к единой мысли, определить его путём подстановки простого эмоционального слова (слова-идентификатора), соответствующего представлению или понятию» [Балли, 1961: 34]. О. С. Ахманова, В. В. Виноградов и некоторые другие ученые также считали и считают понятия «эмоциональность» и «экспрессивность» синонимичными. В. И. Шаховский рассматривает «эмотивность» и «экспрессивность» частично как сходные категории, но в то же время как независимые друг от друга явления, и допускает существование неэкспрессивной эмотивности. По его мнению, «эмотивность высказывания всегда связана с выражением эмоциональной оценки, а экспрессивность чаще связана с интеллектуальным намерением убедить в чем-нибудь адресата» [Шаховский, 1975: 24-25]. В свою очередь Е. М. Галкина-Федорук считает, что экспрессивность способна пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное, поэтому это понятие, по её мнению, шире эмоциональности [Галкина-Федорук, 1958: 107].

Современные исследователи (Г. Я. Солганик, Н. А. Лукьянова, В. Н. Телия и др.) обоснованно полагают, что «разговорная речь – та область, где в наибольшей степени выражается эмоциональное, индивидуальное, экспрессивное. Она по самой своей природе предполагает выражение

субъективного отношения к предмету, ситуации речи и имеет богатейшие средства и возможности для реализации экспрессивной функции» [Рожкова, 2011: 151]. Становится ясно, что категории эмоциональности и экспрессивности действительно тесно переплетаются. Экспрессивность – это категория, которая делает речь более яркой, впечатляющей и сильно воздействующей на субъекта. Важно отметить, что «экспрессивность имеет языковую природу, а значит действует через механизмы языка, но эффект её проявляется только в речи (тексте)» [Аванесова, 2010: 6]. Известный ученый В. Г. Адмони в отношении эмоциональной экспрессии в синтаксисе выделяет эмоциональную насыщенность предложения в качестве одного из аспектов его изучения. По мнению ученого, исследование синтаксической системы является неполным, если из него исключить эмоционально-экспрессивные элементы [Адмони, 1988: 80-86].

Между понятиями «эмоциональность» и «экспрессивность» существует довольно четкое различие. Эмоциональность представляет собой выражение чувств и настроений говорящего, то есть субъективное отношение к действительности. Экспрессивность характеризуется выразительностью речи говорящего, зачастую «соотносится с интенсивностью, которая имеет целью усилить воздействие на слушающего, поразить или убедить его» [Гак, 1973: 371]. Существует мнение, что эмоциональность является частью экспрессивности, то есть эмоциональность всегда экспрессивна, а экспрессивность не всегда эмоциональна, так как она всегда «выражает чувства говорящего по отношению к субъекту или явлению действительности» [Аванесова, 2010: 8]. Экспрессивность подчеркивает необычность речи и даже её индивидуальность, выделяет целый текст или его часть с помощью лексических, грамматических, синтаксических или стилистических средств, воздействуя при этом на эмоциональную сферу получателя. Таким образом, и эмоциональность, и экспрессивность являются категориями коммуникативного плана. Стоит отметить, что экспрессивность – категория, «приобретаемая словом или

выражением только в данном речевом контексте», она «внутренне присущая данному одному слову (или выражению) как элементу (единице) языка» [Ахманова, 2004: 524]. Экспрессивность способствует эффективности процесса коммуникации. В процессе общения экспрессивность выполняет не только информативную функцию, но и воздействующую, которая в первую очередь опирается на эмоционально-экспрессивный потенциал языковых единиц. Экспрессивность речи всегда предполагает ее усиленную выразительность. Экспрессивность и эмоциональность – это константные свойства в целом синтаксических языковых единиц, а в частности синтаксических конструкций, которые невозможно представить без соотнесения их с нейтральной формой изложения. «Интенсивность как показатель степени усиления представляет собой количественную характеристику качеств экспрессивной стороны речи. Она показывает то, насколько экспрессивное возвышается над предметно-логическим содержанием высказывания» [Меликян, 2014: 41]. Экспрессивность представляет собой соотношение в разной степени различных языковых средств на когнитивном уровне с различными процессами. Экспрессивность языковых средств – это имманентная характеристика текста, формируемая в процессе порождения текста, а экспрессивность текста – это способность самого текста оказывать «определенное воздействие на сознание и поведение реципиента». «Эмоциональность, непосредственная характеристика языковых средств, специально предназначенных для усиления эмоциональности содержания текста, является ядром общей экспрессивности текста» [Там же: 42]. Учитывая, что эмоциональность и экспрессивность являются неотъемлемой частью коммуникации, так как в момент общения выражаются не только мысли, но и различные эмоциональные состояния человека, можно считать, что данные категории являются коммуникативными свойствами языковых единиц, в частности предложений.

Традиционно классифицируют предложения по цели высказывания на повествовательные, вопросительные и побудительные. И. А. Сизов и Н. С.

Балгин считают, что каждое предложение может стать восклицательным, если произнести его с эмоциональной интонацией [Рыбакова, 1985: электрон. ресурс]. Присутствие в речи восклицательных предложений является основным признаком необычного, эмоционального состояния говорящего, так как эмоциональность ярко выражается именно в таких конструкциях. По М. Я. Блоху, восклицательность, являясь свойством предикативной конструкции, представляет собой форму выражения эмоциональности. Предложение как единица текста обладает своими специфическими особенностями: характеризуется структурной завершенностью, единицей формирования и выражения мысли. Сферой непосредственной реализации эмоционально-экспрессивных значений является в целом именно предложение. Восклицательность – это интенсивная синтаксическая форма выражения эмоциональности [Блох, 1976: 14-23].

Особая экспрессия характерна также для вопросительного предложения, коммуникативной функцией которого является запрос информации у получателя сообщения. Вопросительные предложения обладают своими специфическими формальными особенностями, например: вопросительной интонацией, наличием вопросительных слов, наречий и местоимений, нарушением грамматического порядка слов и др. Особый интерес вызывает такой вид вопросительных предложений, как риторический вопрос. Известно, что риторический вопрос содержит эмоциональное утверждение или отрицание в форме вопроса и при этом не предполагает ответа на заданный вопрос. Риторический вопрос заметно повышает экспрессивность высказывания [Рыбакова, 1985: электрон. ресурс].

Что касается побудительного предложения, то его коммуникативной функцией является стимулирование собеседника к выполнению или к невыполнению какого-либо действия. В силу своей коммуникативной направленности – побуждения к действию – побудительное предложение является наиболее эмоциональным коммуникативным типом предложения и выражает особенно высокую степень эмоциональности.

Информация, содержащаяся в предложениях, всегда направлена на получателя данной информации. Семантика, заложенная в предложении, может быть ожидаемой или неожиданной для собеседника. Учитывая, что объектом нашего исследования являются синтаксические конструкции с энантиосемичным значением, особый интерес вызывают коммуникативные свойства – эмоциональность и экспрессивность – именно в предложениях с энантиосемичным значением. Опираясь на вышеизложенное понимание категории энантиосемии, можно предположить, что информация, содержащаяся в энантиосемичном предложении может противоречить ожиданию адресата, то есть в момент речи он понимает, что в высказывании говорящего заложен противоположный ожидаемому смысл.

В. Ю. Меликян считает, что предложение с отрицанием «предполагает убежденность собеседника в наличии факта прямо противоположного выражаемому, его потребление неизбежно имеет эффект вторжения в границы внутреннего “Я” собеседника, а следовательно, и эффект воздействия на его эмоции». Наиболее экспрессивными, по мнению В. Ю. Меликяна, являются отрицательные предложения, которые имеют положительное содержание, «... намеренно (по воле говорящего) надевшие на себя “маску” позитивных конструкций» [Меликян, 1996: 35].

В анализируемых синтаксических конструкциях смысловая нагрузка прямо противоположна смысловой нагрузке, которая заложена в данной языковой форме, то есть форма и содержание в таких предложениях или синтаксических конструкциях не совпадают. Следовательно, соответствующее несовпадение формы и содержания наполняют высказывание еще большей эмоциональностью, а синтаксическая конструкция становится максимально экспрессивной.

1.5. Контекст как важнейшее условие актуализации противоположности значений

Каждый элемент в системе языка лишь относительно имеет самостоятельное значение. Значимость этого элемента определяется только в системе целого построения. Д. Ф. Лосев писал: «Всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков...» [Лосев, 1973: 22]. Учитывая, что языковая единица приобретает свою однозначность, свой истинный смысл только в определенных условиях, заданных конкретным окружением, становится ясно, что вне контекста коммуникация становится невозможной. Именно контекст может установить истинное содержание языковых единиц при их многозначности.

Слово «контекст» произошло от латинского *contextus*, что обозначает: «соединение, согласование, связь, сплетенный воедино». В Энциклопедическом словаре слово «контекст» обозначает относительно законченный отрывок письменной или устной речи (текста), в пределах которого наиболее точно выявляется значение отдельных входящих в него слов, выражений и т.п. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой контекст – это «относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания. Значение слова узнаётся в контексте» [Ожегов: электрон. ресурс]. В Большом толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова контекст – «связное словесное целое по отношению к входящему в него определенному слову или фразе». Автор говорит, что нужно взять фразу в контексте, и только тогда она станет понятной [Большой толковый словарь Ушакова: электрон. ресурс].

Интересны видения термина «контекст» других исследователей. По И. Р. Гальперину, контекст – это «лингвистическая ситуация», в которой «наблюдаются, анализируются и конкретизируются особенности языковых факторов, являющихся объектом исследования» [Гальперин, 1974: 67]. Некоторые исследователи определяют виды контекста по различным признакам, тем самым проводят детальный анализ самого контекста. Рассмотрим некоторые классификации понятия «контекст». Хотя основания для классификации контекста определены еще совсем не точно. А. А.

Реформатский, например, разделяет контекст на словесный (речевой) и бытовой. Под словесным или речевым контекстом понимаются «те слова, которые окружают или сопровождают данное слово и придают ему необходимую однозначность», а под бытовым подразумевается «обстановка или ситуация речи: кто говорит, где и когда говорит, кому говорит, зачем говорит и т. п.» [Реформатский, 2005: 60].

О.С. Ахманова, в свою очередь, в «Словаре лингвистических терминов» рассматривает два значения термина «контекст». В первом случае контекст – это «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи» [Ахманова, 2004: 200]. Во втором случае под контекстом понимается «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы». Автор выделяет несколько видов контекста: контекст бытовой, при котором рассматривается ситуация общения, определяющая выбор слов и моделей построения устной речи, и контекст метафорический, который трактуется как совокупность тропов, основанная на «семантической двуплановости», параллельном функционировании двух смысловых рядов. Под контекстом ситуации подразумеваются условия осуществления определенного акта речи, а под контекстом театральным понимается контекст, который создаётся обстановкой театрального исполнения и разъясняется в тексте пьесы сценическими ремарками. И последний вид контекста – контекст топонимический, который представляет собой совокупность топонимов, характерных для данной территории [Ахманова, 2004: 201].

В. Я. Мыркин классифицирует контекст, исходя из обоснования языка как явления коммуникации, и выделяет шесть видов: 1) вербальный и ситуативный контексты; 2) физический и психологический контексты; 3) контекст культуры и психологический контекст; 4) лингвистический и паралингвистический контексты; 5) линейный и структурный контексты; 6) операционный и коммуникативный контексты [Мыркин, 1978: 95].

Остановимся на определении исследователем понятия коммуникативного контекста. Под коммуникативным контекстом В. Я. Мыркин понимает «организацию средств, организацию контекстов и опору на контексты, вербальные и невербальные, для передачи (и восприятия) смысла сообщения. Смысл отличается от значения актуальным, творческим и личностным характером». Так как коммуникативный контекст служит для выражения смысла высказывания, то образуется совокупностью следующих контекстов, а именно лингвистическим, паралингвистическим, ситуативным, психологическим и культурным. Одним из путей верификации смысла высказывания В. Я. Мыркин рассматривает интерпретацию смысла высказывания в зависимости от окружающего контекста [Мыркин, 1978: 99-100].

В своей работе «Контекстная семантика» Г. В. Колшанский очень подробно останавливается на понятии «контекст». Он пишет, что отдельные элементы звукового комплекса (фиксированной единицы текста) «попеременно участвуют в акте коммуникации, а выбор их определяется речевой ситуацией» [Колшанский, 1980: 15]. В лингвистике давно отмечена взаимосвязь всех элементов языка, как на формальном, так и на содержательном уровне. По мнению Г. В. Колшанского, контекст является «необходимым условием организации и функционирования языка». В связном тексте значимые слова вступают в определенные синтаксические связи в соответствии со своими грамматическими и семантическими особенностями. Вне связи с другими единицами или формами употребление любой языковой единицы просто невысказуемо. «Сущность языка и состоит в том, что он представляет собою не простой набор единиц, а систему, существующую реально только в виде множества высказываний,…» Исследователь пишет, что общий смысл высказывания является результатом «действия некоего целого, в которое входят и слова и ... собеседники. Это целое, «общая ситуация», в которой осуществляется коммуникация...; это целое, это и есть контекст» [Колшанский, 1980: 15-16]. Итак, при подробном

рассмотрении понятия контекст одно становится очевидным – значение языковых единиц, в частности предложений, создается в речи, где они функционируют и реализуют свое значение в окружении других языковых единиц.

С понятием «контекст» пересекается понятие «пресуппозиция». Интерес к понятию «пресуппозиция» пришел в лингвистику под влиянием логико-философских концепций, касающихся значения предложения. С лингвофилософской точки зрения проблема пресуппозиций рассматривается, с одной стороны, в связи с установлением истинного значения предложений и, с другой стороны, при разграничении разных типов логических отношений между предложениями [Арутюнова, 1973: 84-89]. Язык не является суммой отдельных высказываний, а реализуется в виде цепочки рассуждений, которая может быть любой длины. Г. В. Колшанский рассматривает понятие пресуппозиции в связи с контекстом и говорит, что «контекст в рамках макроконтекста (дискурса) по своей природе существенно отличается от микроконтекста». Если для микроконтекста важна конкретизация слов в соответствующих группах словосочетаний, то в макроконтексте важнейшими являются «предварительные знания возможного значения как отдельных слов, так и словосочетаний». Соответственно данные предварительные знания и представляют собой явление пресуппозиции, которое помогает определить «соответствующее однозначное понимание как отдельных слов внутри фразы, так и, следовательно, всей фразы» [Колшанский, 1980: 16]. При этом в пределах микроконтекста предложения основным является совокупность синтаксических средств (порядок слов, согласование и т. д.), а в пределах макроконтекста определяющим является смысл отрезков высказывания, который предопределяет понимание последующей фразы.

Необходимым фактором корректной коммуникации является связь контекста как совокупности условий понимания высказываний с так называемыми фоновыми знаниями. По О. С. Ахмановой, фоновое знание определяется как вертикальный контекст в отличие от языкового контекста

(горизонтального). Она считает, что фоновые знания представляют собой «совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у носителя данного языка». Она утверждает, что без этого знания невозможно языковое общение и именно оно и помогает восприятию текста. Данное обстоятельство и придает пресуппозиции лингвистический статус. Пресуппозиция способствует организации и восприятию текста и нацелена на выявление основного смысла высказывания и точное его восприятие благодаря верно выстроенным предпосылкам о знании предмета коммуникации [Ахманова, 1977: 49].

Чаще всего контекст по характеру содержания разделяют на два типа: лингвистический и экстралингвистический. Под лингвистическим контекстом понимается вербальный контекст, включающий в себя не только слова, но и коммуникативно-дифференцирующую интонацию. Г. В. Колшанский дает лингвистическому контексту следующее определение: «Лингвистический контекст (дискурсивный или вербальный) – это самый узкий контекст, образуемый выстраиванием слов в ряд, их группировкой и пр.» [Колшанский, 1980: 74]. Несмотря на то, что «синтаксис упорядочивает и определяет место и функцию каждого языкового элемента в высказывании, семантика этих единиц раскрывается лишь в определенных коммуникативных отрезках» [Там же: 42]. Для языкового или лингвистического контекста важно не только восприятие и однозначное понимание высказывания, но и определение истинности высказывания. При этом основой лингвистического контекста является содержательный элемент.

Лингвистический контекст, в свою очередь, разделяют на лексический контекст и синтаксический контекст. Лексический контекст – это такое словесное построение, в котором смысл предложения отражается самими лексическими единицами независимо от выполнения ими синтаксической функции в предложении. Лексический контекст зависит от типового значения ключевого слова и выступает средством реализации оценочных

значений высказываний. Для эффективности процесса коммуникации, более точного выражения мысли при помощи контекста требуется точное эксплицитное указание на определенные компоненты смысла, которые относятся к конкретному высказыванию. Что касается синтаксического контекста, то основным средством выражения мысли должна выступать сама синтаксическая конструкция, а не лексическое значение слов, которые входят в эту конструкцию.

Для актуализации смысла предложения одним из основных синтаксических средств является изменение в предложении грамматически правильного, нейтрального порядка слов. В начальную позицию в данном случае выносятся наиболее значимый с точки зрения информации член предложения. Целью коммуникации является необходимость выразить отношение говорящего к высказыванию, также желание подчеркнуть нечто важное, проявить соответствующие высказыванию эмоции. Данная цель коммуникации и диктует определенно выстроенный порядок слов в высказывании.

Лингвистический контекст является частью «более высокого контекста», который наряду с ним включает в себя такие вспомогательные средства как интонация, мимика, жесты и т.п. Этот более высокий контекст и называют эксплицитным, то есть тот, который выражается не только вербальными, но и невербальными средствами. Наряду с эксплицитным контекстом различают и имплицитный контекст, который не так явно выражен. Имплицитный контекст относится к одному из видов пресуппозиции, о которой говорилось выше.

Несмотря ни на что язык остается внутренне организованной структурой, и смысл этой структуры формируется как внутри нее самой, так и одновременно с экстралингвистическим контекстом. Такие ученые, как Б. Малиновский и Дж. Р. Ферс, выстраивали свою концепцию и считали, что «любое высказывание получает смысл не в рамках своей структуры, а лишь в отношении этой структуры к сумме ситуаций» [Колшанский, 1980: 32].

Смысл концепции состоял в том, что все единицы языка (слова, словосочетания, предложения) сами по себе не имеют своего собственного значения, а каждый раз приобретают его в новой ситуации и становятся в этот момент новым образованием.

Экстралингвистический контекст представляет собой определенную ситуацию общения, которая включает условия, место и время коммуникации, отношение коммуникантов друг к другу и к ситуации общения, тон речи, интонацию, мимику коммуникантов, их телодвижения и жесты и т.п. Учитывая тот факт, что экстралингвистический контекст несет в себе определяющую функцию точности высказывания, можно отметить, что контекст является важным условием для актуализации противоположных значений предложения. Вторичное значение синтаксических конструкций с энантиосемичностью обычно требует особой ситуации – ситуации «конфронтации» (от легкого несогласия до крайне негативного и ироничного отношения к факту). В «конфликтной ситуации» создается как бы «маска», которая частично служит для укрытия от неожиданной атаки, если утверждение адресовано непосредственно адресату. Эта ситуация является общим требованием для реализации вторичного значения и языкового контекста как отдельного контекста [Контекст и пресуппозиция высказывания: функциональный аспект: электрон. ресурс].

Таким образом, для точного установления истинности высказывания в момент коммуникации необходимо четко знать контекст ситуации общения как лингвистический, так и экстралингвистический. Именно в контексте происходит переосмысление высказывания, адекватное его оценивание и правильное понимание амбивалентного значения данного высказывания. В положительном ли или отрицательном значении употреблено данное высказывание помогает определить только контекст, в котором реализуется определенный акт коммуникации.

Выводы к главе 1

На всех языковых уровнях логической основой энантиосемии является понятие противоположности, в плане структуры значений исследуемых единиц, вступающих в противопоставление, различают симметричную и несимметричную энантиосемию. Для симметричной энантиосемии на синтаксическом уровне характерно при едином плане выражения наличие отрицательного и положительного планов содержания, а для несимметричной (асимметричной) энантиосемии характерно наличие негативного плана содержания при положительной форме, и наоборот, при отрицательной форме только положительного плана содержания.

Энантиосемия представляет собой закономерное явление, которое является результатом асимметричного дуализма языкового знака, то есть неустойчивого равновесия между обозначающим и обозначаемым. Асимметрия языкового знака является одним из ярких выразительных языковых средств. Энантиосемия, основывающаяся на асимметрии, также обладает большим потенциалом выразительности и экспрессивности.

Под синтаксической конструкцией понимается сочетание слов, которое представляет собой синтаксическую единицу, а именно словосочетание или предложение. В работе рассматривались энантиосемичные синтаксические конструкции в виде простых и сложных предложений.

Любое предложение обладает синтаксической категорией предикативности. Именно предикативность выполняет важную функцию предложения, а именно определяет отношение содержания предложения к действительности, что и делает предложение единицей сообщения, высказыванием, и отличает предложение от других коммуникативных единиц, таких как слово и словосочетание. Предикативность строится на базовых категориях: модальности, времени, наклонения и системе средств их выражения. При исследовании синтаксических конструкций с

энантиосемичным значением данные понятия очень важны, а модальность является основой предложения.

Как и в любом предложении, в энантиосемичном предложении семантику можно разделить на диктум и модус. Диктум – это содержание высказывания, а модусом является эмоционально-оценочное отношение к содержанию высказывания, то есть к диктуму.

Наличие у энантиосемичных синтаксических конструкций определенных элементов формально-семантической фразеологизированности подтверждается возможностью переосмысления содержания всей конструкции в целом на противоположное (энантиосемичное переосмысление), и несовпадением плана выражения и плана содержания данных конструкций (асимметрия).

Интенсификатором энантиосемичности синтаксических конструкций является иронический контекст. Само понятие иронии несет в себе значение противоположности, а ироничность высказывания выражается в его переносном значении. Наличие в синтаксической конструкции переносного (асимметрия формы и содержания) и прямого значения свидетельствует о её энантиосемичности.

Лингвистические категории эмоциональность и экспрессивность являются одними из основных коммуникативных характеристик синтаксических конструкций с энантиосемичным значением. Учитывая характеристику категории энантиосемии, информация, которая содержится в энантиосемичном предложении не совпадает с ожиданием собеседника, так как высказывание адресанта может быть наполнено противоположным ожидаемому смыслом. Для энантиосемичных синтаксических конструкций характерно рассогласование формы и содержания. Предложения с отрицанием несут в себе положительный смысл и, наоборот, предложения утвердительные по форме имеют противоположное, отрицательное значение. Такое несовпадение формы и содержания в предложении оказывает большое

эмоциональное воздействие на собеседника, а такая энантиосемичная синтаксическая конструкция является максимально экспрессивной.

Не менее важным маркером определения энантиосемичности синтаксической конструкции является контекст. Именно контекст, как лингвистический, так и экстралингвистический, помогает при переосмыслении высказывания, способствует правильному пониманию его противоположного значения, преобладающим при этом является экстралингвистический контекст.

Глава 2. Семантические и структурные особенности энантиосемичных синтаксических конструкций в немецком языке

2.1. Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальными глаголами

Исследуемые синтаксические конструкции относятся к номинативной энантиосемии, так как они всегда выражают диктумную пропозицию в сочетании с модусной. При этом доминирующей является диктумная (т.е. предметная, неоценочная) пропозиция. Основной функцией предложения является передача сообщения или информации, поэтому антонимическое противопоставление значений предложения происходит на основе логико-семантических характеристик сообщаемого в предложении.

Синтаксические конструкции обладают способностью выразить противоположное значение в рамках одной языковой единицы, благодаря особой интонации, особой грамматической структуре и определенному контексту. По мнению Д. Н. Шмелева ироническое отрицание может быть скрыто за любым предложением [Шмелев, 1985: 75].

В исследуемых синтаксических конструкциях возможно отсутствие симметрии между формой и содержанием и обусловленное данным фактом разное коммуникативное прочтение этих конструкций. По словам В. Ю. Меликяна «подобным конструкциям присущ «двойной» антропоцентризм их содержания, который проявляется в стремлении говорящего убедить собеседника в противоположном ...» [Меликян, 2017: 127]. Такие синтаксические конструкции обычно эмоционально окрашены и реализуются в форме неприятия факта, который сопровождается зачастую отрицательной оценкой со стороны собеседника. При этом помимо информативной части высказывания, можно наблюдать наложение субъективно-модального значения, то есть в речевом акте выражаются эмоции говорящего (возмущение, негодование, огорчение и т. п.). Часто именно этим и

отличаются синтаксические конструкции, выражающие противоположное значение, от конструкций, в которых форма и содержание совпадают.

В ходе исследования языкового материала на немецком языке на наш взгляд целесообразно разделить синтаксические конструкции с противоположным значением на *симметричные* и *несимметричные*. Симметричные синтаксические конструкции соответствуют одной структурной схеме и обладают способностью выражать два противоположных значения: прямое и переосмысленное. В результате переосмысления подобные предложения легко получают противоположное значение. Для несимметричных синтаксических конструкций, обладающих структурно-семантической асимметрией, характерно рассогласование формы и содержания синтаксической конструкции по структуре и смыслу. Для функциональной асимметрии характерно несовпадение функционального типа формы и содержания синтаксической конструкции.

В ходе анализа синтаксических конструкций с энантиосемичным значением рассматриваются их структурные и семантические особенности, влияние контекста на их возможность реализовать противоположное значение и их эмоционально-экспрессивная или ироническая окраска, что способствует более детальному изучению данных синтаксических конструкций и подтверждению наличия в них энантиосемичного значения. Анализируемые синтаксические конструкции представлены в виде моделей, их вариантов и модификаций, что позволяет подробнее рассмотреть структуру данных языковых единиц.

В немецком языке модальные глаголы всегда рассматриваются как отдельная группа глаголов. Проблемой немецких модальных глаголов занимались выдающиеся теоретики немецкой грамматики В. Юнг, Р. Филер, О. И. Москальская, Е. И. Шендельс и занимаются в наше время такие исследователи как Н. П. Мерзлякова, И. Н. Рогожникова, Р. Д. Шакирова, А. В. Аверина, Е. В. Бондарук и др. В грамматике немецкого языка В. Юнга указано, что модальные глаголы выражают отношение субъекта к действию

или происходящему [Юнг, 1980: 182]. Данный факт является общепринятым в германистике.

В нашем исследовании особого внимания заслуживают не модальные глаголы сами по себе, как отдельная категория глаголов в немецком языке, а модальные глаголы, которые являются неотъемлемой частью некоторых синтаксических конструкций с энантиосемичным значением. Такие конструкции с модальными глаголами можно отнести к симметричной разновидности энантиосемичных синтаксических конструкций. Основная особенность данных синтаксических конструкций состоит в том, что обычно они представляют собой вопросительные предложения. В немецком языке к модальным глаголам традиционно относят следующие глаголы: *sollen, müssen, dürfen, können, wollen, mögen*. В ходе исследования выявлено, что из перечисленных модальных глаголов в исследуемых конструкциях с энантиосемичным значением встречаются в основном *sollen, müssen, können*, реже *dürfen wollen, mögen*. Например:

Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *wollen* встречаются довольно редко. Рассмотрим синтаксическую конструкцию, соответствующую схеме «*Will(st) + N1 (ich/du/er/sie/es/man) + es + nicht + V Inf.?*»

1) »*Vor langer Zeit habe ich das jemandem geschenkt, aber sie hatte es nicht verdient.*« *Meine Handfläche juckte. Er hob die Augenbrauen.* »***Willst du es dir nicht ansehen?***« *Langsam senkte ich den Blick auf die feine Goldkette, die in meiner Hand glitzerte. Mit dem Finger deutete er auf das winzige goldene Herz in der Mitte.* (Chevy Stevens, Still Missing. Kein Entkommen) (т. е. тебе нужно посмотреть)

(Перевод: «Я давно это кому-то подарил, но она этого не заслужила.» У меня зачесалась ладонь. Он поднял брови. «Ты не хочешь взглянуть на это?» Я медленно опустил глаза на тонкую золотую цепочку, которая блестела в моей руке. Он указал на крошечное золотое сердце посередине.)

Вопросительная синтаксическая конструкция *Willst du es dir nicht ansehen?* (Ты не хочешь взглянуть на это?), отрицательная по форме трансформируется в побудительное предложение *Посмотри!*, которое имеет положительное содержание. Данная трансформация синтаксической конструкции свидетельствует о функциональной асимметрии. Рассогласование формы и содержания подтверждает правый контекст, в котором говорится о том, что герой действительно достает и показывает золотую цепочку и при этом просит посмотреть, но использует отрицательную конструкцию больше для выражения своего эмоционального состояния.

Исследование показало, что энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *sollen* наиболее употребительны. Самостоятельное значение глагола *sollen* – «долженствовать, быть вынужденным (повеление извне)». Но глагол *sollen* не всегда передает свое основное значение [Аверина, 2019: 10], в чем можно убедиться при изучении некоторых синтаксических конструкций. Часто встречается следующая вопросительная синтаксическая конструкция с энантиосемичным значением: «*Soll(en)+ NI(ich/sie/Sie/wir) + ... + V Inf, (... zu Inf.)?*»

2) *Und endlich stieß die Bestie sich taumelnd von der Mauer ab, schwankte, als wolle sie lang hinschlagen, tappte dann auf uns zu, durch den kleinen Hof, die Treppe herauf.*

Soll ich ihm erlauben, sie zu erschrecken? Es erscheint mir sinnlos. Ich habe ihn im Visier, oder? Trotzdem erlaubte ich ihm, sein kleines Metallwerkzeug in das runde Loch in ihrem Türkнопf zu stecken, ich gab ihm Zeit, das Schloß aufzubrechen. (Rice Anne, Chronik der Vampire) (т. е. не должен позволять).

(Перевод: И, наконец, зверь оттолкнулся от стены, пошатываясь, раскачиваясь, как будто давно хотел ударить, потом ошупью пополз к нам, через дворик, вверх по лестнице. Должен ли я позволить ему напугать ее? Мне кажется это бессмысленным. Я нацелился на него, верно? Тем не менее, я позволил ему вставить свой маленький металлический инструмент в

круглое отверстие в ее дверной ручке, дав ему время взломать замок.) (Райс Энн, Хроники вампиров)

В синтаксической конструкции присутствует асимметрия формы и содержания. В этом примере в синтаксической конструкции *Soll ich ihm erlauben, sie zu erschrecken?* – *Должен ли я позволить ему напугать ее?* (т. е. не должен позволять) можно также наблюдать рассогласование формы и содержания, что подтверждает правый контекст, а именно предложение *Es erscheint mir sinnlos*. Говорящий задает вопрос, и сам отвечает на него *Мне кажется это бессмысленным*, при этом он испытывает *недоумение, раздражение*. По форме данные вопросительные синтаксические конструкции положительные, а по содержанию отрицательные, они похожи на риторический вопрос, то есть говорящий не ждет ответа на свой вопрос от собеседника.

3) *»Ja, sehr albern; als ob ich darauf achtete!« erwiderte Catherine verdrossen. »Und was soll das alles?« »Dir zeigen, daß ich darauf achte«, sagte Heathcliff. »Soll ich denn immer bei dir sitzen?« fragte sie, ärgerlich werdend. »Was hätte ich davon? Worüber sprichst du? Du könntest geradesogut stumm oder ein kleines Kind sein, nach dem, womit du mich unterhältst oder was du sonst tust.« (E. Brontë, Die Sturmhöhe) (т. е. не должна всё время быть рядом)*

(Перевод: – Да... И очень глупо: точно мне не все равно! – тоном обиды ответила Кэтрин. – И какой в этом смысл?

– Показать, что мне-то не все равно, – сказал Хитклиф.

– *И я должна всегда сидеть с тобой?* – спросила она, все больше раздражаясь. – *А что мне в том проку? О чем все твои разговоры? Да ты мог бы с тем-же успехом быть и вовсе немым или младенцем бессловесным, – ведь что бы ты ни говорил, что ни делал, разве ты можешь меня развлечь?*) (Эмилия Бронте, Грозовой перевал)

В данном примере схема синтаксической конструкции расширяется модальным словом *denn*: *Soll ich denn immer bei dir sitzen?* (*И я должна всегда сидеть с тобой?*) (т. е. не должна сидеть). Героиня задает вопрос

риторически и при этом злится, сердится (*ärgerlich werdend*). Такие предложения отличаются особенной экспрессивностью, что подчеркивает индивидуальность речи и придает ей выразительность. Сравним с такой же по форме синтаксической конструкцией, обладающей положительным значением, которую можно найти в разговорной речи: *Die Mutter fragte ihre Tochter: »Soll ich denn immer bei dir sitzen?«* «*Ja, klar! Du sollst bei mir sitzen, weil ich mich Ruhe fühle, wenn du daneben ist*». (Мама спросила свою дочь: «Я должна всегда сидеть с тобой?» – «Да, конечно! Ты должна сидеть со мной, потому что я чувствую себя спокойно, когда ты рядом»).

После вопросительной синтаксической конструкции *Soll ich denn immer bei dir sitzen?* (Я должна всегда сидеть с тобой?) следует ответ: «*Ja, klar!*» (Да, конечно!). Данная синтаксическая конструкция не требует переосмысления, ее содержание совпадает с формой и имеет положительное значение. Следует отметить, что наличие у данной синтаксической конструкции и негативного, и позитивного значения подтверждает, что синтаксическая конструкция обладает симметричной энантиосемичностью.

Следующая вопросительная синтаксическая конструкция отличается от предыдущей конструкции отрицательной оформленностью и соответствует схеме, расширенной отрицательной частицей *nicht*: «*Soll(en) + NI(ich/sie/Sie/wir) + ... + nicht + V Inf.?*».

4) «*Was weiß denn ich? Schizoide Persönlichkeitsstörung vermutlich*», knurrte Dr. White. «*Liegt offensichtlich in der Familie. Alles hysterische Weiber, diese Montroses. Und Lucy verfügte überdies noch über ein gutes Maß krimineller Energie.*»

«*Dr. White!*», sagte Mrs Jenkins. «*Das ist doch gar nicht wahr!*»

«*Sollten Sie nicht den Mund halten?!*», sagte Dr. White.

«*Aber wenn Lucy den Chronografen gestohlen hat, wie kann er dann hier sein?*», fragte ich. (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. она должна замолчать)

(Перевод: «Что я знаю? Вероятно, шизоидное расстройство личности, – проворчал доктор Уайт. «Очевидно, это передается по наследству. Все

истеричные женщины, эти Монтроузы. И у Люси тоже было достаточно преступной энергии.

«Доктор Уайт!» сказала миссис Дженкинс. «Это же не правда!»

«А не замолчать ли Вам?!» сказал доктор Уайт.

«Но если Люси украла хронограф, как он может быть здесь?» – спросила я.)

Синтаксическая конструкция *Sollten Sie nicht den Mund halten?! (А не замолчать ли Вам?!)* при энантиосемичном переосмыслении получает положительное значение, то есть говорящий подразумевает, что она должна замолчать. Подтверждение этому можно найти в левом контексте. Рассматриваемая конструкция является реакцией на реплику *Das ist doch gar nicht wahr! (Это же не правда!)*, доктор Вайт не хочет этого слышать и поэтому просит помалкивать. После оформленного в виде вопросительного предложения стоит не ожидаемый глагол *fragen*, а глагол *sagen*, который подтверждает, что перед нами не вопрос, а побуждение к действию. Данная синтаксическая конструкция из вопросительного предложения трансформируется в побудительное *Zamolchite!*, что является свидетельством функциональной асимметрии.

Рассмотрим следующую схему вопросительной синтаксической конструкции с вопросительным словом *Warum*: «**Warum soll/te(en)+ NI(ich/sie/Sie/wir) + ... + V Inf.?**»

5) »*Ich weiß*«, seufzte er grübelnd. »*Trotzdem solltest du Charlie Bescheid sagen.*«
»**Warum um Himmels willen sollte ich das tun?**« *Mit einem Mal war sein Blick grimmig.* »*Um mir einen kleinen Anreiz zu geben, dich heil zurückzubringen.*« *Ich schluckte. Doch ich brauchte nur einen Moment des Nachdenkens, um mir sicher zu sein.* (Stephenie Meyer, Biss zum Morgengrauen) (т. е. не должна это делать).

(Перевод: «Я знаю», – вздохнул он задумчиво. «Ты все равно должна сообщить Чарли.» «**Почему я должна это делать, о Господи?**» Его глаза внезапно стали мрачными. «Чтобы дать мне небольшой стимул, чтобы

вернуть вас в целостности и сохранности» Я глотнула. Но мне потребовалось всего мгновение, чтобы подумать, чтобы быть уверенной.)

Синтаксическая конструкция, отличается от предыдущих синтаксических конструкций тем, что с точки зрения грамматики является специальным вопросом с вопросительным словом *Warum*. Данная синтаксическая конструкция также является риторическим вопросом и несет в себе ироничный подтекст, в ней также можно наблюдать рассогласование формы и содержания. В вопросительном предложении *Warum um Himmels willen sollte ich das tun?* нет отрицания в предложении, по форме оно положительное, а по содержанию имеет противоположное значение *Почему я должна это делать?* (т. е. *не должна этого делать*). Эмоциональности высказыванию добавляет выражение *um Himmels willen* (*ради Бога*), если более точно перевести, получится *Почему я должна это делать, о Господи?* ясно, что последняя часть данного выражения еще больше подтверждает, что говорящий сам уверен, что не должен ничего делать. Синтаксическая конструкция представляет собой случай симметричной энантиосемии, так как у синтаксической конструкции может быть и положительное содержание при положительной структурной оформленности, например: *Er fragte: »Warum um Himmels willen sollte ich das tun?« – «Es ist sehr wichtig für dich! Du wirst Professor!»* (*Он спросил: «Почему я должен это делать, о Господи?» – «Это очень важно для тебя! Ты станешь профессором!»*) Синтаксическая конструкция *Warum um Himmels willen sollte ich das tun?* (*Почему я должна это делать, о Господи?*) имеет положительную форму и положительное содержание, о чём говорит ответ на поставленный вопрос *Es ist sehr wichtig für dich!* (*Это очень важно для тебя!*).

Следующая синтаксическая конструкция расширена отрицательной частицей *nicht*: *«Warum soll/te(en) + NI(ich/sie/Sie/wir) + ... + nicht + V Inf.?»*.

б) *»Aber ich sagte nichts Falsches«, rief Catherine, »denn es ist ein feines Buch. Warum sollte ich es also nicht sagen?« »Das ist wohl wahr«, sagte Henry, »und*

heute ist ein feiner Tag und wir machen einen sehr feinen Spaziergang, und Sie sind zwei feine junge Damen. «Fein» ist wirklich ein sehr feines Wort, es läßt sich für alles gebrauchen. (Jane Austen, Die Abtei von Northanger) (т. е. *должна сказать*)

(Перевод: «Но я ничего дурного не сказала, – воскликнула Кэтрин, – потому что это прекрасная книга. **Так почему я не должна сказать об этом?**» «Это так, – сказал Генри, – и сегодня прекрасный день, и мы собираемся на прекрасную прогулку, а вы две прекрасные молодые дамы. Слово «прекрасно» – действительно очень красивое слово, его можно использовать во всех случаях.)

В этом примере синтаксическая конструкция **Warum sollte ich es also nicht sagen?** (*Так почему я не должна сказать об этом?*) имеет отрицательное оформление, в результате переосмысления содержание высказывания приобретает противоположное (положительное) значение. Сравним со следующим примером, где подобная синтаксическая конструкция не имеет рассогласования между формой и содержанием, то есть при отрицательной форме содержание тоже со знаком минус. Например: *Sie kam zu ihm und sagte: «Warum sollte ich es also nicht sagen?» Er antwortete: «Denn wir haben schon keine Zeit und wir gehen weg. Tschüss!»* (*Она подошла к нему и сказала: «Так почему я не должна сказать об этом?» Он ответил: «Так как у нас уже нет времени и мы уже уходим. Пока!»*) Наличие у одной синтаксической конструкции и положительного, и отрицательного содержания подтверждает её симметричную энантиосемичность.

Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *können* также довольно употребительны. Самостоятельное значение модального глагола *können* – мочь, уметь, (физическая возможность что-либо сделать). Не всегда глагол *können* передает свое основное значение, это подтверждается при рассмотрении некоторых синтаксических конструкций с данным модальным глаголом. Рассмотрим энантиосемичную синтаксическую конструкцию с вопросительным словом, соответствующую

схеме «**Wie kann(st) + NI(ich/du/er/sie/es) + denn + ... + (so)mal + V Inf.?**» и встречающуюся довольно часто в немецком языке:

7) *Das Fräulein hat sich sein Öfchen angezündet. Sie hat noch eine Neuerung - eine Heizplatte mit einem Kaffeegeschirr für die Arbeiter aus den entlegenen Dörfern. «Wie kannst du denn jetzt gleich noch mal Kaffee trinken?» fragte Franz, «wo du doch jetzt erst von daheim kommst?» - «Willst du auch noch in meinem Geldbeutel sparen?» fragte Anton. (Anna Seghers, Das siebte Kreuz) (т. е. ты не (можешь) должен пить кофе).*

(Перевод: Девушка затопила печь. У неё есть еще что-то новое – плита и кофейный сервиз для рабочих из отдаленных деревень. «**Как же ты можешь прямо сейчас пить кофе?**» – спросил Франц. – Ты же только что пришел из дома? – «Ты тоже хочешь экономить деньги из моего кошелька?» – спросил Антон.)

В данном примере мы видим вопросительную энантиосемичную синтаксическую конструкцию с модальным глаголом *können*, в которой нет отрицания, и она по структуре ничем не отличается от обычного положительного вопросительного предложения в немецком языке, но контекст данного высказывания показывает отрицательное, а именно противоположное по значению, содержание этой синтаксической конструкции: *Wie kannst du denn jetzt gleich noch mal Kaffee trinken?* (Как же ты можешь прямо сейчас пить кофе? (т. е. не (можешь), не должен сейчас пить кофе). В данном примере проявляется возмущение героя, который задает риторический вопрос, не ожидая на него ответа. В правом контексте вопросительное предложение *wo du doch jetzt erst von daheim kommst?* (Ты же только что пришел из дома?) подтверждает, что герой не должен был пить в этот момент кофе, то есть свидетельствует о том, что содержание исследуемой конструкции отрицательное.

Рассматривая следующую энантиосемичную синтаксическую конструкцию с модальным глаголом *können*: «**Wie kann(st) + NI(ich/du/er/sie/es/man)+ denn + ... + (so)mal + V Inf.!**», следует обратить

внимание на то, что в данном случае конструкция отличается от предыдущей восклицательным знаком в конце высказывания, что превращает её в восклицательное предложение.

8) »... *du Mistkerl!*«, rief ich. *Wut, helle, heiße Wut durchströmte mich, so heftig, dass meine Stimme ganz heiser wurde.* »**Wie kann man nur so abgebrüht sein!** An einem Tag küsst du mich und behauptest, du hättest dich in mich verliebt, und am nächsten Tag sagst du, es tut dir leid, dass du so ein verlogenes Ekel bist, und möchtest, dass ich dir vertraue?« (Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. *невозможно быть таким грубым*).

(Перевод: *Злоба, яркая, горячая злоба хлынула во мне, да так бурно, что голос мой стал очень хриплым. «Как можно быть таким черствым! В один день ты целуешь меня и говоришь, что любишь меня, а на следующий день говоришь, что сожалеешь о том, что был таким лживым уродом, и хочешь, чтобы я доверяла тебе?»*)

В восьмом примере средством энантиосемичного переосмысления становится трансформация вопросительной конструкции в восклицательное предложение и перенос акцента в конструкции с вопросительного слова (в прямом вопросе: *Wie kann man nur so abgebrüht sein?*) на глагол (при вторичном употреблении: *Wie kann man nur so abgebrüht sein!* – т. е. *невозможно быть таким грубым*). Это случай функциональной несимметричности формы и содержания. Высказывание наполнено эмоциональностью, это подчеркивает предложение из правого контекста *Wut, helle, heiße Wut durchströmte mich, so heftig, dass meine Stimme ganz heiser wurde* (*Злоба, яркая, горячая злоба хлынула во мне, да так бурно, что голос мой стал очень хриплым*). Особая эмоциональность и экспрессивность энантиосемичных синтаксических конструкций всегда выражает чувства говорящего по отношению к субъекту или явлению действительности.

В следующем примере рассмотрим энантиосемичную синтаксическую конструкцию: «*Wie kann(st) + NI(ich/du/er/sie/es) + denn + ... + (so)mal + V Inf.?* ».

9) *Dort, ... , hatte die Bude gestanden, in der seine Mutter sich als Fischbraterin versuchte, aber am mitleidigen Herzen gescheitert war: «Wie kann ich denn hungrigen Kindern ein Stück gebratenen Fisch verweigern, wenn sie mir beim Braten zuschauen? Wie kann ich das?» Und Vater sagte: «Natürlich kannst du's nicht, aber wir müssen die Bude aufgeben, kein Kredit mehr, Pleite, die Händler liefern nicht....»* (Heinrich Böll, *Billard um halb zehn*) (т. е. я не могу отказать). (Перевод: Там, ... , стояла будка, где его мать жарила рыбу, но провалила свою работу из-за своего сострадания: «**Как я могу отказать голодным детям в куске жареной рыбы, когда они смотрят, как я жарю? Как мне это сделать?**») А отец сказал: «Конечно, нельзя, но мы должны уступить эту лавку, нет кредита больше, банкротство, торговцы не доставляют...»)

Указанная синтаксическая конструкция интересна тем, что после неё в правом контексте следует вопрос, который повторяет часть предыдущей конструкции, что способствует выражению ярких эмоций в высказывании: **Wie kann ich denn hungrigen Kindern ein Stück gebratenen Fisch verweigern, wenn sie mir beim Braten zuschauen? Wie kann ich das?** (Как я могу отказать голодным детям в куске жареной рыбы, когда они смотрят, как я жарю? Как мне это сделать?). Отчаяние охватывает героиню, но ее поддерживает другой герой: *Natürlich kannst du's nicht, aber wir müssen die Bude aufgeben...* (Конечно, нельзя, но мы должны уступить эту лавку ...). Данное высказывание из левого контекста подчеркивает отрицательное содержание рассматриваемой конструкции *Natürlich kannst du's nicht*, несмотря на её положительную форму. Такое рассогласование формы и содержания очередной раз подтверждает, что данная синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

Существуют энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *können*, соответствующие следующей схеме: «**Wie kann(st) + NI(ich/du/er/sie/es/man) + denn, (so)mal + wissen (?)**».

10) *Ihre weichen, kleinen Hände lagen auf der Lehne seines Stuhles. »Wie kann ich das wissen?« entgegnete er unsicher und versuchte es mit einem leisen Lachen.*

Mauds Augen standen dicht vor ihm. Ein goldener Glanz leuchtete warm und flehend aus ihrer Tiefe. Ihr Gesicht schimmerte bleich und schmal, wie vergrämt, aus dem dunkeln Scheitel. »Warum habe ich dich nicht geheiratet, Frank?« (Bernhard Kellerman, Der Tunnel) (т. е. он не знает).

(Перевод: Ее мягкие маленькие руки лежали на локотнике его кресла.

– **Откуда же мне знать?** – неуверенно произнес он с деланным смехом.

Глаза Мод приблизились к его глазам. Они светились теплом и мольбой, идущими из глубины души. Под пробором темных волос узкое ее лицо казалось бледным, опечаленным.) (Б. Келлерман, Туннель)

11) *»Was für Flüchtlinge?« fragte Hermann. - »Von den Westhofern, von welchen sonst? Er hat sie vor den Leib getreten.« - »Wo soll denn das passiert sein?« fragte Hermann. - »Das ist nicht angegeben worden.« - »Wie kann man das wissen«, sagte jemand, »daß das ein Flüchtling war, war vielleicht irgendein Wäschedieb.« Hermann sah sich den Mann an; war ein älterer Schweißer, einer von denen, die in dem letzten Jahr so verstummt waren, daß man sie aus dem Gedächtnis verlor, selbst wenn man sie täglich wiedersah.* (Anna Seghers, Das siebte Kreuz) (т. е. невозможно знать).

(Перевод: *Каких беглецов? – спросил Герман,*

– *Да из Вестгофена. Каких же еще?*

– *Он пнул ее в живот.*

– *А где это произошло? – поинтересовался Герман.*

– *Не указано.*

– *А почему они знают, что это кто-нибудь из беглецов? Может быть, просто вор?*

Герман посмотрел на говорившего. Пожилой сварщик, один из тех, кто за последний год стали так молчаливы, что можно было забыть об их существовании, хотя они были тут, под боком, каждый день.) (А. Зегерс, Седьмой крест)

В последних двух примерах приведены синтаксические конструкции с инфинитивом *wissen*, которые встречаются довольно часто: **Wie kann ich das**

wissen? (Откуда же мне знать?) и *Wie kann man das wissen* (А почему они знают?). В обеих конструкциях снова употребляется риторический вопрос, где говорящий не ожидает ответа на свой вопрос, но при этом проявляет свое возмущение, негодование по поводу того, что от него требуют чего-то невозможного. Соответственно, в таких конструкциях присутствует рассогласование формы и содержания, которое способствует выражению данных эмоций.

Далее рассмотрим синтаксическую конструкцию с инфинитивом *sein*:
«*Wie kann(st) + NI(ich/du/er/sie/es/man) + sein?*»

12) *Milan blinzelte. Sein Magen zog sich zusammen, Schweiß trat ihm auf die Stirn. Er führte diese Reaktionen seines Körpers auf die Schusswunde zurück, die er nicht mehr lange würde ignorieren können. »Mein Name ist Lynn.« »Aber ...«*
Wie kann das sein? Für einen Moment glaubte Milan, vor einem neuen unlösbaren Rätsel zu stehen, doch diesmal kam er selbst auf die Lösung. (Sebastian Fitzek, *Das Geschenk*) (т. е. не возможно)

(Перевод: *Милан моргнул. Его желудок сжался, пот выступил на лбу. Он списал реакцию своего тела на огнестрельное ранение, которое он больше не мог игнорировать. «Меня зовут Линн» «Но...»* ***Как это возможно?*** *На мгновение Милану показалось, что он столкнулся с новой неразгаданной загадкой, но на этот раз он сам нашел решение.*)

Синтаксическая конструкция ***Wie kann das sein?*** (Как это возможно?) обладает утвердительной формой, но при переосмыслении получает отрицательное содержание, то есть *Это не возможно*. Подтверждением тому служит предложение из правого контекста *Für einen Moment glaubte Milan, vor einem neuen unlösbaren Rätsel zu stehen, doch diesmal kam er selbst auf die Lösung* (На мгновение Милану показалось, что он столкнулся с новой неразгаданной загадкой, но на этот раз он сам нашел решение). При энантиосемичном переосмыслении данная конструкция из вопросительного предложения трансформируется в повествовательное предложение, что характерно для функциональной энантиосемии.

Следует отметить, что среди синтаксических конструкций с модальными глаголами есть симметричные и несимметричные единицы. К симметричным энантиосемичным конструкциям относятся конструкции с модальным глаголом *sollen*. К утвердительной или отрицательной форме всегда можно подобрать соответствующее значение. Для синтаксических конструкций с модальным глаголом *können* больше характерна несимметричная энантиосемия. При энантиосемичном переосмыслении утвердительной формы данных конструкций соответствует отрицательное содержание, а отрицательной форме позитивное содержание.

2.2. Энантиосемичные синтаксические конструкции «*Glaubst du...?*»

В данном параграфе рассматриваются энантиосемичные синтаксические конструкции с компонентом «*Glaubst du ...?*». Обычно этот компонент является началом вопросительного сложноподчиненного предложения, например, как в следующей синтаксической конструкции: «*Glaubst du, NI + VI + ...?*».

1) *»Himmel, Jake, jetzt ist es aber genug«, sagte Mr de Villiers. »Das ist nur ein junges Mädchen! Glaubst du, sie hat eine Bombe unter ihrer Schuluniform versteckt?« »Die andere war auch nur ein junges Mädchen«, sagte Dr. White verächtlich. Mr. de Villiers nickte Mr. George zu. »Wir machen es so, wie du vorgeschlagen hast. Kümmere dich darum.« »Komm, Gwendolyn«, sagte Mr George zu mir. (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. не могла спрятать бомбу)*

(Перевод: «Господи, Джейк, хватит», – сказал мистер де Вильерс. «Это просто молодая девушка! Думаешь, она спрятала бомбу под школьной формой?» «Другая тоже была совсем юной девушкой», – сказал доктор Уайт презрительно. Мистер де Вильерс кивнул мистеру Джорджу. – «Мы сделаем так, как вы предложили. Позаботься об этом.» «Пойдем, Гвендолин».)

В данном примере синтаксическая конструкция ***Glaubst du, sie hat eine Bombe unter ihrer Schuluniform versteckt?*** (Думаешь, она спрятала бомбу под школьной формой?) имеет положительную форму, но отрицательное содержание, в этом нам помогает убедиться правый контекст. Из контекста ясно, что вопрос больше носит риторический характер. Данная синтаксическая конструкция может встречаться в разговорной речи и в прямом значении. Сравним: *Er fragte: «Glaubst du, sie hat eine Bombe unter ihrer Schuluniform versteckt?» «Ja, das kann sein! Sie sieht sehr angespannt aus» – antwortete er. (Он спросил: «Думаешь, она спрятала бомбу под школьной формой?» «Да, это может быть! Она выглядит очень напряженной»)* В этом случае асимметрия формы и содержания отсутствует. Утвердительной форме соответствует положительное содержание. Следовательно, можно говорить о том, что рассматриваемая синтаксическая конструкция относится к симметричным энантиосемичным конструкциям.

В следующем примере синтаксическая конструкция соответствует следующей схеме: ***Glaubst du, NI + VI(würde, könnte) + ... + V Inf.?***.
Например:

2) *Ich will den Dicken da auf dem Schimmel erschießen. Siehst du ihn, kennst du ihn noch?» «Glaubst du, ich würde ihn je vergessen? Er hat das Lachen in mir getötet, hat die verborgene Feder im verborgenen Uhrwerk zerbrochen; er hat den blonden Engel hinrichten lassen, Ediths Vater verschleppt, Groll und den Jungen, dessen Namen wir nie erfahren haben; er hat mich gelehrt, daß eine Handbewegung das Leben kostet; (H. Böll, Billard um halb zehn) (т. е. я его не забуду)*

(Перевод: Я хочу пристрелить вон того толстого парня на белом коне. Ты его видишь, ты его помнишь?» «Ты думаешь, я когда-нибудь забуду его? Он убил мой смех, сломал скрытую пружину в скрытом часовом механизме; он казнил белокурого ангела, унес отца Эдит, злость и мальчика, имя которого мы так и не узнали; он научил меня, что взмах руки стоит жизни.)

В выражении *Glaubst du, ich würde ihn je vergessen?* (Ты думаешь, я когда-нибудь забуду его?) во втором предложении сказуемое выражено глаголом в форме *Konjunktiv*, а именно *Konditionalis I*, что указывает на ирреальность действия, то есть на самом деле он его не забудет. Сослагательное наклонение само по себе выражает нереальность происходящего, то есть что-то могло бы случиться, но не случилось, и тем самым выражает нечто противоположное предполагаемому событию. Именно поэтому данная синтаксическая конструкция имеет энантиосемичное значение. Необходимо отметить и ироническую окраску этого выражения, оформленного в виде риторического вопроса. Говорящий задаёт вопрос и сам отвечает на него, перечисляя, почему он не может его забыть. То есть благодаря правому контексту понятно, что происходит рассогласование формы и содержания рассматриваемой синтаксической конструкции.

3) «*Jane, mein kleiner Liebling (so will ich dich nennen, denn das bist du) – du weißt nicht, wovon du sprichst; nicht, weil sie irrsinnig ist, hasse ich sie. Glaubst du, ich könnte dich hassen, wenn du von Sinnen wärest?*» «*Ja, das glaube ich allerdings.*»

«*Dann irrst du dich vollkommen und weißt nichts von mir und von der Liebe, die ich zugeben vermag. Jede Faser deines Leibes ist mir wertvoll, als sei es mein eigener, und ich würde ihn noch in Krankheit und Verstümmelung lieben.* (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. не мог бы ненавидеть)

(Перевод: – *Джен, моя любимая крошка (так я буду звать тебя, ибо так оно и есть), ты не знаешь, о чем говоришь, и опять неверно судишь обо мне: не потому я ненавижу ее, что она безумна, – будь ты безумна, разве бы я ненавидел тебя? – Думаю, что да, сэр. – Тогда ты ошибаешься, и ты меня совсем не знаешь, не знаешь, на какую любовь я способен. Каждая частица твоей плоти так же дорога мне, как моя собственная: в болезни и в страданиях она все равно мне дорога.*) (Ш. Бронте, Джейн Эйр)

В синтаксической конструкции *Glaubst du, ich könnte dich hassen...?* (Разве бы я ненавидел тебя?) в придаточном предложении сказуемое *könnte*

выражено модальным глаголом и употреблено в форме *Konjunktiv II*. Следовательно, в конструкции говорится о нереальном событии, которое на самом деле не происходит, то есть на самом деле герой романа не сможет ненавидеть свою любимую. Грамматическая форма данного выражения является положительной, но, очевидно, что по содержанию данная конструкция отрицательная. С одной стороны, сама форма сказуемого в сослагательном наклонении способствует переосмыслению, а с другой, и правый контекст подтверждает, что герой, употребляя утвердительную конструкцию, подразумевает противоположное значение. Сначала он слышит ответ на свой вопрос *Ja, das glaube ich allerdings* (Думаю, что да, сэр), а затем пытается убедить собеседницу, что она не права *Dann irrst du dich vollkommen und weißt nichts von mir und von der Liebe, die ich zugeben vermag* (Тогда ты ошибаешься, и ты меня совсем не знаешь, не знаешь, на какую любовь я способен).

Такая же конструкция может употребляться и в прямом значении, например: *Er sagte laut: «Glaubst du, ich könnte dich hassen...?» «Ich glaube, ja, sicher!» – sie machte eine Pause – «Nach diesen Erreignissen willst du mit mir nicht sprechen. Du hasst mich!».* (Он громко сказал: «Ты думаешь, я мог бы тебя ненавидеть...?» «Я думаю, да, это так!» – она сделала паузу – «После этих событий ты не хочешь со мной разговаривать. Ты ненавидишь меня!»). Учитывая, что синтаксическая конструкция обладает и прямым, и переосмысленным значением, она является симметричной энантиосемичной конструкцией.

Следующая синтаксическая конструкция «*Glaubst du <vielleicht>, NI + VI + ... ?*» отличается от предыдущих тем, что главное предложение расширяется наречием *vielleicht*, которое выполняет функцию вводного слова. Например:

4) *»Ich lasse mir nichts gefallen, Quentin.« Pennys Stimme hallte sehr laut in der leeren Krankenstation wider. »Ich will keinen Ärger. Aber wenn du mir schadest, dann kriegst du es zurück. So funktioniert das, Quentin. Glaubst du vielleicht, das*

hier ist deine eigene, private Phantasiewelt? Glaubst du, du kannst machen, was du willst? Wenn du versuchst, auf mir rumzut trampeln, Quentin, kriegst du es zurück!« (L. Grossman, Zauberer von Fillory) (т. е. это не его собственный мир фантазий)

(Перевод: – Я ничего не принимаю, Квентин, – очень громко раздался голос Пенни в пустом лазарете. «Я не хочу неприятностей. Но если ты причинишь мне боль, тебе это вернется. Вот как это действует, Квентин. **Может быть, ты думаешь, это твой собственный, личный мир фантазий? Ты думаешь, ты можешь делать все, что хочешь? Если ты попытаешься растоптать меня, Квентин, тебе это вернется!**»)»

В данном примере в выражении *Glaubst du vielleicht, das hier ist deine eigene, private Phantasiewelt?* (*Может быть, ты думаешь, это твой собственный, личный мир фантазий?*) вводное слово *vielleicht* выполняет роль эмоционального усилителя речи. Говорящий намекает, что догадывается, о чем думает его собеседник, но на самом деле это совершенно не так. Синтаксическая конструкция представляет собой риторический вопрос, её форма утвердительная, а содержание отрицательное. Наличие асимметрии формы и содержания конструкции, свидетельствует о её энантиосемичном значении. Этот пример интересен тем, что в правом контексте вслед за рассматриваемой конструкцией идет подобная энантиосемичная конструкция с *Glaubst du...?* Такой повтор повышает уровень эмоциональности высказывания и подтверждает энантиосемичное переосмысление рассматриваемой конструкции. Данная конструкция является симметричной, так как может употребляться и в прямом значении, сравним: *Sie sagte: «Glaubst du vielleicht, das hier ist deine eigene, private Phantasiewelt?» – «Ja, ich habe selbst meine Phantasiewelt geschaffen».* (Она сказала: «*Может быть, ты думаешь, это твой собственный, личный мир фантазий?*» – «*Да, я создал сам свой личный мир фантазий*»).

Следующая схема синтаксической конструкции расширяется с помощью сочетания *immer noch*: «*Glaubst du < immer noch >, NI + VI + ... ?*».

5) *Ich zeigte auf das schwarze Tuch in seiner Hand. »Keine Augenbinde?« »Nein - das sparen wir uns. Aus bekannten Gründen«, erwiderte Gideon. »Und wegen des Hutes.« »Glaubst du immer noch, ich würde dich demnächst um eine Ecke locken und dir ein Brett vor den Kopf hauen?« Ich rückte meinen Hut zurecht. »Übrigens, darüber hab ich noch einmal nachgedacht. Und inzwischen glaube ich, dass es für das Ganze eine einfache Erklärung gibt. (Kerstin Gier, Saphirblau) (т.е. не заманил бы и не ударил бы)*

(Перевод: Я указал на черную ткань в его руке. «Нет повязки на глаза?» «Нет, это мы пропустим. По известным причинам, – ответил Гидеон. «И насчет шляпы». – Ты всё еще полагаешь, что я заманил бы тебя и ударил бы доской по голове? – Я поправил шляпу. – Кстати, я снова подумал об этом. И теперь я думаю, что всему этому есть простое объяснение.)

Сочетание наречий *immer noch* (всё еще) появляется в главном предложении ***Glaubst du immer noch, ich würde dich demnächst um eine Ecke locken und dir ein Brett vor den Kopf hauen?*** (Ты всё еще полагаешь, что я заманил бы тебя и ударил бы доской по голове?) и придаёт предложению бóльшую эмоциональность. Говорящий не может поверить, что его собеседник действительно так считает и испытывает недоумение. В придаточном предложении глагол употребляется в форме *Konjunktiv II*, которая подчеркивает нереальность упомянутых действий, то есть он не заманил бы его и не ударил бы. Говорящий произносит эту фразу так, чтобы собеседник понял, что в реальности такое событие невозможно. Таким образом, синтаксическая конструкция имеет утвердительную форму, по содержанию она отрицательная, а рассогласование формы и содержания свидетельствует о её энантиосемичности.

6) *Das hatte er auch, obwohl er selbst glaubte, nur gelitten zu haben. Was war das eben mit mir gewesen? Was hat man mir eben erzählt: Kann das wahr sein, Wallau, daß sie dich haben? Was machen sie mit dir? Ruhig. Georg. Glaubst du, du wirst woanders geschont? Wärst du nach Spanien, wenn du gekonnt hättest? Glaubst du, man schont uns dort? Meinst du, in einem Stacheldraht hängen,*

meinst du, ein Bauchschuß wäre besser? Und diese Stadt, die sich heute fürchtet, dich aufzunehmen – wenn es vom Himmel Granaten regnet, hat sie sich ausgefürchtet. (Anna Segers, Das siebte Kreuz) (т. е. не пощадят в другом месте и не пощадят там)

(Перевод: *Что это со мной? Что это мне рассказывали? Неужели правда, Валлау, что ты в их руках? Что они делают теперь с тобой?*)

Спокойствие, Георг. А думаешь, где-нибудь тебя пожалеют? Ведь если бы ты мог, ты был бы сейчас в Испании! А ты думаешь – нас там щадят? Думаешь, повиснуть на колючей проволоке, думаешь, получить пулю в живот – лучше? А этот город, который сегодня боится принять тебя, этот город, когда на него с неба посыплются бомбы, он еще узнает, что такое страх.) (Анна Зегерс, Седьмой крест)

В данном примере приведена варьируемая синтаксическая конструкция «*Glaubst du, NI + VI + ... ?*». В первом выражении *Glaubst du, du wirst woanders geschont?* (*А думаешь, где-нибудь тебя пожалеют?*) говорящий задает риторический вопрос, предполагая отрицательный ответ. Во втором выражении *Glaubst du, man schont uns dort?* (*А ты думаешь – нас там щадят?*) говорящий снова спрашивает, не ожидая ответа и зная его заранее. В этих синтаксических конструкциях присутствует рассогласование формы и содержания. Форма синтаксической конструкции положительная, а содержание имеет противоположное значение. Это подтверждают и добавляют эмоциональности высказываниям последующие риторические вопросы из правого контекста *Meinst du, in einem Stacheldraht hängen, meinst du, ein Bauchschuß wäre besser?* (*Думаешь, повиснуть на колючей проволоке, думаешь, получить пулю в живот – лучше?*). Из этих вопросов понятно, что говорящий действительно уверен, что его не пощадят, что гибель неотвратима и вполне возможна. Стоит отметить, что повторение синтаксических конструкций одной схемы можно отнести к стилистическому приему автора, который применяется для создания эмоционально окрашенной атмосферы, напряжения в данной коммуникативной ситуации.

Учитывая асимметричность формы и содержания анализируемых синтаксических конструкций, можно говорить об энантиосемичном значении этих синтаксических конструкций, подтверждением чему служит и эмоциональная окраска.

Далее рассмотрим схему синтаксической конструкции: «*Meinst du, NI + VI + ... ?*», например:

7) *Ich trippelte in meinem Kleid zur Tür und lugte vorsichtig in den Gang hinaus.*

»*In die Vergangenheit? Meinst du, ich könnte dich von dort anrufen?*«

»*Quatsch! Aber du kannst Fotos machen, die uns weiterhelfen. Oh, und ich hätte furchtbar gern eins von diesem Gideon. Wenn's geht, mit Ohren. Ohren sagen unheimlich viel über einen Menschen aus. Vor allem die Ohrläppchen.*« (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. не могла позвонить).

(Перевод: Я споткнулась в платье о дверь и осторожно выглянула в проход.

«В прошлом? Ты думаешь, я могла бы оттуда позвонить?» «Ерунда! Но ты можешь сделать фотографии, которые нам помогут в дальнейшем. О, и мне понравилось бы что-то от этого Гидеона. Если можно, то уши. Уши очень многое могут рассказать о человеке. Особенно мочки ушей.)

В синтаксической конструкции *Meinst du, ich könnte dich von dort anrufen?* (Ты думаешь, я могла бы оттуда позвонить?) вместо глагола *glauben* во втором лице единственного числа «*Glaubst du...?*» стоит глагол *meinen* с синонимичным значением «*Meinst du...?*». Данная синтаксическая конструкция представляет собой на первый взгляд риторический вопрос, но с другой стороны в правом контексте есть ответная реакция собеседника на данное высказывание *Quatsch! Aber du kannst Fotos machen, die uns weiterhelfen* (Ерунда! Но ты можешь сделать фотографии, которые нам помогут в дальнейшем). Последнее высказывание является подтверждением того, что в анализируемой синтаксической конструкции с положительной формой сочетается отрицательное содержание. Этого действительно не могло быть так, как подразумевается в реплике говорящего. Соответственно рассогласование формы и содержания в данной синтаксической конструкции

говорит о том, что данная синтаксическая конструкция является энантиосемичной. Добавим, что она относится к симметричным энантиосемичным конструкциям, так как может употребляться и в прямом значении, например: *Ihre Freundin sagte: «Meinst du, ich könnte dich von dort anrufen?» – «Nein, dort gibt es kein Telefon» (Её подруга сказала: «Ты думаешь, я могла бы оттуда позвонить?» – «Нет, там нет телефона»).*

Сходные энантиосемичные синтаксические конструкции могут сосуществовать в одном контексте, как например, «*Meinst du, NI + VI + ... ?*» и «*Glaubst du, NI + VI + ... ?*».

8) *Meinst du, der Papst hört deine Wahrheit, wenn du sagst, er irrt, und hört nicht, daß er irrt? Glaubst du, er wird einfach in sein Tagebuch einschreiben: 10. Januar 1610 – Himmel abgeschafft? Wie kannst du aus der Republik gehen wollen, die Wahrheit in der Tasche, in die Fallen der Fürsten und Mönche mit deinem Rohr in der Hand? So mißtrauisch in deiner Wissenschaft, bist du leichtgläubig wie ein Kind in allem, was dir ihr Betreiben zu erleichtern scheint.* (Bertold Brecht, *Leben des Galilei*) (т. е. *не услышит твою правду; не запишет в свой дневник*).

(Перевод: *Ты думаешь, что папа слышит твою правду, когда ты говоришь, что он ошибается, и он не слышит, что он ошибается? Думаешь, он так и напишет в своем дневнике: 10 января 1610 года — небеса упразднены? Как ты можешь хотеть уйти из республики с правдой в кармане, в ловушку князей и монахов с трубкой в руке? Такое недоверие к твоей науке, ты веришь всему, как ребенок, что, кажется, это облегчает ее поиски.*)

В данном примере приведены две синонимичные синтаксические конструкции. Они энантиосемичны, так как в каждой из них присутствует рассогласование формы и содержания. Форма в этих синтаксических конструкциях положительная, а содержание со знаком минус. Энантиосемичным синтаксическим конструкциям всегда нужен контекст. И в первом, и во втором случае понятно настроение говорящего, для него не

важно даже, согласится с ним или нет, он сам убежден в своей правоте. И при этом для большей убедительности использует иронический подтекст, что тоже подразумевает противоположный сказанному смысл.

Далее следует синтаксическая конструкция, соответствующая схеме: «**Glaubst du, NI + VI + ... nicht?**».

9) «**Glaubst du, ich weiß nicht, Liebste, daß ich von ihnen abhängе, nicht sie von mir, wo doch gebaut wird, gebaut, überall? Und natürlich sind sie rot, warum sollten sie's nicht sein? Hauptsache, sie können mauern, mir helfen, meine Termine zu halten... .**» (Heinrich Böll, Billard um halbzehn) (т. е. знает)

(Перевод: «**Ты думаешь, я не знаю, дорогая, что я завишу от них, не они от меня, ведь строят же, строят повсюду? И, конечно же, они красные, почему бы и нет? Главное, что они могут преградить мне путь, помочь мне сходить на прием...**»)

В синтаксической конструкции **Glaubst du, ich weiß nicht, Liebste, daß ich von ihnen abhängе, nicht sie von mir, wo doch gebaut wird, gebaut, überall?** (Ты думаешь, я не знаю, дорогая, что я завишу от них, не они от меня, ведь строят же, строят повсюду) сосуществуют отрицательная форма и содержание с положительным значением. Не так часто встречаются синтаксические конструкции с отрицательной оформленностью, чаще всё-таки встречаются синтаксические конструкции, положительные по форме, но отрицательные по содержанию. Рассогласование формы и содержания всегда свидетельствует об энантиосемичности синтаксической конструкции. Из данного вопросительного предложения **Glaubst du, ich weiß nicht ...?** (Ты думаешь, я не знаю...?) ясно, что говорящий уверен, что он знает это и неважно для него, что ответит его собеседник, согласится с ним или нет.

Схема синтаксической конструкции «**Glauben Sie <denn>, NI + VI + ... ?**» осложнена модальной частицей *denn*:

10) «**Nein, Mr. Rochester. Adèle trifft ja keine Schuld. Ich habe sie gern, und weil sie doch eigentlich elternlos ist, werde ich mich noch viel mehr um sie kümmern. Glauben Sie denn, ich zöge dieser verlassenен kleinen Waise, die sich an mich**

anlehnt, das verzogene Kind einer reichen Familie vor, das seine Erzieherin doch nur haßt?» «Nun, wenn Sie es so ansehen ... Gut. Jetzt müssen wir gehen, es wird Nacht.» (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. не предпочла бы)

(Перевод: – Нет, (мистер Рочестер). Адель не ответственна ни за грехи матери, ни за ваши. Я привязалась к ней; а теперь, когда узнала, что она в известном смысле сирота – мать ее бросила, а вы, сэр, от нее отрекаетесь, – моя привязанность к ней станет еще крепче. **Неужели я могла бы предпочесть какого-нибудь избалованного ребенка из богатой семьи, ненавидящего свою гувернантку, маленькой одинокой сиротке, которая относится ко мне, как к другу?** – Ах, вот как вы на это смотрите! Ну, а теперь мне пора домой; и вам тоже, уже темнеет.) (Ш. Бронте, Джейн Эйр)

В данной синтаксической конструкции *Glauben Sie denn, ich zöge dieser verlassenen kleinen Waise, die sich anmich anlehnt, das verzogene Kind einer reichen Familie vor, das seine Erzieherin doch nur haßt?* (Неужели я могла бы предпочесть какого-нибудь избалованного ребенка из богатой семьи, ненавидящего свою гувернантку, маленькой одинокой сиротке, которая относится ко мне, как к другу?) употреблено обращение говорящего в вежливой форме *Sie*. Это риторический вопрос, который выражает эмоции говорящего: возмущение, негодование, обиду. Употребляя утвердительную форму в конструкции, героиня выражает противоположный смысл высказывания, пытается убедить собеседника, что так никогда бы не поступила. Рассогласование положительной формы синтаксической конструкции и противоположного содержания свидетельствует о её энантиосемичности.

В ходе анализа синтаксических конструкций в виде сложноподчиненных предложений с главным предложением «*Glaubst du, ...?*» можно сделать вывод, что данные синтаксические конструкции относятся к симметричным энантиосемичным конструкциям. Эти синтаксические конструкции могут обладать переосмысленным значением и

прямым значением. При энантиосемичном переосмыслении в конструкциях наблюдается рассогласование формы и содержания, в конструкциях с прямым значением асимметрия формы и содержания отсутствует. Чаще всего встречаются энантиосемичные синтаксические конструкции положительные по форме, но отрицательные по содержанию, и редко встречаются отрицательные по форме, а по содержанию положительные. Для подтверждения энантиосемичности конструкций обязателен контекст.

2.3. Энантиосемические синтаксические конструкции «*Ist das ...?*»

В ходе исследования была выделена группа энантиосемичных синтаксических конструкций в виде вопросительных простых предложений без вопросительного слова с «*Ist das ...?*», такие конструкции являются симметричными. Начнем анализ со следующей синтаксической конструкции, которая соответствует схеме: «*Ist + (das, es) + ein(e) Subst.?*».

1) *«Ich kann heute abend überhaupt nichts denken, Sir. Das ganze Leben scheint mir unwirklich.» «Außer mir! Ich bin doch wahrhaftig aus Fleisch und Blut – rühr mich nur an!» «Sie sind das Allerunwirklichste. Sie sind überhaupt nur ein Traum.» Er legte mir lachend die Hand auf die Augen: «Ist das ein Traum?» «Ja, obgleich ich sie anrühren kann», damit schob ich seine Hand zurück. «Sir, haben Sie fertig gegessen?» Er bejahte. (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. это не сон) (Перевод: – Сегодня вечером, сэр, мое будущее кажется мне туманным. Бог знает, какие мысли приходят мне в голову, и все в жизни представляется сном.*

– *Кроме меня; я, кажется, достаточно реален, – коснись меня.*

– *Вы, сэр, главный призрак и есть. Вы только сон.*

Он, смеясь, вытянул руку. – Разве это похоже на сон? – сказал он, поднеся ее к моим глазам. Рука у него была сильная и мускулистая, с длинными пальцами. – Да, хоть я и прикасаюсь к ней, но это сон, – сказала я, отводя его руку. – Сэр, вы отужинали? – Да, Дженен.) (Ш. Бронте, Джейн Эйр)

Вопросительная синтаксическая конструкция *Ist das ein Traum?* (*Разве это похоже на сон?*) по форме утвердительная, а при переосмыслении получает отрицательное содержание, то есть *Это не сон*. Отрицательное содержание подтверждает в левом контексте предложение *Er legte mir lachend die Hand auf die Augen* (*Он, смеясь, вытянул руку, поднеся ее к моим глазам*). Герой опровергает утверждение, что это сон, тем, что позволяет ощутить прикосновение своей руки. Данная конструкция может иметь и прямое значение, например: *Der Arzt fragte sie: «Ist das ein Traum?» – «Stimmt. Heute ist ein guter Traum. Ich möchte immer so schlafen.»* (*Врач спросил её: «Разве это сон?» – «Верно. Сегодня это хороший сон. Я хотела бы так спать всегда.»*) Наличие переосмысленного и прямого значений свидетельствует о том, что энантиосемичная синтаксическая конструкция является симметричной.

Следующая синтаксическая конструкция представляет собой вопросительное предложение с инвертированным порядком слов.

2) *Tante Val sagte irgendetwas über das Baby, und dann sagte Mom: »Ja, es ist traurig, dass sie tot ist, aber wahrscheinlich ist es das Beste so.«*

Es ist das Beste? Ich wollte in die Küche stürmen und ihr sagen, wie sehr sie sich irrte, aber ich wusste nicht einmal, wo ich hätte anfangen sollen. Ich presste das Kissen gegen die Augen und weinte mich in den Schlaf. (Chevy Stevens, Still Missing. Kein Entkommen) (т. е. *это не к лучшему*)

(Перевод: *Тетя Валь что-то сказала о ребенке, а потом мама сказала: «Да, грустно, что она умерла, но, возможно, это и к лучшему». Это к лучшему? Мне хотелось ворваться на кухню и сказать ей, как она ошибается, но я даже не знала, с чего начать. Я прижала подушку к глазам и плакала, пока не уснула.*)

Синтаксическая конструкция *Es ist das Beste?* (*Это к лучшему?*) имеет утвердительную оформленность, но при энантиосемичном переосмыслении приобретает противоположное, негативное содержание – *Это не к лучшему* (*не самое лучшее*). Понять содержание в таком смысле помогает контекст

высказывания. В левом контексте предложение *Ja, es ist traurig, dass sie tot ist, aber wahrscheinlich ist es das Beste so* (Да, грустно, что она умерла, но, возможно, это и к лучшему) подтверждает, что героиня не согласна с услышанным высказыванием. Асимметрия формы и содержания и инвертированный порядок слов свидетельствует о высоком уровне экспрессивности данной энантиосемичной синтаксической конструкции.

Следующая синтаксическая конструкция с «*Ist das ...?*» соответствует схеме: «*Ist + (das, es) + nicht + Adj. ...?*».

3) *Sie nestelte an ihrer Bluse und zog ein Kettchen heraus. »Sieh mal: Ich trage den Schlüssel, den du mir von deiner Zeitreise mitgebracht hast, als Anhänger. Ist das nicht cool? Ich sage allen, es handele sich um den Schlüssel zu meinem Herzen.« Ihr Ablenkungsmanöver zog bei mir nicht.* (Kerstin Gier, Smaragdgrün)
(т. е. здорово)

(Перевод: Она возилась со своей блузкой и вытащила цепочку. «Смотри: я ношу ключ, который ты принесла мне из своего путешествия во времени, как кулон. Разве это не круто? Я всем говорю, что это ключ к моему сердцу». Ее отвлекающий маневр на меня не подействовал.)

Синтаксическая конструкция *Ist das nicht cool?* (Разве это не круто?) представляет собой вопросительное предложение без вопросительного слова. Начинается вопрос со сказуемого, выраженного глаголом *sein* в форме третьего лица единственного числа и выступающего в роли связки. В синтаксической конструкции присутствует отрицательная частица *nicht*, после которой идет прилагательное. По форме синтаксическая конструкция является отрицательной, а по содержанию положительной, то есть смысл в том, что *Это круто*. Обращаясь к контексту синтаксической конструкции, становится ясно, что в правом контексте нет прямого ответа на поставленный говорящим вопрос, то есть данный вопрос является риторическим. Учитывая это и то, что в синтаксической конструкции наблюдается рассогласование формы и содержания, можно говорить о её энантиосемичном значении. Данная конструкция может употребляться и в прямом значении, например:

Sag mal bitte, ist das nicht cool oder das ist cool? – Doch, das ist nicht cool!
(Скажи, пожалуйста, это не круто или круто? – Да, это не круто!)

Наличие у энантиосемичной конструкции переосмысленного и прямого значения относят её к симметричным энантиосемичным конструкциям.

4) *Schließlich gab Mia ihrem Bruder einen Schubs, der ihn regelrecht zusammenklappen ließ. »Was – soll das heißen?« »Ist das nicht verrückt? Wäre sie noch am Leben gewesen, könnte ich jetzt wahrscheinlich einen ganzen Roman erzählen. So aber gibt es erstaunlich wenig zu sagen.«* (Juli Zehn, *Corpus Delicti*, Ein Prozess) (т. е. это безумие)

(Перевод: *Наконец, Мия подтолкнула своего брата, который буквально заставил его рухнуть. «Что... ты имеешь в виду?» «Разве это не безумие? Если бы она была жива, я бы, наверное, сейчас рассказал целый роман. Как бы то ни было, на удивление мало, что можно сказать».*)

Следующий пример строится по указанной схеме. Выражение *Ist das nicht verrückt?* (*Разве это не безумие?*) представляет собой риторический вопрос и выражает сильные эмоции говорящего, его возмущение. Для выражения эмоциональности высказывания используется языковая асимметрия формы и содержания. Данная синтаксическая конструкция по форме отрицательная, а по содержанию положительная, то есть говорящий подразумевает, что *Это безумие!* В данной конструкции присутствует функциональная асимметрия, так как вопросительное предложение трансформируется при переосмыслении в повествовательное предложение с восклицательной интонацией.

Существует и такая схема синтаксической конструкции: *«Ist + (das, es) + nicht + Adj., Subst.?»*, например:

5) *Sie muß recht charakterlos sein, sonst hätte sie gegen Ihren Bruder nicht so gehandelt. Und welch seltsame Verblendung auf Fredericks Seite! Ein Mädchen, das vor seinen Augen das Verlöbniß mit einem anderen Mann verletzt! Ist das nicht unbegreiflich, Henry? Und noch dazu Frederick, der bisher so Stolz über*

sein Herz wachte, der keine Frau seiner Liebe für wert hielt!» (Jane Austen, Die Abtei von Northanger) (т. е. удивляет)

(Перевод: *Она должна быть достаточно ветреной, – иначе она не поступила бы так по отношению к вашему брату. Что за странная слепота со стороны Фредерика?! Девушка на его глазах расторгает помолвку с одним человеком, чтобы тут же оказаться помолвленной с другим! Разве тебя, Генри, это не удивляет? А Фредерик, который так высоко ценил свое сердце, что не находил женщины, достойной его любви!*) (Джейн Остен, Нортенгерское аббатство)

Синтаксическая конструкция *Ist das nicht unbegreiflich, Henry?* (*Разве тебя, Генри, это не удивляет?*) расширена обращением в конце. Казалось бы, что, если есть обращение, должен последовать ответ на вопрос, но ответа нет. Таким образом, данная синтаксическая конструкция является риторическим вопросом, который имеет эмоционально-экспрессивную окраску. Эмоциональная окрашенность усиливается восклицательными предложениями в левом и правом контексте. В указанной синтаксической конструкции наблюдается рассогласование формы и содержания. Исходя из смысла вопроса «*Разве тебя это не удивляет?*» ясно, что говорящий имеет в виду, что это действительно удивительно, то есть содержание положительное, а по форме высказывание отрицательное. Это подтверждает, что данная синтаксическая конструкция обладает структурно-семантической асимметрией и, соответственно, является энантиосемичной.

Рассмотрим следующую схему синтаксической конструкции: «*Ist + (das, es) + nicht + (ein wenig, ein bisschen) + Adj.?*», которая осложнена сочетанием *ein wenig*, например:

6) *Charlotte blätterte in einer Mappe, die auf dem Flügel lag. »Sie soll das Mündel Viscount Battens darstellen? Und Gideon ist sein Sohn? Ist das nicht ein wenig riskant? Es könnte doch jemand anwesend sein, der den Viscount und seine Familie kennt. Warum hat man sich nicht für einen französischen Vicomte im Exil*

entschieden?» Giordano seufzte. »Das ging ja nicht wegen ihrer mangelnden Sprachkenntnisse. « (Kerstin Gier, Saphirblau) (т. е. рискованно)

(Перевод: Шарлотта полистала папку, которая лежала на рояле. «Она должна быть подопечной Виконта Баттенса? А Гедеон его сын? **Разве это немного не рискованно?** Там может быть кто-то, кто знает Виконта и его семью. Почему бы не выбрать французского Виконта в изгнании?» Джордано вздохнул. «Это было невозможно, так как она не знает язык.»)

В предложении *Ist das nicht ein wenig riskant?* (Разве это немного не рискованно?) происходит расширение конструкции с помощью наречия *ein wenig* (немного, чуть-чуть), которое стоит после отрицательной частицы *nicht* и перед прилагательным. По форме данная синтаксическая конструкция отрицательная, а по содержанию положительная, то есть наблюдается языковая асимметрия формы и содержания, что говорит о её энантиосемичности. Это риторический вопрос, на который говорящий не ожидает ответа, он служит для выражения эмоций. Намеренное употребление большого количества вопросительных предложений, не требующих ответа в левом и правом контексте, свидетельствуют об экспрессивности речи.

Синтаксическая конструкция, построенная по схеме: *«Ist + (das, es) + nicht + (ein wenig, ein bisschen) + (zu) Adj. + (für dich)?»*, включает в себя наречие *ein bisschen*, например:

7) *»Und was machst du? Ein bisschen trainieren?« »Warum nicht?« Charlotte trat einen Schritt näher und schwenkte den Lichtkegel zu meinem Buch. »Anna Karenina? Ist das nicht ein bisschen zu schwierig für dich?« »Meinst du? Na, vielleicht tauschen wir dann besser. Ich gebe dir Anna Karenina und du leihst mir dafür Im Schatten der Vampirhügel.« Charlotte schwieg drei Sekunden lang verdutzt. (Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. слишком сложно)*

(Перевод: «А что ты делаешь? Немного разминки?» «Почему бы и нет?» – Шарлотта подошла на шаг ближе и направила луч света на мою книгу. «Анна Каренина? Не слишком ли это сложно для тебя?» «Ты думаешь? Что ж, может быть, тогда нам лучше поменяться. Я дам тебе «Анну

Каренину», а ты одолжишь мне «В тених вампирских холмов». Шарлотта замолчала на три секунды, озадаченная.)

Синтаксическая конструкция *Ist das nicht ein bisschen zu schwierig für dich?* (Не слишком ли это сложно для тебя?) расширена наречием *ein bisschen* (немного, чуть-чуть), перед прилагательным стоит частица *zu*, которая передает усиление эмоций в высказывании (не слишком сложно). В данной синтаксической конструкции можно наблюдать рассогласование формы и содержания: по форме высказывание отрицательное, а по содержанию положительное, то есть говорящий имеет в виду, что это сложная для прочтения книга. В правой части контекста есть ответная реплика собеседника: «*Meinst du? Na, vielleicht tauschen wir dann besser*» (Ты думаешь? Что ж, может быть, тогда нам лучше поменяться), которая явно показывает, что собеседнику понятно рассматриваемое выражение, он соглашается, что книга слишком сложная для него и предлагает поменяться. Несмотря на то, что говорящий использует отрицательную по форме энантиосемичную синтаксическую конструкцию, собеседник сразу же понимает её правильно, как положительную по смыслу. Данный пример хорошо показывает коммуникативную реализацию цели высказывания, то есть коммуникация состоялась, действующие лица коммуникации поняли друг друга правильно.

Далее следует схема синтаксической конструкции: «*War + (das, es) + nicht + Adj.?*», например:

8) *Maud aber schloß sich dem neuen Beifallssturm hingerissen an. »Meine Handschuhe sind geplatzt, sieh, Mac! Was für ein Künstler! War es nicht wunderbar?« Ihre Lippen waren verzückt, ihre Augen leuchteten hell wie Bernstein, und Mac fand sie ungewöhnlich schön in ihrer Ekstase. Er lächelte und erwiderte, ein wenig gleichgültiger als er wollte: »Ja, das ist ein großartiger Bursche!«* (В. Kellermann «Der Tunnel») (т. е. чудесно)

(Перевод: Но Мод горячо присоединилась к новому взрыву аплодисментов.

– *Посмотри, Мак, у меня лопнули перчатки! Какой артист! Разве это не чудесно?* – *Ее губы восхищенно улыбались, глаза сияли, как янтарь, и Мак находил ее необыкновенно красивой в этом экстазе. Он улыбнулся и ответил более равнодушно, чем хотел: – Да, молодчина.*) (Б. Келлерман, Туннель)

Данная синтаксическая конструкция *War es nicht wunderbar?* (*Разве это не чудесно?*) отличается от предыдущих тем, что сказуемое выражено в нем глаголом *sein* в форме *Präteritum* – *war*. Синтаксическая конструкция выражает эмоциональное состояние говорящего: воодушевление, восхищение, то есть по смыслу ясно, что это было чудесно. Восклицательные предложения из левого контекста также подчеркивают воодушевленное настроение говорящего. Сама синтаксическая конструкция представляет собой риторический вопрос в виде выплеска эмоций. В правом контексте автор описывает говорящего *Ihre Lippen waren verzückt, ihre Augen leuchteten hell wie Bernstein, und Mac fand sie ungewöhnlich schön in ihrer Ekstase* (*Ее губы восхищенно улыбались, глаза сияли, как янтарь, и Мак находил ее необыкновенно красивой в этом экстазе*). По форме конструкция отрицательная, а по содержанию положительная, из чего следует, что данная синтаксическая конструкция имеет энантиосемичное значение. Контекст в данном примере играет важную роль.

Далее рассмотрим следующую схему синтаксической конструкции: «*Ist + (das, es) + nicht + (Präpos.) + Subst.?*» с осложнением предложной группой, например:

9) *»Worauf wartest du?«, sagte Mr George kühl. »Warum haben Sie Gwendolyn am helllichten Nachmittag landen lassen - ist das nicht gegen die Vorschriften?«, fragte Gideon. »Oh, oh«, sagte Xemerius. »Gideon, es ist nicht deine . . .«, sagte Mr Whitman. »Es spielt keine Rolle, um welche Tageszeit sie gelandet ist«, fiel ihm Mr George ins Wort. (Kerstin Gier, Saphirblau) (т. е. противоречит правилам)*
(Перевод: «Чего вы ждете?», холодно сказал мистер Джордж. «Почему Вы приземлили Гвендолин среди бела дня – разве это не противоречит правилам?» – спросил Гидеон. «О, о», – сказал Ксемериус. «Гидеон, это не

твое...», – сказал мистер Уитмен. «Не имеет значение, в какое время суток он приземлился», – прервал его мистер Джордж.)

Синтаксическая конструкция *ist das nicht gegen die Vorschriften?* (*Разве это не противоречит правилам?*) имеет отрицательную форму, но положительное содержание. По правому контексту видно, что говорящий хочет сказать, что *«это противоречит правилам»*, так как следом идет реплика собеседника *»Oh, oh«, sagte Xemerius. »Gideon, es ist nicht deine . . .«*, из которой понятно, что он соглашается с тем, что это действительно противоречит правилам, но слышать об этом не хочет. Рассогласование формы и содержания синтаксической конструкции свидетельствует о структурно-семантической асимметрии данной конструкции и о наличии у неё энантиосемичного значения.

В следующем примере представлено сочетание схем синтаксических конструкций: *«Ist + (das, es) + nicht + Adj. ...?!»* и *«Ist + (das, es) + nicht + (Präpos.) + Subst.?!»*:

10) Dafür schenke ich ihm jede Woche ein Bild, und er erzählt mir, wie er und seine Familie – Frau, Schwiegereltern und drei halberwachsene Kinder – sich dann jedes Mal abends eine Stunde Zeit nehmen und bei klassischer Musik nichts anderes machen, als mein neuestes Werk zu betrachten. Ist das nicht schön?! Ist das nicht ein Traum?! Du wirst also verstehen, daß mir kaum etwas Besseres passieren konnte. (Jakob Arjouni, Chez Max) (т. е. это прекрасно; это мечта)
(Перевод: *Для этого я каждую неделю дарю ему картинку, и он рассказывает мне, как он и его семья – жена, свекровь со свекром и трое несовершеннолетних детей – затем каждый вечер посвящают час классической музыки и ничего другого не делают кроме того, что рассматривают мою самую последнюю работу. Разве это не приятно?! Это ли не мечта?! Так понимаешь, что ничего лучшего со мной и быть не могло.*)

В отличие от предыдущих подобных синтаксических конструкций в данных конструкциях появляется наряду с вопросительным знаком

восклицательный знак *Ist das nicht schön?! Ist das nicht ein Traum?! (Разве это не приятно?! Это ли не мечта?!)* Синтаксические конструкции сохраняют структуру вопросительного предложения, но являются восклицательными, выражают эмоции говорящего, а то, что синтаксические конструкции стоят одна за другой, добавляет еще большую экспрессию коммуникативному высказыванию. В каждой конструкции присутствует асимметрия формы и содержания. По форме обе конструкции отрицательные, а по содержанию имеют противоположное значение. Учитывая то, что при энантиосемичном переосмыслении синтаксические конструкции из вопросительных предложений трансформируются в утвердительные восклицательные предложения, можно говорить о наличии функциональной асимметрии данных синтаксических конструкций с энантиосемичным значением.

Синтаксическая конструкция по схеме «*Ist + (das, es) + kein(e) + Subst.?*» представлена в следующем примере:

11) »*Sie schleppen die Angst hinter sich wie einen schweren Schatten, und ich freue mich, wenn sie's vergessen und ein bißchen lachen. Ist das kein Grund zum Lächeln?*« *Ich schwieg und lauerte auf das Brodeln des Wassers. Jupp goß in dem braunen Blechtopf auf, und dann tranken wir abwechselnd aus dem braunen Blechtopf und aßen mein Brot dazu.* (Heinrich Böll, Wanderer, kommst du nach Spa...) (т. е. это повод посмеяться)

(Перевод: «Они тянут свой страх за собой, как тяжелую тень, и я рад, когда они забывают это и немного смеются. Разве это не повод для улыбки?» Я молчал и стал ждать, пока забурлит вода. Юпп налил воду в коричневую жестяную кастрюлю, а потом мы по очереди пили из коричневой жестяной кастрюли и ели мой хлеб.)

В синтаксической конструкции *Ist das kein Grund zum Lächeln?* (Разве это не повод для улыбки?) вместо отрицательной частицы *nicht* употреблено отрицательное местоимение *kein*. Форма синтаксической конструкции отрицательная, а содержание имеет положительное значение. Асимметрия

формы и содержания синтаксической конструкции подтверждает ее энантиосемичность.

При анализе синтаксических конструкций типа «*Ist (war) + (das, es) + nicht (kein)... ?*» было выявлено, что подобные синтаксические конструкции всегда имеют отрицательную форму и положительное содержание. Энантиосемичные синтаксические конструкции с компонентом «*Ist (war) + nicht (kein) ... ?*» являются эмоционально-экспрессивными, они выражают различные эмоции в зависимости от коммуникативной ситуации, такие как восхищение, недоумение, разочарование и т. п. На русский язык такие предложения переводятся со словом *разве*, которое обычно стоит в начале вопросительного предложения. Слово *разве* в русском предложении предполагает, что смысл предложения может отличаться от его грамматической формы: *Разве это не прекрасно?*; *Разве это не здорово?* и т. п.

В ходе исследования было выяснено, что данные синтаксические конструкции в большинстве случаев являются симметричными энантиосемичными конструкциями. Следует отметить, что в немецком языке среди конструкций с «*Ist das ...?*» чаще употребляются конструкции с отрицательной оформленностью, которые при энантиосемичном переосмыслении обычно получают положительное содержание. Реже употребляются синтаксические конструкции с утвердительной формой, но с отрицательным содержанием. Для определения значения энантиосемичных синтаксических конструкций необходимо рассматривать контекст. Именно в контексте становится ясно, является ли определенная синтаксическая конструкция энантиосемичной или нет.

2.4. Энантиосемичные синтаксические конструкции с предикатом в *Konjunktiv II*

2.4.1. Энантиосемичные синтаксические конструкции с *als würde*

К несимметричным синтаксическим конструкциям с противоположным значением следует отнести сложноподчиненные предложения сравнения с союзом *als*. Очевидным показателем связи грамматических и структурных компонентов сложного предложения является союз [Дзюбенко, 2021: 260]. Придаточные предложения сравнения, соединенные союзом *als*, имеют одну грамматическую особенность – после союза стоит сразу спрягаемая часть составного сказуемого в форме *Konjunktiv II*.

В данном параграфе рассматриваются энантиосемичные синтаксические конструкции с *als würde*. Следует отметить, что придаточные предложения с *als würde* являются нереальными придаточными сравнения, которые выражают нереальность события, мнимость высказывания. Главное предложение при этом выражает реальное утверждение, и глагол употребляется в изъявительном наклонении, а в придаточной части предложения глагол стоит в форме *Konjunktiv II*. Принято считать, что предложение с *als würde*, выражает мнимость утверждения или происходящего события, оно является кажущимся и также переводится союзом *как будто*. На основании этого можно предположить, что синтаксические конструкции с *als würde* выражают мнимое утверждение, которое может иметь другой, противоположный смысл, то есть то, чего не может быть на самом деле, и при этом зачастую подразумевает противоположное значение синтаксической единицы. В ходе исследования было замечено, что синтаксические конструкции с *als würde* довольно часто встречаются в немецком языке. В большинстве случаев для таких синтаксических конструкций характерна структурно-семантическая асимметрия, а именно, несовпадение формы и содержания синтаксической конструкции по структуре и смыслу.

Для начала рассмотрим сложноподчиненные предложения с придаточными сравнения, которые можно отнести к более классическим

синтаксическим конструкциям: *«Pron.1 [NI] + VI + (so), als würde Pron.1 [NI] + (Subst.Akk) + ... + (nicht) V Inf.»*.

1) *»Das war ....« Sie hielt inne und begann noch einmal. »Das war nicht richtig.«
»Warum hast du es dann getan?« Alice neigte den Kopf zur Seite, als würde sie nachdenken, aber ihr Gesicht war aschfahl. »Um es dir heimzuzahlen. Weil ich mich beschissen gefühlt habe. Weil ich nicht geglaubt habe, dass es dir etwas ausmachen würde« (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле не размышляла)*

(Перевод: *«Это было...» Она сделала паузу и начала снова. «Это было неправильно». «Тогда зачем ты это сделала?» Алиса склонила голову набок, как будто она задумалась, но лицо ее было бледным. «Чтобы отомстить тебе. Потому что я чувствовала себя дрянью. Потому что я не думала, что ты будешь возражать».*)

Ни в главном, ни в придаточном предложении нет отрицания *Alice neigte den Kopf zur Seite, als würde sie nachdenken, ...* (Алиса склонила голову набок, как будто она задумалась), но в результате переосмысления смысл придаточного предложения получается противоположным, то есть на самом деле она не задумывалась, лишь сложилось такое впечатление. Это подтверждает также продолжение данного предложения *aber ihr Gesicht war aschfahl* (но её лицо было бледным), то есть даже ее физическое состояние говорило о том, что она не могла вообще о чём-то думать.

Следующий пример представляет энантиосемичную синтаксическую конструкцию, в которой придаточное предложение имеет однородные члены предложения, которые выражены инфинитивом:

2) *Die Einsamkeit wühlte in seinem Körper, sie manifestierte sich als beinahe physischer Schmerz, als würden winzige Fische mit messerscharfen Zähnen an seinen Muskeln nagen und aus seinem Blut die rote Farbe trinken. So in etwa fühlte es sich an, aber er war bei fast bester Gesundheit, zweifelsohne.* (Helmut Krausser, Einsamkeit und Sex und Mitleid) (т. е. на самом деле не впились в его мышцы и не пили кровь)

(Перевод: *Одиночество бурлило в его теле оно (одиночество) проявлялось почти как физическая боль, как будто крошечные рыбки с острыми, как бритва, зубами впилась в его мышцы и пили его кровь. Так оно и было, но у него было почти идеальное здоровье, без сомнения.*)

Выражение *sie (die Einsamkeit) manifestierte sich als beinahe physischer Schmerz, als würden winzige Fische mit messerscharfen Zähnen an seinen Muskeln nagen und aus seinem Blut die rote Farbe trinken* (оно (одиночество) проявлялось почти как физическая боль, как будто крошечные рыбки с острыми, как бритва, зубами впилась в его мышцы и пили его кровь) по форме положительное, а по содержанию отрицательное, то есть на самом деле крошечные рыбки не впивались в его мышцы и не пили его кровь. Одиночество героя проявлялось с такой болью, как будто он это чувствовал в реальности, именно для выражения состояния героя и употреблено придаточное сравнения с *als würde*.

Была выявлена также следующая схема синтаксической конструкции сложноподчиненного предложения с придаточным сравнения с *als würde*: «**Pron.1 [NI] + VI (modal.) + (so) tun, als würde(-n) Pron.1 [NI] + (Subst.Akk.) + (nicht) + V Inf.**». В главном предложении употребляется глагол *tun* (делать, поступать, делать вид), который относится к глаголам «поведения» [Syntax der deutschen Sprache, 2004: 118], после которых часто следуют придаточные сравнения.

3) *Missmutig schaute ich in sein perfektes Gesicht. Seine Augen waren heute wieder heller; sie hatten einen satten Farbton wie aus Gold und Honig. Ich musste meinen Blick abwenden, dann erst konnte ich meine wirren Gedanken neu ordnen. »Was sollte der Stau gestern?«, fragte ich vorwurfsvoll, ohne ihn anzusehen. »Ich dachte, du wolltest so tun, als würde ich nicht existieren, nicht mich bis aufs Blut reizen.« »Das war nur Tyler zuliebe. Ich musste ihm seine Chance lassen.« Er kicherte. (Stephenie Meyer, Bis zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле она существует).*

(Перевод: Угрюмо я посмотрела на его идеальное лицо. Его глаза сегодня снова были ярче; они были насыщенного цвета, как из золота и меда. Мне пришлось отвести взгляд, прежде чем я смогла привести в порядок свои спутанные мысли. «Из-за чего вчера была пробка?» – укоризненно спросила я, не глядя на него. «Я думал, ты хочешь притвориться, что меня не существует и что я не будоражу кровь. «Это было только ради Тайлера. Я должна была дать ему шанс.» Он усмехнулся.)

В данном примере в главном предложении употребляется сложное сказуемое модальный глагол *wollen* (хотеть) и инфинитив глагола *tun*, после него следует придаточное предложение с *als würde*, которое указывает на нереальность события. Перед глаголом *tun* стоит частица *so* (*так*), которая зачастую употребляется в такой конструкции с указанным глаголом для того, чтобы больше заострить внимание адресанта на определенном действии в коммуникативном высказывании, то есть «Я думал, ты хочешь притвориться, что меня не существует ...». Обращаясь к смыслу данной конструкции, становится понятно, что, несмотря на то, что в придаточном предложении есть отрицание, выраженное отрицательной частицей *nicht*, значение совершенно противоположное, то есть на самом деле *она существует*. При переводе главного предложения на русский язык правильнее употребить слово «притворился», что еще раз свидетельствует о том, что действие, которое описывается далее не такое, как на самом деле [Поленова, 2017: 226]. Из этого следует, что перед нами энантиосемичная синтаксическая конструкция, которая по форме отрицательна, а по содержанию положительна.

Далее рассмотрим похожую энантиосемичную синтаксическую конструкцию сложного предложения с придаточным сравнения: «*Pron.1 [N1] + VI tun (tat(en) (Prüt.) + (so), als würde Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + (nicht) + V Inf.*».

Примеры такого рода синтаксической конструкции рассмотрим подробнее.

4) *Ich starrte nach vorne zur Tafel. »Und das gebt?« Sie kicherte. Ich ignorierte sie und tat so, als würde ich darauf achten, was Mr Varner sagte. »Das heißt, du magst ihn?« So schnell gab sie nicht auf. »Ja«, sagte ich schroff. »Ich meine, so richtig?«, setzte sie nach. »Ja«, sagte ich noch einmal und wurde rot. (Stephenie Meyer, Zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле она не слушала, что говорит мистер Варнер).*

(Перевод: *Я смотрела вперед на доску. «И дать?», – хихикнула она. Я проигнорировала ее и сделала вид, как будто слушаю, что говорит мистер Варнер. «Это значит, что он тебе нравится?» Она не сдалась так просто. «Да», – сказала я резко. «Я имею в виду на самом деле?» – спросила она еще раз «Да», – повторила я, краснея.)*

В четвертом примере представлена синтаксическая конструкция, в которой в главном предложении присутствует простое сказуемое, выраженное глаголом *tun* в форме Präteritum *tat* с частицей *so*, и придаточное предложение с *als würde*. В данном примере придаточное предложение по форме положительное, а по содержанию отрицательное *Ich ignorierte sie und tat so, als würde ich darauf achten, was Mr Varner sagte. (Я проигнорировала ее и сделала вид, как будто слушаю, что говорит мистер Варнер)*. Что свидетельствует о том, данная синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

5) *»Die meisten sind inzwischen auf meiner Seite. Die Zeit der Widder ist vorbei. Fillory gehört jetzt mir.« Es war keine Prahlerei, sondern lediglich eine Feststellung. Dint, du Scheißkerl, dachte Quentin. Und ich habe so getan, als würde mir deine blöde Weste gefallen. »Ich wusste, dass ihr mich suchen würdet. Es überrascht mich nicht.« (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле жилет не нравится)*

(Перевод: *«Большинство из них теперь на моей стороне. Время Овна прошло. Филлори теперь моя». Это было не хвастовство, а просто заявление. Динт, сволочь ты, подумал Квентин. А я притворился, что мне*

нравится твой дурацкий жилет. «Я знал, что вы придете искать меня. Меня это не удивляет».)

В приведенном примере в соответствии с рассматриваемой синтаксической конструкцией употребляется глагол *tun* только в грамматической форме *Perfekt Aktiv (habe getan)*, также присутствует частица *so* и далее придаточное предложение с *als würde*. В выражении ***Und ich habe so getan, als würde mir deine blöde Weste gefallen*** наблюдается рассогласование формы и содержания. По форме выражение положительное, а по содержанию отрицательное *А я притворился, что мне нравится твой дурацкий жилет*, то есть притворился, что жилет понравился, значит не понравился. Нереальности действию добавляет слово *blöd* (*глупый, дурацкий*), соответственно противоречие возникает даже в самом придаточном предложении, то есть *дурацкий жилет* действительно вряд ли может понравиться. Следовательно, перед нами предложение с энантиосемичным значением.

В немецком языке существует следующая энантиосемичная конструкция сложноподчиненного предложения, в котором главное безличное предложение состоит только из главных членов предложения и соединяется с придаточным предложением сравнения: ***«Es war, als würde(-n) Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + (nicht) + V Inf.»***.

б) *»Ich bin sehr froh, dich kennenzulernen«, sagte sie aufrichtig. »Danke. Ich freue mich auch.« Und das stimmte. Es war, als würde ich einer Märchenfigur begegnen. Schneewittchen persönlich. »Wo sind Alice und Jasper?«, fragte Edward, doch im selben Moment erschienen die beiden auf der Treppe. (Stephenie Meyer, Zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле не встретила сказочного персонажа)*

(Перевод: *«Я очень рада познакомиться с тобой», – искренне сказала она. «Спасибо. Я тоже рад». И это было правдой. Это было, как будто я встретила сказочного персонажа. Белоснежка собственной персоной. «Где*

Элис и Джаспер?», – спросил Эдвард, но в тот же момент они оба появились на лестнице.)

В этой синтаксической конструкции главное предложение состоит только из главных членов предложения *Es war* (Это было), далее следует придаточное сравнения с *als würde*. Придаточное предложение формально не имеет отрицания: *als würde ich einer Märchenfigur begegnen* (как будто я встретила сказочного персонажа), то есть на самом деле героиня не могла встретить сказочного персонажа, так как это ирреальное действие. Это свидетельствует о том, что содержание высказывания является противоположным его форме, что говорит о энантиосемичности данной синтаксической конструкции.

В следующей синтаксической конструкции с энантиосемичным значением в главном предложении сказуемое выражено глаголами, выражающими восприятие (глаголы «впечатления»), после которых обычно и употребляется придаточное предложение сравнения. Впечатление выражается говорящим в форме сравнения. К основным глаголам «впечатления» относят: *aussehen* (выглядеть; иметь вид; быть похожим), *klingen* (звучать), *sich anhören* (звучать; иметь звук), *riechen* (пахнуть), *schmecken* (иметь вкус), *sich anfühlen* (быть на ощупь), *scheinen* (казаться), *vorkommen* (казаться, чувствовать), *den Eindruck machen* (производить впечатление), *auf jemanden wirken* (производить впечатление), *ein Gefühl haben* (иметь чувство, ощущение) и т.п. [Syntax der deutschen Sprache, 2004: 117]

Рассмотрим следующую энантиосемичную синтаксическую конструкцию с глаголами «впечатления»: «**Pron.1 [N1] + VI (aussehen, klingen, ...) + (so), als würde Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + ... + (nicht) + V Inf.**».

7) *Sein Blick war auf Edwards Gesicht geheftet, und ich fragte mich, ob er seine außergewöhnliche Sensibilität dazu einsetzte, die Atmosphäre zu erspüren.*

»Es klang, als würdest du Bella verspeisen, also haben wir gedacht, wir sehen mal nach, ob für uns was übrig bleibt«, verkündete Alice. Ich zuckte zusammen,

entspannte mich aber sofort wieder, als ich sah, dass Edward grinste..., war mir nicht ganz klar. (Stephenie Meyer, *Zum Morgengrauen*) (т. е. на самом деле он не проглотил Беллу)

(Перевод: *Его взгляд был прикован к лицу Эдварда, и мне стало интересно, использует ли он свою необычайную чувствительность, чтобы почувствовать эту атмосферу. «Было похоже, что ты полакомился Беллой, поэтому мы подумали, что нужно посмотреть, не осталось ли что-нибудь», – объявила Элис. Я вздрогнула, но расслабилась, как только увидела ухмылку Эдварда... Я не совсем поняла.*)

В приведенном примере в главном предложении сказуемое выражено глаголом «впечатления» *klingen* (звучать) в форме *Präteritum*. Данное выражение по форме положительное, а по содержанию имеет противоположное значение. *Es klang, als würdest du Bella verspeisen* (Было похоже, что ты полакомился Беллой), то есть прозвучало, как будто полакомился Беллой, но на самом деле никто никого не съел, то есть лишь в той определенной ситуации сложилось такое впечатление. Этот момент свидетельствует о том, что в этом примере присутствует структурно-семантическая асимметрия между формой и содержанием синтаксической конструкции.

8) *Wie bei einem Feuerzeug flackerte über der Kuppe seines Zeigefingers eine kleine Flamme auf. Quentin beugte sich vor und inhalierte.*

Es fühlte sich an, als würden seine Lungen zusammenschrumpfen und in Flammen aufgehen. Er hustete ganze fünf Minuten lang ohne Unterbrechung. Eliot lachte so laut, dass er sich setzen musste. (Lev Grossman, *Der Zauber von Fillory*) (т. е. на самом деле его легкие не сжимались и не воспламенились)

(Перевод: *Словно зажигалка, над кончиком его указательного пальца вспыхнуло небольшое пламя. Квентин наклонился вперед и вдохнул. Он почувствовал, как будто его лёгкие сжались и воспламенились. Он кашлял без остановки целых пять минут. Элиот смеялся так громко, что ему пришлось присесть.*)

В главном предложении данного примера присутствует глагол «впечатления» *sich anfühlen* (чувствовать). В синтаксической конструкции *Es fühlte sich an, als würden seine Lungen zusammenschrumpfen und in Flammen aufgehen* описывается нереальное событие, на самом деле легкие не сжимались и не воспламенялись, у персонажа только лишь возникло это ощущение. Ему показалось, он почувствовал, как будто его лёгкие сжались и воспламенились. Соответственно по форме утвердительная синтаксическая конструкция оказывается по содержанию совершенно противоположной, что говорит о том, что эта синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

Далее следует энантиосемичная синтаксическая конструкция, в которой в главном предложении сказуемое выражено глаголом восприятия или глаголом «впечатления» *aussehen* (выглядеть).

9) »*Vielleicht könnte dich Professor Mayakowski in einen Kiwi verwandeln*«, schlug Josh vor. »*Kiwis können nicht fliegen.*« »**Egal, er sah mir nicht so aus, als würde er uns gerne kleine Sonderwünsche erfüllen**«, bemerkte Alice.

»*Er muss viel alleine sein*«, gab Quentin zu bedenken. »*Vielleicht sollte er uns leidtun.*« (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле выполнял просьбы неохотно)

(Перевод: «*Может, профессор Маяковский мог бы превратить тебя в киви*», — предложил Джош. «*Киви не умеют летать.*» «**Всё равно, он выглядел, на мой взгляд, не так, как будто он выполнит наши маленькие просьбы охотно**», – заметила Алиса. «*Должно быть, он часто бывает один*», – заметил Квентин. «*Может быть, нам стоит пожалеть его.*».)

В этом примере в главном предложении глагол *aussehen* стоит в форме *Präteritum*, далее следует придаточное предложение сравнения. Рассмотрим подробно выделенную синтаксическую конструкцию, в которой в главном также присутствует частица *so*: «**Egal, er sah mir nicht so aus, als würde er uns gerne kleine Sonderwünsche erfüllen**» (Всё равно, он выглядел, на мой взгляд, не так, как будто он выполнит наши маленькие просьбы охотно). Из

содержания конструкции ясно, что на самом деле это выглядело так, как будто в реальности он выполнял просьбы с нежеланием. В результате переосмысления данной синтаксической конструкции, отрицание переходит из главного предложения в придаточное и, вследствие чего, придаточное предложение положительное по форме превращается в отрицательное по содержанию, что свидетельствует о наличии структурно-семантической асимметрии. Соответственно можно говорить о том, что анализируемая синтаксическая конструкция имеет энантиосемичное значение.

Глагол *scheinen* (казаться) тоже относится к глаголам «впечатления», и зачастую после него употребляются придаточные сравнения. Например:

10) »*Wir könnten im tiefsten Winter ankommen.*« *Tags zuvor – jedenfalls vor Quentins Schläfchen – schien es, als würde Fillory alles gutmachen. Jetzt war es schwer, sich darauf zu konzentrieren: Erneut wirkte es wie ein Traum. Jetzt und hier zählte hauptsächlich das Schlamassel mit Janet und Alice. Das zog alles andere herunter. Mit Mühe riss er sich zusammen.* (Lev Grossman, *Der Zauber von Fillory*) (т. е. на самом деле не наверстает упущенное)

(Перевод: «Мы могли бы прибыть в разгар зимы». Накануне – во всяком случае, перед сном Квентина – казалось, что Филлори наверстывает упущенное. Теперь было трудно сосредоточиться: Это снова походило на сон. Главное, что сейчас имела значение эта неразбериха с Джанет и Элис. Это тянуло вниз все остальное. Он с усилием взял себя в руки.)

Данная энантиосемичная синтаксическая конструкция *schien es, als würde Fillory alles gutmachen* (казалось, что Филлори наверстывает упущенное) отличается от предыдущих тем, что в главном предложении обратный порядок слов, начинается со сказуемого, так как первая часть предложения выступает в роли второстепенного члена предложения. При переосмыслении этого выражения, ясно, что действие лишь является кажущимся, нереальным, поэтому происходит рассогласование формы и содержания, что и свидетельствует о структурно-семантической асимметрии данной конструкции.

Далее рассмотрим примеры, когда придаточное предложение сравнения выступает без главного предложения: «*Als würde Pron.1 [N1] + (Pron./N Dat., Akk.) + ... + (nicht) V Inf.*».

11) «*Als würde ich ihm nicht zutrauen, mit den Geistern seiner Vergangenheit fertig zu werden. Aber das traue ich ihm zu.*» (Anne McAllister, Ist Liebe im Spiel?) (т. е. на самом деле доверяет)

(Перевод: «*Как будто я не доверяю ему разобраться с призраками своего прошлого. Но я ему доверяю.*».)

В этом примере приведено только придаточное предложение сравнения, отрицательное по форме, но положительное по содержанию – «*Как будто я ему не доверяю*» (на самом деле доверяет). Примечательно, что этот факт подтверждает следующее предложение из правого контекста «*Aber das traue ich ihm zu*» («*Но я доверяю ему*»), поэтому можно говорить о том, что представленная асимметричная синтаксическая конструкция имеет энантиосемичное значение.

12) «*Es schien nichts zu fehlen, und die Cops sagten, sie könnten nicht viel tun, solange ich nicht feststellte, dass irgendetwas verschwunden ist. Außerdem sagten sie, es hätte in letzter Zeit ein paar Einbrüche in der Nachbarschaft gegeben, aber sie hätten nie irgendwelche Fingerabdrücke gefunden - als würde ich mich dadurch besser fühlen. Nachdem alle weg waren und ich nicht mehr am ganzen Körper zitterte, sondern es mich nur noch gelegentlich schüttelte, ging ich in mein Schlafzimmer, um mich umzuziehen.*» (Maria Poets, Kein Entkommen) (т. е. на самом деле не успокоило)

(Перевод: *Вроде ничего не пропало, и копы сказали, что они мало что могут сделать, пока я не констатирую, что что-то пропало. Кроме того, они сказали, что недавно в районе было несколько краж со взломом, но они так и не нашли никаких отпечатков пальцев – как будто это меня успокоило. После того, как все ушли, и мое тело больше не дрожало, а только время от времени тряслось, я пошла в свою спальню, чтобы переодеться.*)

В предложении *als würde ich mich dadurch besser fühlen* (как будто это меня успокоило) также нет главного предложения, но информация, которая известна из левого контекста, и ведет персонажа к выражению эмоций с помощью придаточного сравнения. По форме синтаксическая конструкция отличается от предыдущей, так как она не имеет отрицания, но по содержанию является противоположной, то есть на самом деле указанные события не успокоило персонажа. Отсюда ясно, что данную синтаксическую конструкцию можно считать энантиосемичной, благодаря рассогласованию формы и содержания данной ирреальной конструкции.

К следующему виду энантиосемичных синтаксических конструкций относятся синтаксические конструкции, у которых в придаточном предложении встречается *und nicht* (а не), которое выражает некое противопоставление: «*Pron.1 [N1] + VI + (so), als würde(n) Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + ... + V Inf. und nicht...*».

13) *Plötzlich verschwand der Gehweg unter mir. Erschrocken flogen meine Arme zur Seite. Edward hatte mich mit einer Leichtigkeit auf seine Arme geladen, als würde ich fünf Kilo wiegen und nicht 55.*

»Lass mich runter!« Bitte, bitte, mach, dass ich mich jetzt nicht übergebe, dachte ich panisch. Er war schon losgelaufen, bevor ich meinen Satz überhaupt beenden konnte. (Stephenie Meyer, Zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле не весила пять килограмм, а весила 55 кг.)

(Перевод: Внезапно тротуар исчез из-под ног. От испуга мои руки разлетелись в стороны. Эдвард взял меня на руки с такой легкостью, как будто я весила пять килограмм, а не пятьдесят пять килограмм. «Опусти меня!» Пожалуйста, пожалуйста, не бросай меня, в панике подумала я. Он уже убежал, прежде чем я успела закончить предложение.)

В выражении *Edward hatte mich mit einer Leichtigkeit auf seine Arme geladen, als würde ich fünf Kilo wiegen und nicht 55* в придаточном предложении есть противопоставление *как будто я весила пять килограммов, а не 55*. Данное придаточное предложение состоит из двух

частей, где положительно оформленная часть *als würde ich fünf Kilo wiegen* имеет отрицательный смысл, а часть предложения с отрицательной частицей *nicht* приобретает положительное значение. Такое рассогласование формы и содержания свидетельствует об энантиосемичности данной синтаксической конструкции.

Можно также выделить схему синтаксической конструкции, в которой есть сочетание отрицательной частицы *nicht* с *sondern* (*не, а*) в придаточном предложении сравнения: «*Pron.1 [NI] + VI + (so), als würde(n) Pron.1 [NI] + (Subst.Akk) + ... + nicht V Inf., sondern V Inf.*».

14) *Er weiß nicht, was mit ihm passiert, plötzlich kann er nicht mehr richtig sehen, alle Farben verschwimmen, die Gesichter um ihn herum entgleiten, geraten zu breiigen Farbflecken ohne Konturen, und ein Gefühl in seiner Brust entsteht, als würde sein Herz nicht schlagen, sondern flattern wie ein Vogel in dem Augenblick, wo er auf und davon fliegt.* (Tanja Dückers, Spielzone) (т. е. на самом деле сердце бьётся, так, как будто порхает)

(Перевод: *Он не знает, что с ним происходит, вдруг он уже плохо видит, все цвета расплываются, лица вокруг него ускользают, расплываются в цветные пятна, а в его груди возникает чувство, как будто его сердце не бьётся, а порхает как птица, в тот момент, когда она взлетает и улетает.*)

В синтаксической конструкции *ein Gefühl in seiner Brust entsteht, als würde sein Herz nicht schlagen, sondern flattern wie ein Vogel ...* (в его груди возникает чувство, как будто его сердце не бьётся, а порхает как птица...) персонаж испытывает определенные эмоции и поэтому возникает ощущение, что его сердце замирает, не бьётся, а порхает. На самом деле так описываются чувства, когда эмоции переполняют человека, а сердце, конечно, продолжает биться. Эта эмоционально-экспрессивная синтаксическая конструкция является энантиосемичной, так как присутствует рассогласование отрицательной формы и положительного содержания.

В ходе исследования было выяснено, что в энантиосемичных конструкциях в виде сложноподчиненных предложений с *als würde* в главном предложении часто присутствуют компонент *es war*, глагол «поведения» *tun* и глаголы «впечатления» *aussehen, sich anfühlen, scheinen, vorkommen* и др. В этих синтаксических конструкциях всегда присутствует структурно-семантическая асимметрия, для определения энантиосемичности данных конструкций практически не требуется рассмотрение контекста. Ирреальность действий и событий, передаваемая в немецком языке сослагательным наклонением, способствует развитию вторичного, энантиосемичного значения.

2.4.2. Энантиосемичные синтаксические конструкции с *als wäre*

В данном параграфе рассматриваются энантиосемичные синтаксические конструкции с компонентом *als wäre*. Одна из классических моделей сложноподчиненного предложения с придаточным предложением сравнения выстраивается по схеме: «*Pron.I [NI] + VI + (so), als wäre Pron.I [NI] + (Subst.Akk)*».

1) *In Portmamock kuschelte sie sich auf der Couch an ihre Mutter und kam sich vor, als wäre sie wieder ein Teenager. Damals hatte sie oft mit ihrer Mutter hier gesessen und den neuesten Tratsch ausgetauscht. Manchmal wünschte sie sich, sie könnten noch die gleichen Kicher-Gespräche führen. »Ich hab dich gestern Abend angerufen, warst du weg?«, riss ihre Mutter sie aus ihrer Grübeleien und nahm einen Schluck von ihrem Tee. (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. на самом деле не подросток)*

(Перевод: *В Портмамоке она прижалась к матери на диване и снова почувствовала, как будто она снова стала подростком. Тогда она часто сидела здесь с матерью и обменивалась последними сплетнями. Иногда ей хотелось, чтобы они продолжали те же смешные разговоры. «Я звонила*

тебе прошлой ночью, тебя не было дома?», – мать резко прервала её размышления и сделала глоток чая.)

В данном примере синтаксическая конструкция *(sie) kam sich vor, als wäre sie wieder ein Teenager* (она почувствовала, как будто она снова стала подростком) представляет собой сложноподчиненное предложение. В главной его части употреблен глагол чувственного восприятия, глагол «впечатления» *sich vorkommen* (чувствовать), придаточное сравнения присоединено к главному предложению союзом *als*. В придаточном предложении сказуемое *wäre* выражено глаголом *sein* в форме *Präteritum Konjunktiv II*. Отсюда следует, что данная синтаксическая конструкция выражает нереальную действительность, то есть героиня на самом деле не является подростком, а у нее лишь возникло такое ощущение. При этом определенную мимолетность нахлынувших эмоций придаёт следующее предложение из правого контекста: *»Ich hab dich gestern Abend angerufen, warst du weg?«*, *riss ihre Mutter sie aus ihrer Grübeleien und nahm einen Schluck von ihrem Tee.*» («Я звонила тебе прошлой ночью, тебя не было дома?»), – мать резко прервала её размышления и сделала глоток чая). Именно описание того, как мать сказала свою реплику, резко остановила её размышления, как будто возвращает героиню к реальности. Соответственно можно утверждать, что рассматриваемая синтаксическая конструкция является энантиосемичной, так как утвердительной форме противопоставляется отрицательное содержание.

2) *»Und eine Tüte, bitte«, sagte sie mit einem Augenaufschlag und einem süßen Lächeln. Der Mann starrte sie über den Rand seiner Brille hinweg an, als wäre sie ein ungezogenes Schulmädchen.* »Mark!«, *brüllte er ungnädig.* (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. на самом деле она не является невоспитанной школьницей)

(Перевод: *«И пакет, пожалуйста», – сказала она, подмигивая и мило улыбаясь. Мужчина уставился на нее из-под очков, как будто она была непослушной школьницей.* «Марк!», – крикнул он нелюбезно.)

В следующем примере в синтаксической конструкции *Der Mann starrte sie über den Rand seiner Brille hinweg an, als wäre sie ein ungezogenes Schulmädchen* (Мужчина уставился на нее из-под очков, как будто она была непослушной школьницей) также присутствует компонент *als wäre*, то есть в сложноподчиненном предложении есть придаточное предложение сравнения в сослагательном наклонении. В главном предложении употреблен глагол чувственного восприятия, что типично для таких предложений. В придаточном предложении выражена нереальная действительность, то есть на самом деле героиня не является невоспитанной школьницей, такой ее воспринял другой действующий персонаж. Таким образом, в данной синтаксической конструкции можно наблюдать асимметрию формы и содержания, а именно по форме конструкция положительная, а по содержанию имеет противоположное значение.

Рассмотрим следующую схему синтаксической конструкции: «*Pron. I [NI] + VI + (so), als wäre Pron. I (niemand) [NI] + Adv.*».

3) *Aber das hier war einfach unglaublich schön, und zwar alles: die bittersüße Melodie und der Junge, der sie dem Instrument entlockte. Alle im Raum lauschten atemlos und Gideon spielte ganz versunken, so, als wäre sonst niemand da.*

Ich merkte erst, dass ich weinte, als der Graf mir an die Wange fasste und eine Träne sanft mit seinem Finger auffing. Erschrocken fuhr ich zusammen. (Kerstin Gier, Saphirblau) (т. е. на самом деле были люди вокруг)

(Перевод: Но это было просто невероятно красиво, а именно всё: горько-сладкая мелодия и мальчик, который её сыграл. Все в комнате слушали, затаив дыхание, а Гидеон играл, погруженный в свои мысли, так, как будто никого не было вокруг. Я не осознавала, что плачу, пока граф не коснулся моей щеки и нежно не поймал слезу своими пальцами. Испугавшись, я вздрогнула.)

В синтаксической конструкции *Gideon spielte ganz versunken, so, als wäre sonst niemand da* (Гидеон играл, погруженный в свои мысли, так, как будто никого не было вокруг) можно наблюдать расхождение формы и

содержания. В придаточном предложении сравнения подлежащее выражено отрицательным местоимением *niemand*, соответственно по форме данное предложение отрицательное. Что касается содержания, то здесь нужно учесть два момента. Во-первых, перед нами придаточное предложение сравнения, в котором сказуемое употреблено в форме *Präteritum Konjunktiv II*, что говорит о выражении нереальной действительности, то есть на самом деле он не был там один, герой так погрузился в свои мысли, что ему это только показалось, возникло такое ощущение. Доказательством этому служит левый контекст в предыдущей части сложного предложения, где было сказано, что *Alle im Raum lauschten atemlos...* (*Все в комнате слушали, затаив дыхание...*), то есть это еще раз подтверждает, что наступившая тишина и погружение героя в свою музыку лишь создали ощущение того, что вокруг него никого нет, а на самом деле он был в окружении людей. Отсюда следует, что содержание имеет положительное значение. В данной синтаксической конструкции энантиосемичность проявляется в рассогласовании формы и содержания.

Далее рассмотрим схему синтаксической конструкции, в которой сказуемое в придаточном предложении сравнения стоит в другой грамматической форме: «*Pron.I [NI] + VI + (so), als wäre + nichts + Pz.II*», например:

4) *Für den Bruchteil einer Sekunde zögerte er und das reichte einem der schwarz gekleideten Fremden, um einen weiteren Treffer zu erzielen, fast an der gleichen Stelle, an der der Ärmel bereits zerschnitten war. Diesmal floss Blut. Gideon focht weiter, als wäre nichts geschehen. »Lange haltet Ihr nicht mehr durch«, rief der Mann triumphierend und drang noch heftiger auf Gideon ein. (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. на самом деле что-то произошло)*

(Перевод: *Он замешкался на долю секунды, и этого хватило, чтобы один из одетых в черное незнакомец нанес еще один удар почти в то же место, где уже был разрезан рукав. На этот раз лилась кровь. Гидеон продолжал сражаться, как будто ничего не произошло. «Ты больше не*

продержишься», – торжествующе воскликнул мужчина, еще сильнее наседая на Гидеона.)

Заметим, что от предыдущей данная синтаксическая конструкция ***Gideon focht weiter, als wäre nichts geschehen*** (Гидеон продолжал сражаться, как будто ничего не произошло) отличается тем, что в придаточном предложении сравнения сказуемое *wäre ... geschehen* употреблено в форме *Plusquamperfekt Konjunktiv II*, что указывает на то, что действие происходит в прошлом. В придаточном предложении сравнения также выражается ирреальная действительность, то есть Гидеон лишь сделал вид, что ничего не произошло, но на самом деле, и это подтверждается также левым контекстом, известно, что его ранили и уже не в первый раз, следовательно, что-то всё-таки произошло. По содержанию рассматриваемая синтаксическая конструкция положительная, а наличие отрицательного слова *nichts* указывает на отрицательную форму этого придаточного предложения, поэтому анализируемая синтаксическая конструкция обладает энантиосемичностью.

Далее рассмотрим синтаксическую конструкцию, в которой в главном предложении сложноподчиненного предложения употреблен глагол «поведения»: **«Pron.I [NI] + VI (*sich benehmen, tun*) + (so), als wäre + etwas (*nichts*) + (Pz.II)».**

5) *»Ähm, gut, danke.« Ich wurde rot, weil ich daran dachte, was für ein Bild des Jammers ich gestern Abend abgegeben haben musste. Aber wenigstens hatte Gideon keine ätzende Anspielung gemacht. Er benahm sich, als wäre gar nichts gewesen. »Wie war das mit meiner Ururgroßmutter?«, fragte ich hastig. »Das habe ich nicht verstanden.« »Ja, wir haben das auch nicht so ganz verstanden«, sagte Gideon seufzend. (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. на самом деле что-то произошло)*

(Перевод: «Э., хорошо, спасибо.» Я покраснела, думая о том, какую картину страданий я, должно быть, изобразила прошлой ночью. Но, по крайней мере, Гидеон не сделал язвительного намека. Он вел себя так, как будто ничего

не произошло. «А как было с моей прапрабабушкой?», – поспешно спросила я – «Я этого не поняла.» «Да, мы тоже не совсем это поняли», – вздохнул Гидеон.)

В синтаксической конструкции *Er benahm sich, als wäre gar nichts gewesen* (Он вел себя так, как будто ничего не произошло) в главном предложении употреблен глагол «поведения» *sich benehmen*, который типичен для сложноподчиненных предложений с придаточными сравнения, а в придаточном предложении сказуемое *wäre ... gewesen*, как и в предыдущем примере, выражено глаголом в форме *Plusquamperfekt Konjunktiv II*. По форме данная конструкция является отрицательной, так как в придаточном предложении есть отрицательное слово *nichts*, а по содержанию положительная, то есть на самом деле что-то явно было, какое-то событие предшествовало данной ситуации, но герой сделал вид, что всё в порядке. В самом придаточном предложении выражается нереальная действительность, то есть понятно, что ситуация в действительности имеет противоположный смысл. В левом контексте, можно также найти подтверждение асимметрии формы и содержания данной синтаксической конструкции. Определенные нюансы при описании коммуникативной ситуации помогают удостовериться, что некоторые события все-таки предшествовали этой встрече героев, а именно *Ich wurde rot, ...* (Я покраснела, ...), *Aber wenigstens hatte Gideon keine ätzende Anspielung gemacht* (Но, по крайней мере, Гидеон не сделал язвительного намека). Из контекста чувствуется некое напряжение данной коммуникативной ситуации, и в ходе анализа становится ясно, что рассматриваемая синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

В следующем примере в главном предложении сложноподчиненного предложения также употребляется глагол «поведения» *tun* в форме *Präteritum*, а в придаточном предложении в отличие от предыдущего примера сказуемое выражено в *Präteritum Konjunktiv II*

6) *Milan wusch sich die Hände, ... , ging er zurück ins Wohnzimmer, streichelte Andra übers Haar, lächelte ihr und Louisa zu und tat so, als wären sie so etwas*

wie eine Familie. Als hätten sie tatsächlich eine Chance. (Sebastian Fitzek, Das Geschenk) (т. е. на самом деле они не были семьей)

(Перевод: Милан вымыл руки, ... , он вернулся в гостиную, погладил Андру по голове, улыбнулся ей и Луизе и вел себя так, как будто они семья. Как будто у них действительно был шанс.)

Из синтаксической конструкции (*er*) *tat so, als wären sie so etwas wie eine Familie* (Он вел себя так, как будто они семья) понятно, что герой сделал лишь только вид, что они были семьей, но на самом деле становится понятно, что они не семья. Это хорошо отражает понимание нереальной действительности, которую выражает сказуемое в сослагательном наклонении. Форма синтаксической конструкции положительная, а содержание несет противоположный смысл, что говорит о том, что это энантиосемичная синтаксическая конструкция. Этот факт подтверждает и контекст, в левом контексте перечисляются некоторые невербальные действия героя, которые дают надежду другим участникам ситуации поверить, что они были семьей. Что касается правого контекста, то после энантиосемичной синтаксической конструкции, следует еще одна с компонентом *als hätte*: «*Als hätten sie tatsächlich eine Chance*» («Как будто у них действительно был шанс») (синтаксическим конструкциям с компонентом *als hätte* будет посвящен следующий параграф). Последнее предложение можно трактовать так, что может какой-то шанс быть семьей у них и был, но это еще раз подтверждает, что в данный момент этого уже не может быть.

В следующих синтаксических конструкциях в главном предложении сложноподчиненного предложения употребляются глаголы «впечатления». К таким глаголам относятся следующие: *aussehen* (выглядеть; иметь вид; быть похожим), *klingen* (звучать), *scheinen* (казаться), *vorkommen* (казаться, чувствовать), *ein Gefühl haben* (иметь чувство, ощущение) и т. п. Таким синтаксическим конструкциям будет соответствовать следующая схема:

«Pron.I [NI] + VI (aussehen, vorkommen, ...) (so), als wäre + etwas (nichts) + (Pz.II)».

7) Leslie stieß mir den Ellenbogen in die Rippen. »**Du siehst aus, als wäre dir gerade ein Bus über den Fuß gefahren.**« »Warte, bis ich dir erzähle, wer das ist«, flüsterte ich. »Dann siehst du auch so aus.« (Kerstin Gier, Saphirblau) (т. е. на самом деле автобус не переехал ногу)

(Перевод: Лесли толкнула меня локтем в ребра. «**Ты выглядишь, как будто тебе только что автобус переехал ногу.**» «Подожди, пока я не скажу тебе, кто это», прошептала я. «Тогда ты выглядишь также».)

В данном примере в синтаксической конструкции **Du siehst aus, als wäre dir gerade ein Bus über den Fuß gefahren** (Ты выглядишь, как будто тебе только что автобус переехал ногу) в главном предложении употребляется глагол «впечатления» *aussehen*, что типично для придаточных предложений сравнения, которые идут следом. В данной синтаксической конструкции выражено нереальное сравнение. Форма синтаксической конструкции положительная, а вот содержание отрицательное, то есть по смыслу персонаж только выглядит так, и на самом деле автобус не переезжал ему ногу. Следовательно, можно утверждать, что перед нами энантиосемичная синтаксическая конструкция со структурно-семантической асимметрией.

8) Beth füllte ihr Glas auf. «Glückwunsch. Zu deiner Heirat.» «Danke. Es kam ziemlich unerwartet.» «**Das klingt, als wäre es zufällig passiert.**» «Nein. Einfach unerwartet, wie ich gesagt habe. Ich hatte nicht gedacht, dass ich mich wieder auf jemanden einlassen könnte. Jedenfalls nicht so bald.» (Jojo Moyes, Kleine Fluchten) (т. е. на самом деле это произошло не случайно)

(Перевод: Бет снова наполнила свой стакан. «Поздравляю. Тебя с браком». «Спасибо. Это довольно неожиданно». «**Это звучит так, как будто это произошло случайно.**» «Нет. Просто неожиданно, как я уже сказал. Я не думал, что смогу снова с кем-то быть вместе. По крайней мере, не в ближайшее время».)

В этом примере употребляется глагол «впечатления» *klingen*: ***Das klingt, als wäre es zufällig passiert*** (Это звучит, как будто это произошло случайно). В синтаксической конструкции присутствует рассогласование формы и содержания, так как слова говорящего из левого контекста утверждали, как будто это произошло случайно, но на самом деле нет. В правом контексте говорящий подтверждает, что это произошло не случайно, просто неожиданно.

Рассмотрим следующий пример, в котором синтаксическая конструкция является как бы зеркальной по отношению к предыдущей энантиосемичной синтаксической конструкции.

9) *Wie oft hatte sie (Beth) dieses Gespräch führen wollen? Wie oft hatte sie sich alles genau überlegt, was sie ihm sagen wollte?... Wie konnte er hier sitzen und essen und trinken und sich benehmen, als wäre überhaupt nichts passiert?* «Willst du jetzt wirklich mit diesem Thema anfangen, Beth?» *Sie hob ihr Glas. Ihr Mann lachte über etwas, das Krista gesagt hatte.* (Jojo Moyes, *Kleine Fluchten*) (т. е. на самом деле что-то случилось)

(Перевод: *Сколько раз она (Бет) хотела поговорить об этом? Сколько раз она тщательно обдумывала все, что хотела ему сказать?.. Как он мог сидеть здесь, есть, пить и вести себя так, как будто вообще ничего не произошло?* «Ты действительно хочешь сейчас начать эту тему, Бет?» Она подняла свой стакан. Ее муж рассмеялся над чем-то, что сказала Криста.)

В приведенном примере синтаксическая конструкция соответствует другой схеме: «***Wie konnte + Pron.I [NI] + V Inf. (sich benehmen, tun), als wäre + etwas (nichts) + (Pz.II)?***». Она представлена в виде вопросительного предложения. Опираясь на левый контекст, можно сделать вывод, что героиня ведет внутренний монолог, который складывается из риторических вопросов, соответственно и эта синтаксическая конструкция является риторическим вопросом ***Wie konnte er ... sich benehmen, als wäre überhaupt nichts passiert?*** (Как он мог себя так вести, как будто вообще ничего не

произошло?). Учитывая возбужденное, возмущенное состояние героини, понятно, что что-то действительно произошло до этой коммуникативной ситуации. Стоит отметить, что с предыдущей синтаксической конструкцией есть сходство именно в придаточных предложениях: в их построении и в употреблении одного и того же глагола *passieren* (случаться, происходить). Но отличает эти синтаксические конструкции то, что в восьмом примере форма синтаксической конструкции утвердительная, а значение отрицательное, в девятом примере наоборот форма синтаксической конструкции со знаком « – », а содержание со знаком « + ». Такое рассогласование формы и содержания типично для формы *Konjunktiv II*. В первом и во втором случаях синтаксические конструкции определенно обладают энантиосемичностью.

Следующие синтаксические конструкции, в которых главное предложение сложноподчиненного предложения состоит только из главных членов предложения, а именно из сочетания «*Es war*» можно представить в виде следующей схемы: «*Es war, als wäre(n) + Pron.1 [N1] + (Pz.II)*».

10) *Dann fuhr er fort: »Ich glaube nicht, dass wir es hätten verhindern können. Der rote Riese war einfach eine Nummer zu groß für uns.« Sie schwiegen. Es war, als wären die Worte in irgendeinen luftleeren Raum entwichen, wo sie keinerlei Bedeutung besaßen. Sie hatten jede Verbindung zum Rest der Welt verloren. Vielleicht hatte sich aber auch die Welt von den Worten abgeschält.* (Lev Grossman, *Der Zauber von Fillory*) (т. е. на самом деле слова не ускользнули) (Перевод: *Затем он продолжил: «Я не думаю, что мы могли бы это предотвратить. Красный гигант был слишком велик для нас.» Они молчали. Было так, как будто слова ускользали в какой-то вакуум, где они не имели смысла. Они потеряли всякую связь с остальным миром. Или, возможно, мир оторвался от слов.*)

В данной синтаксической конструкции *Es war, als wären die Worte in irgendeinen luftleeren Raum entwichen,...* (Было так, как будто слова ускользали в какой-то вакуум) присутствует расхождение формы и

содержания. Форма синтаксической конструкции утвердительная, а содержание имеет противоположное значение, ведь было лишь такое впечатление, что слова ускользали, то есть не имели значения, что подтверждает контекст, в котором употреблена эта энантиосемичная синтаксическая конструкция.

Рассмотрим далее синтаксические конструкции, которые оформлены как самостоятельное предложение, и которые можно отразить в следующей схеме: «*Als wäre(n) + (kein(e)) + Pron.I [N1] + (Pz.II)*».

11) Sie dachte an Frank, der nicht mal mehr vom Fernseher aufsaß, wenn sie von der Arbeit nach Hause kam. Hi Babe, sagte er nur und hob die Hand zum Gruß. Eine Hand. Als wäre sie ein Hund. «Wissen Sie, was?», sagte Miranda. «Ganz egal, was Ihr Zwei-Uhr-Termin wollte, das Gleiche machen Sie jetzt bei mir.» (Jojo Moyes, Kleine Fluchten) (т. е. на самом деле она не собака)

(Перевод: Она подумала о Фрэнке, который даже не поднял глаз от телевизора, когда она вернулась домой с работы. Привет, детка, просто сказал он и поднял руку в знак приветствия. Только поднял руку. Как будто она собака. «Знаете что?», – сказала Миранда. «Неважно, что собой представляла Ваша двухчасовая встреча, то же самое должно быть и со мной сейчас».)

Синтаксическая конструкция *Als wäre sie ein Hund* (Как будто она была собакой) представляет собой, как уже было указано, отдельно оформленное предложение, хотя по грамматической структуре остается придаточным. По форме данная синтаксическая конструкция положительная, а по значению отрицательная, то есть героиня в определенной ситуации почувствовала унижение, неправильное, несправедливое к себе отношение и мысленно сравнила с отношением к «собаке», но на самом деле только возникло такое ощущение. Благодаря рассогласованию формы и содержания в синтаксической конструкции, можно утверждать, что перед нами энантиосемичная синтаксическая конструкция.

В следующем примере рассмотрим подобную синтаксическую конструкцию:

12) »Hast du ... geht es dir wieder gut?«, fragte ich.

Gideon sagte nichts, er sah mich nur an. Aber irgendetwas stimmte nicht mit der Art und Weise, wie er mich ansah. Als wäre ich keine Person, sondern ein Gegenstand. Irgendetwas Unbedeutendes, Alltägliches, so etwas wie ein ... Stuhl. Möglicherweise hatte er doch eine Gehirnerschütterung und wusste nicht mehr, wer ich war? (Kerstin Gier, Saphirblau) (т. е. на самом деле она человек)

(Перевод: «Ты ... ты в порядке?», – спросила я. Гидеон ничего не сказал, он просто посмотрел на меня. Но что-то было не так с тем, как он смотрел на меня. **Как будто я не человек, а предмет.** Что-то незначительное, повседневное, что-то вроде... стула. Может быть, у него все-таки было сотрясение мозга, и он больше не знал, кто я такая?)

Синтаксическая конструкция *Als wäre ich keine Person, sondern ein Gegenstand* (Как будто я не человек, а предмет) схожа с предыдущей. Сходство в том, что синтаксическая конструкция оформлена отдельным предложением, а с точки зрения грамматики точно соответствует построению придаточного предложения. Отличает эту конструкцию от предыдущей то, что по форме она отрицательная, так как в синтаксической конструкции есть отрицательное местоимение *kein* в сочетании с союзом *sondern* (не..., а...). Что касается содержания, то оно имеет положительное значение, то есть на самом деле герой, конечно, является человеком. Благодаря левому контексту, понятно, что собеседник героя так равнодушно посмотрел на него, как будто на предмет, а не на человека. В правом контексте герой продолжает рассуждать, что на него посмотрели как на что-то незаметное, как на ...стул: «*Irgendetwas Unbedeutendes, Alltägliches, so etwas wie ein ... Stuhl.*». Соответственно можно утверждать, что рассматриваемая синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

В ходе исследования энантиосемичных синтаксических конструкций с компонентом *als wäre*, было выявлено, что данные конструкции часто

встречаются в немецком языке. Для них характерна структурно-семантическая асимметрия, так как присутствует рассогласование формы и содержания. Они чаще встречаются положительные по форме и отрицательные по содержанию, чем отрицательные по форме, а положительные по содержанию Их энантиосемичность определяется не в последнюю очередь нереальной действительностью, которую выражает форма *Konjunktiv II*. Несмотря на это, контекст необходим для подтверждения значения энантиосемичной синтаксической конструкции.

2.4.3. Энантиосемичные синтаксические конструкции с *als hätte*

В немецком языке существуют сложноподчиненные предложения с придаточным предложением сравнения, где главное и придаточное предложения соединяются союзом *als*, после которого следует спрягаемая часть сказуемого в форме *Konjunktiv II – hätte*. Подобные конструкции также обладают энантиосемичностью, которая заключается в рассогласовании формы и содержания в плане негопозитивности.

Рассмотрим следующую схему синтаксической конструкции, которая представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения с компонентом *als hätte*: «**Pron.1 [N1] + VI + (so), als hätte + Pron.1 [N1] + (Subst.Akk)**».

1) *Die Unterrichtsräume in Brakebills waren gegen die meisten Streiche imprägniert, aber es war wohlbekannt, dass das Podium der wunde Punkt eines jeden Dozenten war. Man konnte nicht viel daran ändern, aber die umgebenden Schutzmechanismen waren nicht ganz so ehern. ... Quentin vollführte einige knappe Handbewegungen unter seinem Pult, zwischen den Knien. Das Podium dehnte sich ein wenig, als hätte es einen steifen Rücken, dann stand es wieder reglos da. Geschafft.* (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле не было спины)

(Перевод: *Классы в Брейкбиллс были защищены от большинства шалостей, но было хорошо известно, что подиум был важным местом каждого лектора. С этим ничего нельзя было поделать, но окружающая защита была не такой сильной. ...Квентин сделал несколько легких жестов под своим столом, между коленями. **Подиум немного вытянулся, как будто у него затекла спина, потом снова замер. Сделано.***)

В синтаксической конструкции ***Das Podium dehnte sich ein wenig, als hätte es einen steifen Rücken*** (Подиум немного вытянулся, как будто у него затекла спина) сказуемое в придаточном предложении *hätte* выражено глаголом *haben* в форме *Präteritum Konjunktiv*, важно также отметить, что глагол в придаточном предложении употреблен как смысловой, а не вспомогательный. По форме данная синтаксическая конструкция утвердительная, а по смыслу отрицательная. Из контекста понятно, что подиум раздвинулся так, как будто у него затекла спина, но на самом деле никакой спины нет, это лишь ирреальное сравнение.

Следующая синтаксическая конструкция имеет схему: «***Pron.1 [N1] + VI (sich benehmen, tun) (so), als hätte + Pron.1 [N1] + (kein/e/en) + Subst.Akk/(etwas, nichts)***».

2) *Schweigend ging Jasper neben mir her. Seine Hand lag auf meinem Rücken, so als würde er mir den Weg weisen. **Ich tat so, als hätte ich kein Interesse an den Cafes, an denen wir vorüberkamen, und hielt Ausschau nach dem, was ich wirklich suchte. Als wir um die Ecke bogen und Alice uns nicht mehr sehen konnte, sah ich sie: die Damentoiletten.*** (Stephenie Meyer, Zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле интересовали кафе)

(Перевод: *Джаспер молча шел рядом со мной. Его рука лежала на моей спине, словно указывая мне путь. **Я делала вид, что меня не интересуют кафе, мимо которых мы проходили, и смотрела на то, что подалось на самом деле. Когда мы свернули за угол и Элис больше не могла нас видеть, я увидел их: дамские комнаты.***)

В данной синтаксической конструкции *Ich tat so, als hätte ich kein Interesse an den Cafes, ...* (Я делала вид, что меня не интересуют кафе, ...) в главном предложении употребляется глагол «поведения» *tun* в форме *Präteritum*, что характерно для придаточных сравнения. Глагол *haben* в форме *hätte*, так же, как и в предыдущей синтаксической конструкции, является смысловым глаголом. В данной конструкции наблюдается рассогласование формы и содержания. По форме она отрицательная, так как присутствует отрицательное местоимение *kein*, а по содержанию имеет противоположное (позитивное) значение, то есть героиню на самом деле интересовали кафе. Чтобы понять это, не нужно даже обращаться к контексту, выражение «*tat so, als hätte*» («сделал вид, как будто») говорит о том, что человек притворился, а в синтаксической конструкции выражается нереальная действительность. Опираясь на факт языковой асимметрии в синтаксической конструкции, можно сделать вывод, что анализируемая синтаксическая конструкция обладает энантиосемичностью.

Синтаксическая конструкция, в которой в придаточном предложении сравнения сказуемое выражено глаголом в форме *Plusquamperfekt Konjunktiv II*, базируется на схеме: «*Pron.I [N1] + VI + Adj. (so), als hätte + Pron.I [N1] + (etwas, nichts, Subst.Akk) + Pz.II*».

3) *Später konnte sich Quentin nicht mehr an viel aus jener Nacht erinnern, außer, dass er sie in der Schule verbracht hatte. Er war erschöpft, ausgebrannt und schwach, als hätte er Drogen genommen. Seine Brust fühlte sich an wie ausgehöhlt. Er hatte nicht einmal mehr Hunger, er wollte nur noch schlafen.* (Lev Grossman, *Der Zauber von Fillory*) (т. е. на самом деле он не принимал наркотики)

(Перевод: Позже Квентин мало что помнил о той ночи, кроме того, что провел ее в школе. Он был изможден, истощен и слаб, как будто он принимал наркотики. В его груди была пустота. Он даже больше не был голоден, он просто хотел спать.)

В данном примере и в левом, и в правом контексте описывается состояние героя синтаксической конструкции *Er war erschöpft, ausgebrannt und schwach, als hätte er Drogen genommen* (Он был изможден, истощен и слаб, как будто он принимал наркотики), как он был слаб и изможден, как будто он принимал наркотики, но на самом деле это не так, что подтверждает контекст и ирреальная действительность в придаточном сравнения. Соответственно содержание данной синтаксической конструкции отрицательное, а ее форма положительная.

Синтаксическая конструкция с глаголами «впечатления», употребление которых типично для придаточных сравнения, часто строится по схеме: «*Pron.I [NI] + VI(aussehen, scheinen, klingen, ...) + (so), als hätte + Pron.I [NI] + (Pz.II)*».

4) *Er sah mehrere Punks mit Irokesenschnitt oder Glatzen und auch eine relativ große Gruppe von Gothics. Ein viel zu großes Mädchen mit einer viel zu großen, roten Brille grinste blöde in die Runde. Einige der jüngeren Mädchen sahen aus, als hätten sie geweint. Ein Junge trug kein Hemd und sein Rücken war mit roten und grünen Tätowierungen bedeckt.* (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле они не плакали)

(Перевод: Он увидел несколько панков с ирокезами или лысыми головами, а также относительно большую группу готов. Слишком большая девушка в красных очках, которые были слишком велики, глупо ухмылялась вокруг. Некоторые из молоденьких девочек выглядели так, как будто они плакали. Один юноша был без рубашки, а его спина была покрыта красными и зелеными татуировками.)

В синтаксической конструкции *Einige der jüngeren Mädchen sahen aus, als hätten sie geweint* (Некоторые из молоденьких девочек выглядели так, как будто они плакали) в главном предложении употребляется глагол «впечатления» *aussehen* (выглядеть), а в придаточном предложении сложное сказуемое *hätten ... geweint* стоит в форме *Plusquamperfekt Konjunktiv II*. В данной синтаксической конструкции в придаточном выражено нереальное

действие, позитивная форма предложения выражает негативное содержание, то есть на самом деле девочки не плакали, лишь у героя сложилось такое впечатление. Так как в синтаксической конструкции присутствует языковая асимметрия, то можно утверждать, что перед нами энантиосемичная синтаксическая конструкция.

5) »*Du hast mir nichts getan. Na klar. Du hast mir nichts getan.*« Penny kicherte ausdruckslos. ***Seine Stimme klang seltsam nüchtern, als hätte er diese Rede, sein Schlussplädoyer, vielfach geübt.*** Quentin hörte, wie hinter dieser Fassade die verrückte Wut wieder aufflammte. (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле он не репетировал речь)

(Перевод: «Ты ничего мне не сделал. Ну конечно. Ты ничего мне не сделал.» Пенни безучастно хихикнула. **Его голос звучал на редкость четко, как будто он много раз репетировал эту речь, свой заключительный аргумент.** Квентин услышал, как за этим фасадом вспыхивает безумный гнев.)

В данном примере перед нами сложноподчиненное предложение, в главном предложении которого употребляется глагол «впечатления» *klingen* в *Präteritum* типичный для придаточного предложения сравнения: ***Seine Stimme klang seltsam nüchtern, als hätte er diese Rede, sein Schlussplädoyer, vielfach geübt*** (Его голос звучал на редкость четко, как будто он много раз репетировал эту речь, свой заключительный аргумент). В данном придаточном предложении сравнения глагол, употребленный в форме *Plusquamperfekt Konjunktiv II*, выражает нереальное действие в прошлом, что уже точно невозможно реализовать. В придаточном предложении можно наблюдать рассогласование формы и содержания. По форме данное выражение положительное, а по содержанию отрицательное, то есть на самом деле он не репетировал эту речь, а он так её произнес, как будто много раз репетировал. В правом контексте описывается, какие эмоции были вызваны его речью *die verrückte Wut wieder aufflammte* (вспыхнул безумный гнев), соответственно его речь действительно прозвучала, как будто была подготовлена, но следует обратить внимание, что рассогласование формы и

содержания можно наблюдать в самой синтаксической конструкции без привлечения контекста. Наличие асимметрии формы и содержания действительно свидетельствует об энантиосемичности данной синтаксической конструкции.

В следующем примере синтаксическая конструкция имеет необычное строение, а именно в форме вопросительного предложения: «*VI(aussehen, scheinen, klingen, ...) + Pron.I [NI] + (nicht) Adj.+ (so), als hätte(n) + Pron.I [NI] + etwas (nichts) + (Pz.II)?*»

б) «*Was treiben sie drüben?*» «*Sie lachen und schwatzen.*» «***Scheinen sie nicht ernst, als hätten sie etwas Geheimnisvolles gehört?***» «*Im Gegenteil, es herrscht laute Fröhlichkeit.*» «*Und Mason?*» «*Lacht mit.*» «*Wenn alle diese Leute kämen und mich anspeien wollten, was würden Sie tun, Jane?*» (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. на самом деле не услышали ничего таинственного)

(Перевод: «*Что они делают, Джен?*» «*Смеются и болтают, сэр.*» «***А вам не показалось, что у них важный и загадочный вид, словно они узнали что-то необыкновенное?***» «*Ничуть! Они шутят и веселятся.*» «*А Мэзон?*» «*Он тоже смеется.*» «*Если бы все эти люди пришли сюда и оплевали меня, что бы вы сделали, Джен?*») (Ш. Бронте, Джен Эйр)

В главном предложении синтаксической конструкции употреблен глагол «впечатления» *scheinen* (казаться): ***Scheinen sie nicht ernst, als hätten sie etwas Geheimnisvolles gehört?*** (*А вам не показалось, что у них важный и загадочный вид, словно они узнали что-то необыкновенное?*). Данная синтаксическая конструкция интересна тем, что языковую асимметрию можно рассматривать отдельно в главном предложении и в придаточном. В главном предложении есть отрицание, значит по форме оно отрицательное, а вот по содержанию положительное, так как они действительно кажутся серьезными. Что же касается придаточного предложения сравнения, то в нем описывается нереальное действие, то есть на самом деле они не услышали ничего таинственного, только их серьезный вид подсказывал это. В придаточном предложении также присутствует рассогласование формы и

содержания, но форма придаточного сравнения положительная, а содержание отрицательное. Таким образом, асимметрия между формой и содержанием в отдельных частях данной синтаксической конструкции подтверждает её энантиосемичность.

Далее рассмотрим синтаксическую конструкцию, в которой главное предложение состоит только из главных членов предложения: безличного местоимения *es* и глагола *sein* в форме *Präteritum (war)*: «***Es war (so), als hätte + Pron1 [NI] + etwas (nichts) + (Pz.II)***».

7) *Welche Kraft strömte aus diesem Blick! Ich fühlte mich von neuem Mut beseelt! Es war, als hätte ein Märtyrer einem Sklaven im Vorbeigehen etwas von seiner eigenen Kraft eingeflößt. Ich beherrschte meine aufsteigende Rührung, hob den Kopf und setzte mich aufrecht auf meinen Schandpfahl.* (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. на самом деле мученик не вложил в раба часть своей силы)

(Перевод: *Какая сила исходила от этого взгляда! Я почувствовала воодушевление с новым мужеством! Это было так, как будто мученик мимоходом вселил в раба часть своей силы. Сдерживая нарастающие эмоции, я подняла голову и села прямо у своего позорного столба.*)

В синтаксической конструкции ***Es war, als hätte ein Märtyrer einem Sklaven im Vorbeigehen etwas von seiner eigenen Kraft eingeflößt*** (Это было так, как будто мученик мимоходом вселил в раба часть своей силы) в придаточном предложении сравнения выражено нереальное действие, то есть на самом деле героиня просто выражает свои эмоции в сравнении. В левом контексте даны два восклицательных предложения, которые следуют одно за другим, что подчеркивает эмоционально приподнятое состояние героини. Героиня сравнивает свои ощущения с нереальным действием, у неё было лишь такое ощущение, как будто мученик мимоходом вложил в раба часть своей силы, но на самом деле этого не было. То, что это были лишь эмоции, говорит предложение из правого контекста *Ich beherrschte meine aufsteigende Rührung...*, то есть героиня совладала со своими эмоциями. Рассматриваемая синтаксическая конструкция имеет рассогласование формы и содержания: по

форме она положительная, а содержание получает противоположное значение.

8) *In der Stille traf sie die Erkenntnis, dass er sie betrogen hatte, ..., genauso schlimm wie beim ersten Mal vor zwei Stunden. Quentin sah es ihr an: **Es war, als hätte sie einen Bauchschuss abbekommen.** Sie hob die Hand, die Handfläche auswärts gedreht, als schütze sie ihre Augen vor dem Anblick seines monströsen Gesichts. Eine nasse Haarlocke klebte an ihrer Wange. (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле не получила выстрел в живот)*
(Перевод: *В тишине ее осенило осознание того, что он её обманул, ... , так же ужасно, как и в первый раз два часа назад. Квентин увидел её: **Это было так, как будто она получила выстрел в живот.** Она подняла руку ладонью наружу, словно прикрывая глаза от вида его чудовищного лица. Мокрая прядь волос прилипла к ее щеке.*)

В левом контексте перед синтаксической конструкцией *Es war, als hätte sie einen Bauchschuss abbekommen* (Это было так, как будто она получила выстрел в живот) объясняется, почему у героини были такие эмоции, и что предшествовало ее ощущениям. Это явно нереальное действие, так как на самом деле героиня не получила выстрел в живот. В синтаксической конструкции к тому же употреблен лексический энантоним *abbekommen* (1. получить; 2. недополучить). Реализация лексического энантонима в одном из его противоположных значений влечет за собой и переосмысление значения всего предложения. В данной синтаксической конструкции присутствует рассогласование формы и содержания: по форме конструкция положительная, а по содержанию отрицательная.

В следующей схеме синтаксической конструкции главное предложение распространено наречием: «*Es war + Adv. + (so), als hätte + Pron.I [N1] + etwas (nichts) + (Pz.II)*». Например:

9) *Dann war Quentin allein und rannte einen kühlen, dunklen Seitenkorridor entlang. **Es war still, als hätte man bei einem Fernseher den Ton abgeschaltet.** Er sprintete mit voller Kraft los, verfiel dann in einen leichten Trab und*

marschierte schließlich nur noch. (Lev Grossman, *Der Zauber von Fillory*) (т. е. на самом деле не выключали звук телевизора)

(Перевод: *Затем Квентин был один, бежал по прохладному темному боковому коридору. Было тихо, как будто выключили звук телевизора. Он побежал с большой скоростью, затем перешел на легкую рысь и, наконец, просто пошел маршем.*)

В синтаксической конструкции *Es war still, als hätte man bei einem Fernseher den Ton abgeschaltet* (Было тихо, как будто выключили звук телевизора) в придаточном предложении сравнения описывается ирреальное действие, которое выражено формой *Konjunktiv II*. Нереальность события в данном случае подтверждает левый контекст, в котором описывается, что герой бежал по коридору, и там была такая тишина, как будто выключили звук телевизора, то есть на самом деле этого не было, лишь тишина напомнила о подобном сравнении. Учитывая, что содержание отрицательное, а форма конструкции положительная, видно, что перед нами энантиосемичная синтаксическая конструкция.

Синтаксическая конструкция, построенная по схеме «*Als hätte(st,n) + Pron.I [NI] + (etwas, nichts, Subst.Akk) + (nicht) + (Pz.II)*», интересна тем, что придаточное предложение сравнения выступает как самостоятельное предложение:

10) *»Ха!«, brüllte Janet. »Was lest ihr denn da?« Alice rutschte instinktiv ein Stück von ihm ab, aber Quentin blieb, wo er war. »Als hättest du sie nicht gelesen«, erwiderte er. »Natürlich habe ich sie gelesen! Als ich neun war, habe ich meine Familie gezwungen, mich zwei Wochen lang »Fiona« zu nennen.»* (Lev Grossman, *Der Zauber von Fillory*) (т. е. на самом деле читала)

(Перевод: *«Ха!», – закричала Джанет. «Что ты читаешь?» Элис инстинктивно ускользнула от него, но Квентин остался на месте. «Как будто ты их не читала», – ответил он. «Конечно, я их читала! Когда мне было девять, я заставляла свою семью две недели называть меня «Фиона».*)

В данной синтаксической конструкции *Als hättest du sie nicht gelesen* (Как будто ты их не читала) герой подразумевает, что его собеседница читала это, хотя здесь используется отрицательное по форме предложение. В правом контексте следует фраза *Natürlich habe ich sie gelesen!* (Конечно, я их читала!), которая подтверждает, что предположения героя были верными, то есть собеседница на самом деле читала их. Данное подтверждение рассогласования формы и содержания говорит о том, что данная синтаксическая конструкция является энантиосемичной.

Синтаксические конструкции с энантиосемичным значением с компонентом *als hätte* встречаются довольно часто в немецком языке, и они довольно разнообразны. Для данных несимметричных синтаксических конструкций характерна структурно-семантическая асимметрия. В самих конструкциях употребляется форма *Konjunktiv II*, выражающая нереальную действительность, при этом ирреальность действия предполагает его отсутствие, что практически всегда является подтверждением энантиосемичности в синтаксической конструкции. Часто дополнением служит контекст, который подтверждает энантиосемичное значение синтаксической конструкции.

2.4.4. Энантиосемичные синтаксические конструкции с *als ob*

К несимметричным энантиосемичным синтаксическим конструкциям следует отнести также модели сложноподчиненных предложений с придаточным предложением сравнения с союзом *als ob*, выражающим нереальность событий. В главном предложении глагол употребляется в изъявительном наклонении и выражает реальное утверждение, а в придаточной части предложения глагол стоит в форме *Konjunktiv II*. Мнимость утверждения или происходящего события передается на русский язык союзом *как будто*. Такие конструкции имеют при позитивной форме негативное значение и наоборот.

Рассмотрим следующие сложноподчиненные предложения, построенные по схеме: «**Pron.1 [NI] + VI + (so), als ob Pron.1 [NI] + (Subst.Akk) + VI Konj.**».

1) »*Alles in Ordnung mit dir? Du siehst aus, als ob du einen Geist getroffen hättest.*« *Gideon streifte seinen Mantel ab und legte ihn neben sich. »Ganz schön heiß für September.« »Keinen Geist«, sagte ich, unfähig, ihm in die Augen zu sehen. Meine Stimme zitterte leicht. (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. на самом деле не видела призрак)*

(Перевод: «Ты в порядке? Ты выглядишь так, как будто встретила призрака. Гидеон снял свой плащ и положил его рядом с собой. «Достаточно жарко для сентября.» «Никакого призрака», – сказала я, боясь встретиться с ним взглядом. Мой голос слегка дрожал.)

2) *Frau Holl nahm Warren zur Seite. «Hören Sie, Warren!» sagte sie. «Ich beschwöre Sie, was ist eigentlich mit Juan und Violet? Sehen Sie ihn dort? Er sitzt da, als ob er Bomben werfen wolle. Und Violet tut, als kenne sie ihn gar nicht.» Warren zeigte sein schönstes und unschuldigstes Lächeln. (B. Kellerman, Das blaue Band) (т. е. на самом деле не хочет бросить бомбу)*

(Перевод: Миссис Холл отвела Уоррена в сторону. «Слушай, Уоррен!» она сказала. «Я умоляю Вас, что насчет Хуана и Вайолет? Вы видите его там? Он сидит там, как будто он хочет бросать бомбы. А Вайолет ведет себя так, будто не знает его». Уоррен сверкнул своей самой красивой и невинной улыбкой.)

В главном предложении присутствуют глаголы «впечатления» *aussehen* и глаголы «поведения» *sitzen, tun*, после которых идет придаточное предложение с союзом *als ob*. В самом придаточном предложении глагол всегда употребляется в форме *Konjunktiv II* и стоит на последнем месте. Спрягаемый глагол в *Konjunktiv II* предполагает нереальное и невозможное событие, и, следовательно, противоположное по значению. На противоположное значение синтаксической конструкции указывает контекст, из которого ясно, что говорящий понимает, что говорит о том, чего нет на

самом деле. Данные придаточные предложения по форме являются положительными, а по содержанию отрицательными, то есть они не согласуются по форме и содержанию. Синтаксические построения такого вида эмоциональны и экспрессивны, а употребляются с целью повлиять на собеседника, сделать высказывание более убедительным.

В ходе исследования выявлена также синтаксическая конструкция, которая выстроена с грамматической точки зрения как придаточное предложение сравнения, но употребляется без главного предложения, что формально меняет статус придаточного на самостоятельное предложение. Таким образом, мы видим такую модель синтаксической конструкции «*Als ob Pron.1 [N1] + (Subst.Akk)/Adj. + V1Konj.*». Например:

3) *»Eins steht fest – wenn ich mir noch eins dieser lahmen Major-League-Spiele anschauen muss, sterbe ich vor Langeweile.«* **»Als ob du sie bisher spannend gefunden hättest«**, lachte er. *»Ich muss sagen, ich bin enttäuscht«, zog ich ihn auf. »Enttäuscht?«, fragte er verdutzt.* (Stephenie Meyer, Bis zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле не казались захватывающими)

(Перевод: «Одно можно сказать наверняка – если мне придется смотреть еще одну из этих дурацких игр высшей лиги, я умру от скуки.» **«Как будто они казались тебе захватывающими до сих пор»**, – засмеялся он. «Должна сказать, я разочарована», – дразнила я. «Разочарована?», – спросил он в недоумении.)

4) *»Mach's Gideon nicht zu leicht, ja?«* *»Na endlich!«, schnauzte mich Charlotte an, als ich an den Wagen trat. »Wir warten schon eine Ewigkeit. Alle starren uns an.«* **»Als ob dich das stören würde. Hallo, Mr Marley. Wie geht es Ihnen?«** *»Ähm. Gut. Ähm. Und Ihnen?« Und schon errötete Mr Marley.* (Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. на самом деле не мешает)

(Перевод: «Не усложняй задачу Гидеону, ладно?» «Ну наконец!», – рявкнула на меня Шарлотта, когда я подошел к машине. «Мы ждали целую вечность. Все смотрят на нас.» **«Как будто это тебе мешает. Здравствуйте,**

мистер Марли. Как у Вас дела?» »Хм. Хорошо. Хм. А у Вас?» И мистер Марли тут же покраснел.)

В приведенных примерах синтаксической конструкции также наблюдается рассогласование формы и содержания. По форме конструкции положительные, но несут в себе противоположное отрицательное значение. Подкрепляет данный факт контекст, в котором употреблена данная конструкция. В четвертом примере глагол *lachen* подсказывает, что говорящий, произносит фразу с иронией, как бы подсмеивается над собеседником, и поэтому для выражения сильных эмоций используется энантиосемичная синтаксическая конструкция. В пятом примере перед нами энантиосемичная синтаксическая конструкция *Als ob dich das stören würde* (*Как будто это тебе мешает*) (т. е. *на самом деле не мешает*), а подтверждением данного факта является правый контекст. После данного предложения говорящий испытывает смущение, растерянность, краснеет *Und schon errötete Mr Marley*, употребляя при этом междометия *Ähm. Gut. Ähm.*, показывающее, что герой сбив с толку и не знает, что сказать. Соответственно указанная синтаксическая конструкция произносится с особой иронической интонацией. Рассогласование плана формы и плана содержания, характерное для энантиосемичной синтаксической конструкции, еще больше придают экспрессивности данному выражению, что четко проявляется в поведении собеседника. «Экспрессивность в процессе общения способствует повышению эффективности коммуникации и выполняет не только информативную, но и выразительную функцию, в основе которой лежит прежде всего эмоциональный потенциал выражения речевых единиц» [Острикова, 2020: 216].

В следующем примере приведена энантиосемичная синтаксическая конструкция, в которой также можно наблюдать асимметрию формы и содержания: в первой части форма высказывания утвердительная, а содержание отрицательное, во второй части наоборот. Данная

синтаксическая конструкция также выступает как самостоятельное предложение, хотя имеет структуру придаточного предложения сравнения.

5) ...*Ich würde Lucy und Paul die Wahrheit sagen, jetzt und hier. Mit einem Mal war ich nicht mehr nervös, ich fühlte mich nur unendlich erschöpft. Als ob ich fünfzig Kilometer am Stück gelaufen wäre und ungefähr hundert Jahre nicht geschlafen hätte. Und ich hätte sonst was dafür gegeben, wenn Gideon vorhin Lady Tilney erlaubt hätte, heißen Pfefferminztee mit Zitrone und Zucker bringen zu lassen. Aber nun musste es ohne gehen.* (Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. на самом деле не пробежал 50 километров и не спал 100 лет)

(Перевод: ...Я бы сказал Люси и Полу правду, прямо здесь и сейчас. Внезапно я перестал нервничать, я просто почувствовал себя бесконечно истощенным. Как будто я пробежал пятьдесят километров и не спал около ста лет. И я бы все отдал, если бы Гидеон позволил леди Тилни заказать горячий мятный чай с лимоном и сахаром раньше. Но теперь пришлось обойтись без него.)

Данный пример примечателен тем, что нереальность высказывания прослеживается не только в форме глаголов, которые выражены формой глагола в *Konjunktiv II*, но и выражается в лексике, так как при сравнении употребляются выражения *fünfzig Kilometer* и *hundert Jahre*. Заметим, что для человека практически невозможно пробежать пятьдесят километров и человек не может не спать сотню лет. Таким образом, при сравнении применяется прием гиперболизации и сразу становится очевидно, что данная синтаксическая конструкция действительно выражает нереальное событие. Ирреальная модальность, которая вносится глаголом-сказуемым в сослагательном наклонении, в таких синтаксических конструкциях в немецком языке является подтверждением наличия энантиосемичного значения.

Следующая синтаксическая конструкция с энантиосемичным значением является восклицательной по цели высказывания: «*Als ob Pron.1 [NI] + (Subst.Akk)/Adj. + VIKonj.!*»

б) *»Wenn ich irgendwie behilflich sein kann, stehe ich selbstverständlich zur Verfügung.« James zupfte sich die Spitzenbesätze an seinen Ärmeln zurecht.*

»Nein, vielen Dank. Wir müssen nur schnell nach Hause.« Als ob James irgendwie behilflich hätte sein können! Er konnte nicht mal eine Tür öffnen. (Kerstin Gier, Rubinrot) (т. е. на самом деле не мог помочь)

(Перевод: «Если я могу чем-то помочь, я, конечно, готов.» Джеймс поправил кружевную отделку на рукавах. «Нет, спасибо. Нам просто нужно поскорее вернуться домой.» **Как будто Джеймс мог чем-то помочь!** Он даже не мог открыть дверь.)

В конце указанного предложения стоит восклицательный знак, который говорит об эмоциональном высказывании говорящего. По мнению Г. Н. Остриковой, «чаще всего все-таки энантиосемия развивается в повествовательных по форме предложениях, которые оформляются в основном как яркое, эмоциональное восклицание» [Острикова, 2017: 153]. В синтаксической конструкции глагол также стоит в форме *Konjunktiv II*, что показывает ирреальность происходящего, о котором идет речь. Эта синтаксическая конструкция обладает так же, как и предыдущие, асимметрией формы и содержания, что говорит о её энантиосемичности. Следует отметить, что во всех рассматриваемых в ходе исследования синтаксических конструкциях с союзом *als ob* наблюдается асимметрия формы и содержания, структурно-семантическая асимметрия, что типично для несимметричной энантиосемии. В данных синтаксических конструкциях глагол всегда стоит в форме *Konjunktiv II*, который подчеркивает нереальность ситуации и выражает тем самым противоположное значение самого высказывания.

Выводы к главе 2

В ходе исследования выяснено, что существуют симметричные и несимметричные энантиосемичные синтаксические конструкции. Симметричные синтаксические конструкции обладают амбивалентным значением при тождественной грамматической форме. Количественный объем выявленных симметричных синтаксических конструкций составляет приблизительно 40% от общего объема выявленных энантиосемичных синтаксических конструкций.

В ходе исследования выделено четыре группы энантиосемичных синтаксических конструкций:

- 1) синтаксические конструкции с модальными глаголами;
- 2) синтаксические конструкции «*Glaubst du...?*»;
- 3) синтаксические конструкции «*Ist das ...?*»;
- 4) синтаксические конструкции с предикатом в *Konjunktiv II*.

Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *sollen* подразделяются на синтаксические конструкции в виде вопросительных предложений без вопросительного слова (общие вопросы) и синтаксические конструкции в виде вопросительного предложения с вопросительным словом (специальные вопросы). Такие конструкции часто представляют собой риторический вопрос с негативным значением, не предполагающие ответа. Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальным глаголом *sollen* обладают экспрессией и имеют эмоционально-ироническую окраску. Среди энантиосемичных конструкций с модальным глаголом *können* конструкции в виде специального вопроса с вопросительным словом *Wie* являются в основном риторическими вопросами. Такие же конструкции, но оформленные как восклицательные предложения (в конце предложения стоит восклицательный знак), имеют восклицательную интонацию и ярко выраженную экспрессию. Синтаксические конструкции с модальными глаголами имеют в большинстве

случаев энантиосемичное симметричное значение, так как в равной степени могут выражать два противоположных значения: и «утверждение», и «отрицание». Конструкции с модальными глаголами по своей форме чаще бывают положительными и при переосмыслении получают отрицательное содержание.

Выявлено, что энантиосемичные синтаксические конструкции с сочетанием «*Glaubst du...?*» относятся к симметричным синтаксическим конструкциям. Они представляют собой вопросительные предложения без вопросительного слова, то есть образуются по структуре общего вопроса. Но чаще всего представляют собой риторические вопросы. Такие конструкции подтверждают энантиосемичное значение, так как одна и та же синтаксическая форма может иметь два противоположных значения: позитивное и негативное. В большинстве случаев такая синтаксическая конструкция по форме является положительной, а при переосмыслении получает противоположное, а именно отрицательное значение. Реже эта синтаксическая конструкция имеет отрицательную форму, тогда она при переосмыслении получает положительное содержание.

Энантиосемичные синтаксические конструкции с сочетанием *Ist das ...?* представляют собой вопросительные предложения без вопросительного слова, которые требуют утвердительного или отрицательного ответа. При наличии ответа отмечается отсутствие рассогласования формы и содержания, то есть вопрос имеет прямое значение. При отсутствии ответа вопрос приобретает статус риторического, который может при переосмыслении иметь рассогласование формы и содержания. Исследование показало, что структурной особенностью данных синтаксических конструкций является наличие отрицания в предложении в виде отрицательной частицы *nicht* или отрицательного местоимения *kein*, поэтому при переосмыслении содержание получает позитивное значение. Рассматриваемые синтаксические конструкции могут иметь в большинстве случаев два противоположных значения: положительное и отрицательное и являются примером

симметричной энантиосемии в немецком языке. Среди указанных конструкций реже встречаются синтаксические конструкции с функциональной асимметрией, при переосмыслении которых, например, вопросительное предложение может трансформироваться в побудительное. Энантиосемичные синтаксические конструкции расширяются модальными словами *denn, immer noch, vielleicht, (so)mal, also, so, je*, которые используются для выражения большей экспрессивности речи говорящего.

Синтаксические конструкции с предикатом в *Konjunktiv II* также могут при переосмыслении изменять свое значение на противоположное. К таким конструкциям относятся синтаксические конструкции с союзами *als (als würde, als wäre, als hätte)* и *als ob*. Синтаксические конструкции представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями сравнения, в которых всегда сказуемое выражено глаголом в *Konjunktiv II*. Форма *Konjunktiv II* является формой сослагательного наклонения, обозначает нереальную действительность и употребляется при выражении ирреального желания или ирреальной возможности. Наиболее употребительными являются синтаксические конструкции в виде сложноподчиненного предложения с союзом *als* (сложноподчиненные предложения с сочетаниями *als würde, als wäre, als hätte*), чем с союзом *als ob*. Данные синтаксические конструкции благодаря своей ирреальности практически всегда обладают асимметрией между формой и содержанием, то есть положительное по форме предложение при переосмыслении получает отрицательное содержание и наоборот. Выяснено, что синтаксические конструкции такого вида без рассогласования формы и содержания отсутствуют в немецком языке. Поэтому анализируемые синтаксические конструкции можно отнести к несимметричным синтаксическим конструкциям, которые составляют приблизительно 60% от выявленных энантиосемичных конструкций, что было выяснено при количественном подсчете анализируемых синтаксических единиц. Одним из важнейших условий актуализации энантиосемичных синтаксических конструкций

является контекст. На актуализацию энантиосемичного значения влияет не только лингвистический контекст, но и экстралингвистический. Симметричные энантиосемичные синтаксические конструкции требуют бóльшего контекста, чем несимметричные модели.

Основная функция энантиосемичных синтаксических конструкций состоит в передаче информации, поэтому энантиосемичные синтаксические конструкции относятся к номинативной энантиосемии, так как они всегда выражают диктумную пропозицию в сочетании с модусной, но при этом доминирующей является диктумная, то есть предметная, неоценочная пропозиция.

Глава 3. Функциональные особенности синтаксических конструкций с энантиосемичным значением в немецком языке

3.1. Контекстуальные условия актуализации предложений с энантиосемичным значением

Одним из важнейших условий коммуникации является контекст, который разделяют на лингвистический и экстралингвистический. Под лингвистическим контекстом понимается «языковое окружение той или иной единицы языка в тексте». Экстралингвистический контекст представляет собой «любые факты реальной действительности» (время, место, обстановка и пр.), помогающие адресанту коммуникации верно понять значения языковых единиц в высказывании [Ярцева, 1990: электрон. ресурс]. Контекст находится в неразрывной связи с процессом коммуникации и берет на себя функцию снятия многозначности с языковой единицы в процессе общения, а также определения точного смысла высказывания. Текст строится линейно, поэтому различают такие виды контекста как *левый* и *правый*. Левый контекст показывает, что предшествует коммуникативной ситуации, а правый контекст, что происходит после неё. Полученная из контекста информация помогает более точно понять содержание синтаксической конструкции.

Учитывая, что для энантиосемичных синтаксических конструкций характерно несовпадение формы и содержания, считаем необходимым опираться на контекст при определении актуального значения предложений. Рассмотрим некоторые примеры энантиосемичных синтаксических конструкций с риторическим акцентом, построенных по схеме: «*Ist (das, es) + nicht + Adj. ...?(!)*»

1) *Ich finde, es ist so schön, Großvater davon erzählen zu hören, wie es früher in der Welt war. Stellt euch vor, einmal zu Ostern, als Großvater noch ganz klein war, da war es so kalt, dass sein Vater den Stößel nehmen musste, um das Eis in*

der Wassertonne, die in ihrer Küche stand, zu zerschlagen. Ist das nicht furchtbar? Und dann noch nicht einmal Ostereier! Arme Kinder! (Astrid Lindgren, Die Kinder aus Bullerbü) (т. е. это ужасно)

(Перевод: Я думаю, так приятно слушать, как дедушка рассказывает о том, каким был мир раньше. Представьте себе Пасху, когда дедушка был совсем еще маленьким, было так холодно, что его отцу пришлось использовать пестик, чтобы разбить лед в бочке с водой, стоявшей у них на кухне. **Разве это не ужасно?** И тогда еще не было пасхальных яиц! Бедные дети!)

В вопросительной синтаксической конструкции *Ist das nicht furchtbar?* (*Разве это не ужасно?*) присутствует рассогласование формы и содержания. По форме данная конструкция отрицательная, так как в ней есть отрицательная частица *nicht* (*не*), а по содержанию положительная (*Это ужасно!*). Следовательно, данная синтаксическая конструкция обладает энантиосемичностью, что подтверждается контекстом высказывания. В правом контексте героиня рассказывает историю, которая ей показалась ужасной, поэтому она и задает вопрос, не ужасно ли то, что происходило, подразумевая, что это действительно ужасно. В правом контексте употребляются подряд два восклицательных предложения, которые передают эмоции говорящего. Это подсказывает, что рассматриваемая энантиосемичная синтаксическая конструкция также произносится с восклицанием и имеет экспрессивную окраску, что тоже характерно для энантиосемии.

Следующую синтаксическую конструкцию, которая соответствует схеме «*Ist (das, es) + (denn) + (so) Adj. ...?*» рассмотрим на примере:

2) *...ich dem unsichtbaren Tanzpartner die Hand geben musste. Leider gab ich ihm die falsche Hand. »Rechte Hand, rechte Schulter, linke Hand, linke Schulter«, rief Plusterlippe zornig. »Ist das denn so schwer? Sieh doch, wie Charlotte es macht, so ist es perfekt!«* (Kerstin Gier, Saphirblau) (т. е. это несложно)

(Перевод: ...Мне пришлось дать руку невидимому партнеру по танцам. К сожалению, я дала ему не ту руку. «Правая рука, правое плечо, левая рука, левое плечо», – сердито воскликнул Плюстерлиппе. «Разве это так сложно?» Посмотри же, как это делает Шарлотта, это прекрасно!))

Во втором примере синтаксическая конструкция *Ist das denn so schwer?* (Разве это так сложно?) по форме положительная, а по содержанию является отрицательной (Это несложно), то есть она обладает асимметрией формы и содержания. Для определения наличия противоположного значения служит контекст высказывания. В левом контексте примера предложение «*Rechte Hand, rechte Schulter, linke Hand, linke Schulter*», rief Plusterlippe zornig. («Правая рука, правое плечо, левая рука, левое плечо», – сердито воскликнул Плюстерлиппе.) подтверждает, что танцевать не сложно, а легко. В правом контексте идет сравнение с Шарлоттой, которой обучение танцу дается легко и она уже отлично танцует, то есть это подтверждает еще раз, что танцевать несложно. У данной синтаксической конструкции есть и положительное значение, о чем свидетельствует следующий пример, в котором функционирует такая же синтаксическая конструкция, но имеющая положительную форму и содержание: «*Gestern waren wir im Cafe. Wir erzählten einander viele interessante Geschichten. Dann tanzten wir. Das war wirklich toll, die Zeit zusammen zu verbringen!*», sagte sie. «*Aber du bist immer unzufrieden. Kannst du nicht ein bisschen tanzen? Ist es denn so schwer?*» «*Ja!*», antwortete er. «*Es war wirklich schwer für mich, ich fühlte mich jetzt nicht wohl!*» («Вчера мы ходили в кафе. Мы рассказывали друг другу много интересных историй. Потом мы танцевали. Было действительно здорово провести время вместе!», – сказала она. «Но ты всегда недоволен. Ты не можешь немного потанцевать? Это так сложно?» «Да!», – ответил он. «Это действительно было тяжело для меня, я чувствовал себя плохо!»). В этом примере совпадение формы и содержания в плане позитивности также ясно из контекста. В правом контексте говорящий получает ответ на поставленный вопрос «*Ist es denn so*

schwer?» «Ja!», antwortete er. «Es war wirklich schwer für mich...», что свидетельствует о том, что перед нами прямой вопрос, а не риторический. Адресант отвечает на вопрос и подтверждает сказанное, что действительно танцевать для него сейчас сложно. Контекст выявляет, что в одной синтаксической конструкции присутствуют два противоположных значения: позитивное и негативное, поэтому данная синтаксическая конструкция обладает симметричной энантиосемичностью.

Вопросительная синтаксическая конструкция в следующем примере соответствует схеме «*Warum soll/te(en) + NI(ich/sie/Sie/wir) + ... + kein Subst./ nicht + V Inf.?*» и интересна, тем, что переосмысление высказывания проводится самим действующим лицом.

3) *»Von wem sind denn die Blumen?« sagte ich. »Von Züpfner«, sagte sie. »Verdammt«, sagte ich, »was soll das?« Marie wurde rot und sagte: »Warum sollte er mir keine Blumen schicken?« »Die Frage muß anders lauten«, sagte ich: »Warum sollte er dir Blumen schicken?« »Wir kennen uns schon lange«, sagte sie, »und vielleicht verehrt er mich.« (Heinrich Böll, Wanderer, kommst du nach Spa...)* (т. е. он должен (может) посылать цветы)

(Перевод: «От кого цветы?», – спросил я. «От Цюпфнера», – сказала она. «Черт возьми», – сказал я, – «что это значит?» Мари покраснела и сказала: «Почему он не должен посылать мне цветы?», – «Вопрос должен звучать по-другому», – сказал я: «Почему он должен посылать тебе цветы?» «Мы знаем друг друга уже давно», сказала она, «и возможно он уважает меня»)

Синтаксическая конструкция *Warum sollte er mir keine Blumen schicken?* (Почему он не должен (не может) посылать мне цветы?) представляет собой риторический вопрос и при энантиосемичном переосмыслении содержание предложения приобретает положительное значение, то есть *он может ей посылать цветы*. Несмотря на это, его форма является отрицательной, так как употреблено отрицательное местоимение *kein*. Это свидетельствует о рассогласовании формы и содержания данной энантиосемичной синтаксической конструкции. Контекстуальные условия, в

которых функционирует рассматриваемая конструкция, довольно необычны и примечательны тем, что один из говорящих сам переосмысливает высказывание героини, это подтверждает фраза из правого контекста *Die Frage muß anders lauten (Вопрос должен звучать по-другому)*. Таким образом, герой пытается перефразировать риторический вопрос собеседницы, то есть произносит истинное содержание её вопроса *Warum sollte er dir Blumen schicken? (Почему он должен (может) посылать тебе цветы?)*. При этом благодаря контексту можно заметить, как смещаются акценты в этих синтаксических конструкциях. В первом случае в энантиосемичной синтаксической конструкции героиня делает фразовое ударение на отрицательное местоимение *keine* *Почему же он не может посылать ей цветы?*, и при этом подразумевает, что *он может посылать*. А во втором случае герой, переосмысляя, задается вопросом с целью узнать причину *Почему он может посылать цветы?* и в правом контексте он получает ответ на свой вопрос *»Wir kennen uns schon lange«, sagte sie, »und vielleicht verehrt er mich.«* («Мы знаем друг друга уже давно», сказала она, «и возможно он уважает меня»). Это высказывание еще раз подтверждает, что героиня действительно считает, что он может посылать ей цветы. В ходе анализа подтверждается, что контекст необходим для определения энантиосемичности синтаксических конструкций в немецком языке.

Далее рассмотрим вопросительную синтаксическую конструкцию с модальным глаголом, которая не содержит в своей грамматической структуре вопросительное слово и соответствует схеме: *«Soll(en)+ NI(ich/sie/Sie/wir) + ... + nicht + V Inf.?»*.

4) *Dann sah sie ihre Tochter an, die immer noch einen ziemlich fertigen Eindruck machte, und meinte: »Sollen wir nicht einfach nach Hause fahren und uns ein bisschen ausruhen?«* Holly lächelte dankbar, und wieder rollte ihr eine Träne übers Gesicht. *Nach Hause. Das klang wunderbar.* (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. *должны поехать домой*)

(Перевод: *Затем она посмотрела на свою дочь, которая все еще выглядела довольно измученной, и сказала: «Разве мы не должны просто поехать домой и немного отдохнуть?»* Холли благодарно улыбнулась, и еще одна слеза скатилась по ее лицу. Домой. Это звучало замечательно.)

В синтаксической конструкции *Sollen wir nicht einfach nach Hause fahren und uns ein bisschen ausruhen?* (Разве мы не должны (не можем) просто поехать домой и немного отдохнуть?) употребляется отрицательная частица *nicht*, поэтому форма отрицательная, а по содержанию высказывание является положительным, то есть *могут (должны) поехать домой и отдохнуть*. Энантисемичное переосмысление возможно именно благодаря контексту. Рассматриваемая синтаксическая конструкция произносится матерью в виде риторического вопроса с целью сделать ситуацию не такой напряженной. В правом контексте все последующие предложения подтверждают положительный смысл энантисемичной синтаксической конструкции *Holly lächelte dankbar, und wieder rollte ihr eine Träne übers Gesicht. Nach Hause. Das klang wunderbar.* (Холли благодарно улыбнулась, и еще одна слеза скатилась по её лицу. Домой. Это звучало замечательно.) Холли действительно согласилась с матерью, что нужно ехать домой и это ее очень радовало. Именно контекст помогает актуализировать необходимое значение предложения.

В следующем примере рассмотрим контекстуальные условия функционирования энантисемичной синтаксической конструкции, которая соответствует схеме: *«Glaubst du, NI + VI + ... nicht?»*.

5) *Ihr Dad fing wieder an Klavier zu spielen. Ihr drittes Stück von der Carnegie Hall. ... »Wir lassen nämlich später Drachen steigen. ...« Ronnie reagierte nicht auf diese Mitteilung. Stattdessen schnauzte sie ihren Vater an: »Kannst du endlich damit aufhören?« Abrupt ließ er die Hände sinken. »Wie bitte?« »Diese Musik. Glaubst du, ich erkenne die Stücke nicht? Ich weiß doch genau, was du erreichen willst. Aber ich habe dir schon klar und deutlich gesagt, dass ich nicht spiele.«* (Nicholas Sparks, *Mit dir an meiner Seite*) (т. е. я узнаю эти отрывки)

(Перевод: *Ее отец снова начал играть на пианино. Ее третья пьеса в Карнеги-холле. ... «Запустим воздушных змеев позже.» ... «Ронни никак не отреагировала на это сообщение. Вместо этого она рывкнула на отца: «Ты можешь, наконец, прекратить (играть)?» Он резко опустил руки. «Что, прости?» «Эта музыка. Ты думаешь, я не узнаю эти отрывки? Я же точно знаю, чего ты хочешь добиться. Но я тебе уже ясно сказала, что играть не буду.»*)

Благодаря контексту в синтаксической конструкции *Glaubst du, ich erkenne die Stücke nicht?* (Ты думаешь, я не узнаю эти отрывки?) понятно расхождение формы и содержания придаточного предложения. Форма синтаксической конструкции отрицательная, а содержание положительное, то есть героиня *узнаёт отрывки*, которые играет на пианино отец. Асимметрия формы и содержания свидетельствует об энантиосемичности данной синтаксической конструкции. В левом контексте описывается, как отец играет на пианино, а фразы *Kannst du endlich damit aufhören?* (Ты можешь, наконец, прекратить (играть)?) и *Diese Musik* (Эта музыка) говорят о том, что отец играет что-то знакомое и героиня, действительно, узнает эту музыку. В правом контексте следующие предложения *Ich weiß doch genau, was du erreichen willst. Aber ich habe dir schon klar und deutlich gesagt, dass ich nicht spiele.* (Я же точно знаю, чего ты хочешь добиться. Но я тебе уже ясно сказала, что играть не буду) также помогают понять, что отец играет часто знакомую музыку, в надежде, что дочь вновь будет играть. Экстралингвистический контекст помогает определить энантиосемичность синтаксической конструкции.

Дальнейшему рассмотрению подлежат несимметричные синтаксические конструкции, которые относятся к группе синтаксических конструкций с *Konjunktiv II*, например:

б) *Zum ersten Mal, seit wir den Wald betreten hatten, durchfuhr mich freudige Erregung - und verwandelte sich rasch in Ungeduld.*

»Sind wir bald da?«, fragte **ich** mit gespielter Quengeligkeit und **tat so, als würde ich schmollen**. »Fast.« Er lächelte, als er meinen Stimmungswandel bemerkte. (Stephenie Meyer, Zum Morgengrauen) (т. е. на самом деле не обиделась)

(Перевод: Впервые с тех пор, как мы вошли в лес, во мне пронеслось волнение – и быстро перешло в нетерпение. «Мы скоро?», – спросила я с притворной капризностью и сделала вид, как будто обиделась. «Почти», – улыбнулся он, заметив перемену в моем настроении.)

Синтаксическая конструкция в виде сложноподчиненного предложения «**ich ... tat so, als würde ich schmollen.**» («я сделала вид, как будто обиделась») соответствует схеме «**Pron.1 [N1] + VI tun (tat(en) (Prät.) (so), als würde Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + (nicht) V Inf.**». В синтаксической конструкции в главном предложении употребляется глагол «поведения» *tun* в форме Präteritum *tat* с частицей *so*, далее следует придаточное предложение сравнения с *als würde*. В придаточном предложении глагол употреблен в сослагательном наклонении и выражает ирреальную действительность. По форме данная конструкция положительная, а по содержанию отрицательная, так как на самом деле героиня не обиделась, а только сделала вид, что обиделась. Это еще больше подтверждают слова из левого контекста *mit gespielter Quengeligkeit* (с притворной капризностью), то есть действительно отрицательный смысл высказывания противопоставляется его положительной форме.

Следующая синтаксическая конструкция соответствует схеме: «**Pron.1 [N1] + VI + (so), als wäre Pron.1 [N1] + (Subst.Akk)**».

7) *Genau davor hatte Holly sich gefürchtet - dass sie bei jeder passenden und unpassenden Gelegenheit vor anderen Leuten anfangen würde zu weinen. Aber irgendwie war es ihr jetzt gar nicht peinlich. Sharon schlürfte gelassen ihren Tee und hielt Hollys Hand, als wäre alles ganz normal. Schließlich versiegten die Tränen.* »Danke.« »Holly, ich bin deine beste Freundin! Wenn ich dir nicht helfe, wer denn dann?« Sharon drückte ihre Hand und lächelte sie ermutigend an. (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. на самом деле не было нормально)

(Перевод: Именно этого боялась Холли – что она будет плакать при каждом подходящем и неподходящем случае перед другими людьми. Но почему-то она совсем не смущалась. **Шэрон** спокойно потягивала чай и **держала Холли за руку, как будто всё было совершенно нормально.** Наконец слезы высохли. «Спасибо» «Холли, я твоя лучшая подруга! Если я не помогу тебе, то кто же тогда?» Шэрон сжала ее руку и ободряюще улыбнулась.)

В синтаксической конструкции *Sharon... hielt Hollys Hand, als wäre alles ganz normal* (Шэрон держала Холли за руку, как будто всё было совершенно нормально) в придаточном предложении сравнения глагол употреблен в форме *Konjunktiv II*. Это свидетельствует о выражении в придаточном предложении нереального действия, то есть на самом деле жизненная ситуация не была нормальной. Из левого контекста понятно, что ситуация не совсем нормальная, так как Холли плакала. Ирреальная действительность способствует выявлению противоположного значения предложения, форма конструкции является положительной, а содержание отрицательным. При этом контекст служит подтверждением проявления энантиосемичности синтаксической конструкции.

Далее проанализируем синтаксическую конструкцию, которой также присуще несоответствие формы и содержания. Синтаксическая конструкция соответствует схеме: «*Pron.1 [N1] + VI + (so), als ob Pron.1 [N1] + (Subst.Akk) + VI Konj.*», например:

8) *Das Geplapper aus dem angrenzenden Examensraum war in der Sekunde nicht mehr zu hören, in der die Tür geschlossen wurde. Zwei Stühle standen einander gegenüber an einem langen, abgenutzten, sehr schweren Holztisch.*

Quentin schwindelte, als ob er das Ganze im Fernsehen gucken würde. Es war lächerlich. Aber er zwang sich, sich zu konzentrieren. Das hier war eine Prüfung, und er war ein Ass in Prüfungen. (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле он не смотрел телевизор)

(Перевод: *Болтовня из соседней экзаменационной комнаты в ту же секунду прекратилась, как только закрылась дверь. Два стула стояли друг напротив друга у длинного, потертого, очень тяжелого деревянного стола. У Квентина закружилась голова, как будто он все это смотрел по телевизору. Это было забавно. Но он заставил себя сосредоточиться. Это был тест, и он был асом в тестах.*)

По форме синтаксическая конструкция *Quentin schwindelte, als ob er das Ganze im Fernsehen gucken würde* (У Квентина закружилась голова, как будто он всё это смотрел по телевизору) является положительной, а по содержанию – отрицательной. Сослагательное наклонение предполагает рассогласование формы и содержания данной конструкции. Выражение нереальной действительности помогает энантиосемичному переосмыслению, на самом деле Квентин не смотрел всё это происходящее по телевизору, у него лишь сложилось такое впечатление. Контекст позволяет убедиться в том, что собой представляет действительность, в которой он находится. В левом контексте автор описывает обстановку экзаменационной комнаты. В правом контексте предложения *Es war lächerlich. Aber er zwang sich, sich zu konzentrieren.* (Это было забавно. Но он заставил себя сосредоточиться.) подтверждают, что у него было такое ощущение, как будто он смотрел всё по телевизору, но контекст возвращает нас в реальность. Таким образом, контекст свидетельствует в пользу энантиосемичности рассматриваемой синтаксической конструкции.

Исследование энантиосемичных синтаксических конструкций рассматривает отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве, что представляет интерес как для семантического синтаксиса, так и для прагмалингвистики. Важно, что данные отношения возникают между говорящим и слушающим или пишущим и читающим, и для такой коммуникации, с точки зрения прагмалингвистики, важны конкретные характеристики данной коммуникации, а именно указание места, времени, настроения и эмоций во время

их речевого взаимодействия [Сусов, 1984: 9]. По мнению Ю. С. Степанова, прагмалингвистика – это «наука, которая занимается выбором наиболее оптимальных из имеющихся в языке средств для наиболее успешного воздействия на слушающего или читающего», а также определяет языковые средства «для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения» [Степанов, 1981: 325-326]. Лингвистическая прагматика привлекала и привлекает внимание многих исследователей, как отечественных (Винокур Т. Г. [Винокур, 1993], Матвеева Г. Г. [Матвеева, 2003], Сусов И. П. [Сусов, 1984] и др.), так и зарубежных ученых (Остин Дж.Л. [Остин, 1986], Серль Дж.Р. [Серль, 1986] и др.). По мнению И. П. Сусова, отказ от анализа текста, как чисто языковой абстрактной структуры, привел к появлению новых направлений в лингвистических исследованиях, основанных на теории коммуникации [Сусов, 1980: 15].

При рассмотрении категории энантиосемии, а именно энантиосемичных синтаксических конструкций, было выявлено, что данные синтаксические конструкции должны рассматриваться только в контексте и что они обладают экспрессивностью и выражают эмоциональное состояние говорящего, а к тому же зачастую имеют ироническое наполнение. В прагмалингвистическом аспекте интересным представляется изучение энантиосемичных единиц с точки зрения ситуации коммуникации не только в плане ее содержания, но и в плане выяснения условий, в которых данная коммуникация состоялась и какие языковые средства при этом использовались. С точки зрения прагмалингвистики выявляются также способы воздействия на адресата, а именно при помощи оценки и аргументации [Олейник, 2021: 22]. При анализе энантиосемичных синтаксических конструкций в контексте выявляются и такие прагматические компоненты как вербальные и невербальные реакции собеседников.

К вербальным реакциям собеседников относятся языковые средства выражения: модальные слова и выражения, различные реплики, отклики,

отзывы, повторы, переспросы и т.п., например:

9) *Jetzt kapierte auch Gideon, dass wir aneinander vorbeigeredet hatten. Das Lächeln verschwand aus seinem Gesicht. »Gwen ...«*

»Soll ich dir mal was sagen? Mir tut es um jede einzelne Träne leid, die ich deinetwegen geweint habe!« Ich wollte ihn anschreien, aber es misslang kläglich.

»Und bilde dir bloß nicht ein, dass es viele waren!«, konnte ich nur noch krächzen.

(Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. мне нечего сказать)

(Перевод: Теперь Гидеон понял, что мы говорим о разном. Улыбка исчезла с его лица. «Гвен...» «**Что же мне сказать?** Мне жаль каждую слезинку, которую я пролила из-за тебя!» Я попыталась накричать на него, но с треском провалилась. «И не воображай, что их было много!» Я могла только прохрипеть.)

В данном примере употребляется энантиосемичная синтаксическая конструкция «*Soll(en) ich(sie) + mal + (was/es) V Inf.?*» с модальным словом *mal*, которое усиливает экспрессивность данной синтаксической конструкции, в которой форма и содержание не совпадают: форма положительная, а содержание имеет противоположное значение («*Что же мне сказать?*», т. е. нечего сказать»)

Некоторые речевые индикаторы (знаменательные и служебные слова, обращения, междометия, различные усилительные элементы) зачастую рассматриваются лингвистами в качестве нарушения системного в языке, но, как справедливо отмечает В. Г. Гак, без них «не строится ни одна живая фраза» [цит. по Корчажкиной О.М., 2001: 34]. При контекстуальном анализе энантиосемичных синтаксических конструкций следует обращать внимание и на невербальные реакции собеседников. К ним относятся позы, жестикауляция, мимика, компоненты мелодико-интонационного оформления речи и фразовое ударение, например:

10) *Ich hörte, daß meine Mutter aufschrie, dann seufzte sie auf eine Weise, die mir deutlich machte, wie alt sie geworden ist. Sie sagte: »Das kannst du wohl nie vergessen, wie?« Ich war selbst nahe am Weinen und sagte leise: »Vergessen?*

Sollte ich das, Mama?» Sie schwieg, ich hörte nur dieses für mich so erschreckende Altfrauenweinen. Ich hatte sie seit fünf Jahren nicht gesehen, und sie mußte jetzt über sechzig sein. (Heinrich Böll, Ansichten eines Clowns) (т. е. не должен забыть)

(Перевод: Я услышал крик моей матери, затем она вздохнула так, что я понял, насколько старой она стала. Она сказала: «Ты никогда этого не забудешь, не так ли?» Я сам чуть не расплакался и тихо сказал: «Забыть? Должен я это, мама?» Она молчала, я слышал только пугающий меня плач пожилой женщины. Я не видел ее пять лет, а сейчас ей должно быть за шестьдесят.)

Энантисемичная синтаксическая конструкция, соответствующая схеме: «*Soll(te/ten) sie(ich) + (das/es) (V Inf.), Subst.?*», заканчивается обращением: *Sollte ich das, Mama?* (Должен я это (сделать), мама?). В данной синтаксической конструкции присутствует рассогласование формы и содержания. По форме вопросительная конструкция является утвердительной, а по содержанию отрицательной, герой не должен, не может это забыть. Подтверждением этому переосмыслению служит контекст. В левом контексте из вопросительных предложений *Sie (Mutter) sagte: »Das kannst du wohl nie vergessen, wie?« Ich war selbst nahe am Weinen und sagte leise: »Vergessen?« (Она (мать) сказала: «Ты никогда этого не забудешь, не так ли?» Я сам чуть не расплакался и тихо сказал: «Забыть?»)* ясно, что герой не может забыть случившееся. Благодаря правому контексту подтверждается, что рассматриваемая конструкция является риторическим вопросом, который заканчивается обращением *Mama*, что говорит об ожидании героем ответа от матери, но мать плачет и ничего не отвечает, что свидетельствует о её негласном согласии с сыном, что это нельзя забыть. Отсюда следует, что и прагматические аспекты способствуют определению синтаксической конструкции как энантисемичной и выражению высокой эмоциональности высказывания.

По мнению Г.Г. Матвеевой отправитель текста мгновенно автоматически, не задумываясь, выбирает определенный речевой вариант высказывания [Матвеева, 2007: электрон. ресурс]. В момент коммуникации её участник нередко автоматически использует энантиосемичную синтаксическую конструкцию с целью довести до своего собеседника смысл своего высказывания наиболее точно, так как такие конструкции в большинстве случаев обладают большой экспрессивностью. Определенная коммуникативная ситуация наполнена эмоциональностью, и поэтому соответствующие варианты высказываний выбираются говорящим, практически не задумываясь. Высказывание в определенной коммуникативной ситуации приобретает смысл, который противоположен содержанию самого высказывания, что характерно для энантиосемичных единиц.

11) Warren Prince war natürlich sehr beunruhigt, daß sich gestern nacht, wie ihm Violet berichtete, ein «Skandal» oder so etwas wie ein Skandal in der Bar abgespielt haben sollte, ohne daß er etwas davon wußte. ... Skandal? Er schrak vor dem ungeheuerlichen Ausdruck zurück. Meinungsverschiedenheiten? ... die jungen Herrschaften waren etwas übermütig, und das war alles. Eine Weile später aber traf Warren in einem der Schreibsalons Baron Nion, den französischen Tennischampion und Baron Nion erzählte ihm alles. «Kein Skandal? Comment?» (hier Wie bitte?)» rief Baron Nion erstaunt aus. «**Wenn das kein Skandal war!** Es war degoutant*(hier ekelhaft, widerlich), ganz einfach widerlich! Was für ein Wesen ist doch diese Kitty Sullivan? Sie war betrunken. (B. Kellermann «Das blaue Band») (т. е. это был скандал)*

(Перевод: Уоррен Принс, конечно, был очень обеспокоен тем, что, как сообщила ему Вайолет, прошлой ночью в баре без его ведома произошел «скандал» или что-то похожее на скандал. ... Скандал? Он вздрогнул от возмутительного выражения. Разногласия? ...молодёжь немного задиралась, и всё. Однако через некоторое время в одном из писательских салонов Уоррен познакомился с бароном Нионом, чемпионом Франции по теннису, и

барон Нион ему все рассказал. «Никакого скандала, извините?», – в изумлении воскликнул барон Нион. «**Если бы это был не скандал! Это было отвратительно, просто мерзко! Что за существо эта Китти Салливан? Она была пьяна.**».)

В следующем примере представлена необычная несимметричная энантиосемичная синтаксическая конструкция, которая по структуре представляет собой придаточное предложение условия с союзом *wenn* (если), но используется в качестве самостоятельного восклицательного предложения. Конструкция *Wenn das kein Skandal war!* (Если бы это был не скандал!) отрицательная по форме при переосмыслении приобретает положительное значение, то есть *Это был скандал! Убедиться в правильном понимании содержания помогает и левый, и правый контекст. В левом контексте фраза «Kein Skandal? ...» rief Baron Nion erstaunt aus.* («Никакого скандала, извините?», – в изумлении воскликнул барон Нион) помогает определить, что скандал действительно был и герой очень эмоционально, с большим удивлением задает вопрос, который тоже при переосмыслении получает положительное значение при отрицательной форме и тоже обладает энантиосемичностью. В правом контексте следует восклицательное предложение *Es war degoutant*, ganz einfach widerlich!* (Это было отвратительно, просто мерзко!), в котором в качестве однородных членов употребляются схожие по семантике прилагательные, что усиливает уровень экспрессивности высказывания. Экспрессивная лексика в контексте также способствует выражению эмоционально-экспрессивной окраски энантиосемичной синтаксической конструкции. Рассматриваемая синтаксическая конструкция обладает симметричной энантиосемичностью. Для подтверждения этого сравним ее с такой же синтаксической конструкцией, но с положительным значением, например: «*Wenn das kein Skandal war!*» – *seufzte sie.* «*Ja, das war wirklich kein Skandal. Sie äußerten sich ihre Meinungen einfach lauter als gewöhnlich*», – *antwortete er* («Если бы это не был скандал!», – вздохнула она. «Да, действительно, никакого скандала не

было. Они просто озвучили свое мнение громче обычного», – ответил он). Рассматриваемая синтаксическая конструкция действительно при одной и той же форме может иметь два противоположных значения, что свидетельствует о симметричной энантиосемии.

Таким образом, контекст действительно играет важную роль в актуализации противоположных значений энантиосемичных синтаксических конструкций. Именно контекст, и в бóльшей степени экстралингвистический контекст, а также прагматические особенности контекста помогают правильно понять смысл высказывания с энантиосемичным переосмыслением.

3.2. Иронический контекст как актуализатор энантиосемичного значения в синтаксических конструкциях

Ирония предполагает наличие выраженного или скрытого смыслов, благодаря иронии часто возникают высказывания с противоположным значением, поэтому ирония является одним из источников образования синтаксических конструкций с энантиосемичным значением. Д. Н. Шмелев писал, «...что ироническое отрицание может скрываться вообще за всяким, по сути дела, предложением» [Шмелев, 1958: 75]. Базовой особенностью иронии является несоответствие между реальной и воображаемой (иронической) картиной мира. Для правильного понимания иронического высказывания необходим контекст, который играет роль актуализатора иронического значения синтаксической конструкции.

Энантиосемичная синтаксическая конструкция в ироническом контексте может быть отмечена определенной интонацией и специальной мелодикой. Такую конструкцию понимают иронично, если используются иронические сигналы: особая интонация и тон голоса, подсказывающие, что подразумевается другой, часто противоположный смысл.

Рассмотрим следующий пример:

1) *Langsam senkte ich den Blick auf die feine Goldkette, die in meiner Hand glitzerte. Mit dem Finger deutete er auf das winzige goldene Herz in der Mitte. »Ist es nicht wunderschön?« Am liebsten hätte ich die Kette so weit von mir geschleudert, wie ich konnte. Ich sagte: »Ja, ja, das ist sie. Danke.« Er nahm sie mir aus der Hand. »Setz dich hin, damit ich sie dir umlegen kann.« (Chevy Stevens, Still Missing. Kein Entkommen) (т. е. это прекрасно)*

(Перевод: *Я медленно опустила глаза на тонкую золотую цепочку, которая блестела в моей руке. Он указал на крошечное золотое сердце посередине. «Разве это не прекрасно?» Мне хотелось бросить цепь как можно дальше от себя. Я сказала: «Да, да, она такая. Спасибо.» Он взял её из моей руки. «Сядь, чтобы я мог надеть её на тебя.»*)

В данном примере синтаксическая конструкция *Ist es nicht wunderschön?* (*Разве это не прекрасно?*) по грамматической форме представляет собой вопросительное предложение. На первый взгляд она не является риторическим вопросом, так как в правом контексте есть ответ на поставленный вопрос *Ja, ja, das ist sie. Danke* (*Да, да, она такая. Спасибо*). Но, с другой стороны, в ответе выражается согласие с тем смыслом, который возник благодаря энантиосемичному переосмыслению. В данном случае ирония определяется по интонации как риторический вопрос. Рассматриваемая конструкция по форме является отрицательной, а по содержанию положительной, то есть *золотая цепочка действительно прекрасна*, и именно с этим соглашается героиня. В этой ситуации собеседникам понятен иронический смысл энантиосемичной конструкции, что способствует также выражению их эмоций. Ниже приведена подобная синтаксическая конструкция:

2) *Als sie wieder herauskam, schielte Margot zu der Anzeige mit den Abflügen hinauf. «Heathrow, stimmt's? Sie sind dran, Kleine. Und Sie haben noch nie besser ausgesehen! Ist das nicht großartig? Hatten wir nicht eine Menge Spaß?» «Ja ... aber ... ich habe nicht einmal ...» «Zwei Fremde im Zug. So macht es doch am meisten Spaß.» (Jojo Moyes, Kleine Fluchten) (т. е. здорово)*

(Перевод: *Когда она снова вышла, Марго покосилась на дисплей вылетов рейсов. «Хитроу, верно? Ваша очередь, малышка. И Вы никогда не выглядели лучше! Разве это не здорово? Разве мы не повеселились?» «Да... но... я даже не...» Двое незнакомцев в поезде. Это же самое веселое».*)

В предложении *Ist das nicht großartig?* (*Разве это не здорово?*) иронический смысл определяется по интонации (риторический вопрос) и по контексту. Несмотря на наличие ответа на данный вопрос, это вопросительное предложение является риторическим вопросом с эмоционально-экспрессивной окраской. В основе иронии лежит асимметрия формы и содержания: отрицательному плану выражения соответствует утвердительный план содержания. При энантиосемичном переосмыслении конструкция приобретает утвердительное значение (*Это здорово!*). Актуализатором этого значения является контекст. В правом контексте предложения *Ja ... aber ... ich habe nicht einmal ... Zwei Fremde im Zug. So macht es doch am meisten Spaß* иллюстрируют, что отрицательная по форме конструкция действительно имеет утвердительное содержание.

Далее сравним рассматриваемые синтаксические конструкции с конструкцией, которая имеет такую же форму и прямое значение в разговорном варианте речи: *Sie sagte: »Ich kann dir diese Vase schenken. Ist das nicht großartig oder ist das großartig?» «Das ist nicht großartig», – antwortete er – «Ich möchte andere Vase kaufen.»* (Она сказала: «Я могу подарить тебе эту вазу. Разве это не прекрасно или это прекрасно?» «Не прекрасно», – ответил он, – «Я хотел бы купить другую вазу»). Вопросительная синтаксическая конструкция *Ist das nicht großartig ... ?* (*Это не здорово?*) имеет прямое значение, так как за вопросом следует ответ *Das ist nicht großartig* (*Это не здорово*). Определению прямого значения конструкции также способствует контекст. Рассматриваемая форма синтаксической конструкции обладает симметричной энантиосемичностью, так как имеет два противоположных значения: и положительное, и отрицательное.

В следующих примерах представлены редко встречающиеся синтаксические конструкции по схеме «*Ich und + Adv. (Adj. + Subst.)?*», являющиеся яркими примерами энантиосемичных синтаксических моделей с ироническим смыслом:

3) »*Du bist so tapfer, Holly. Und ich sitze hier rum und flenne wegen meinem blöden Freund, mit dem ich grade mal ein paar Monate zusammen war.*« »*Ich und tapfer?*«, *lachte Holly. »Schön wär's.« »O doch, das bist du«, beharrte Ciara. »Das sagen alle*». (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. она несмелая)

(Перевод: «Ты такая смелая, Холли. А я сижу здесь и плачу из-за своего глупого парня, с которым встречаюсь всего пару месяцев.» «*Я и смелая?*», – засмеялась Холли. «Это было бы прекрасно.» «О да, ты такая и есть», – настаивала Сиара. «Все так говорят».)

В синтаксической конструкции *Ich und tapfer?* (*Я и смелая?*) присутствует асимметрия формы и содержания: по форме конструкция утвердительная, а по содержанию имеет противоположное значение со знаком «—». Утвердительная конструкция оформлена как вопрос и произносится с вопросительной интонацией, но является риторическим вопросом, в котором заложен иронический смысл. Предложение выражает эмоции (приятное удивление) и одновременно иллюстрирует противоречие, характерное для ироничного высказывания: *Я несмелая!* В энантиосемичной синтаксической конструкции присутствуют два акцента в мелодике: на личное местоимение *Ich* и на прилагательное *tapfer*, чтобы выразить несоответствие сказанному. Иронический смысл синтаксической конструкции акцентируется также благодаря контексту. В левом контексте в предложении *Du bist so tapfer, Holly. (Ты такая смелая, Холли)* выражается утверждение, что Холли действительно смелая. Отвечая на это утверждение, Холли смеётся (*lachte*) и не соглашается с этим, но при этом употребляет утвердительную по форме конструкцию, наполненную ироничным смыслом.

4) *Alles, was sie wünschten, konnten sie sich kaufen, nur die Anerkennung und Bewunderung ihrer Mitmenschen nicht. Wieder lachte Harper. «Es ist völliger Unsinn! Ich, und hypnotische Augen?»*

Warren ging mit Horace Harper das Deck entlang, geschmeichelt, sich mit Harper vor den Menschen zeigen zu können. (B. Kellermann, Das blaue Band) (т. е. нет гипнотического взгляда)

(Перевод: Они могли купить все, что хотели, кроме одобрения и восхищения своих братьев. Харпер снова рассмеялся. «Это полная ерунда! Я и гипнотический взгляд?» Уоррен ходил вдоль палубы с Горацем Харпером, польщенный тем, что показался с Харпером перед людьми.)

Конструкция *Ich, und hypnotische Augen?* (Я и гипнотический взгляд?) представлена в виде вопроса, который также выражает несогласие с услышанным (У меня нет гипнотического взгляда!) и противоречивость, характерную для иронической окрашенности. Актуализатором противоположного значения служит контекст. В левом контексте восклицательное предложение *Es ist völliger Unsinn!* (Это полная ерунда!) способствует выражению негативных эмоций высказывания: возмущение, удивление и негодование. Стоит отметить, что эти энантиосемичные конструкции выражают сравнение и одновременно противопоставление. В первой синтаксической конструкции героиня выясняет, соответствует ли ей такое качество как смелость, в то же время грамматическая форма предложения и его вопросительная интонация подчеркивают смысл противопоставленности высказывания, в котором она и смелость оказываются несовместимыми понятиями. Во второй конструкции тоже присутствует и сравнение, и противопоставление. Рассматривая подобные конструкции с рассогласованием формы и содержания, можно заметить, что благодаря контексту проявляется их ироничная позитивная или негативная окрашенность.

5) *»Ich höre mir die ganze Zeit diese Geschichte aus Tausendundeiner Alpträumen an, nur um am Ende zu erfahren, dass du wirklich schuldig bist, Mädchenmörder?« »Sie hat selbst geschossen.« »Das soll ich glauben, ja?« Zeus rief nach Platte und nach seinem Bügeleisen, das dieser nicht vergessen sollte, aber Milan hörte nicht, dass sich draußen vor der Tür jemand in Bewegung setzte. (Sebastian Fitzek, Das Geschenk) (т. е. я не верю)*

(Перевод: *«Я все время слушаю эту историю из «Аравийских кошмаров» только для того, чтобы в конце узнать, что это действительно виноват ты, убийца девочек?» «Она застрелила его сама» «Я должен этому верить, да?» Зевс позвал Платте и свое железо, о котором ему не следует забывать, но Милан не слышал, чтобы кто-то двигался за дверью.»*)

Следующая синтаксическая конструкция *Das soll ich glauben, ja?* (*Я должен этому верить, да?*) построена как повествовательное предложение, но произносится с вопросительной интонацией. В конце конструкции стоит утвердительное *ja?* (*да?*) с вопросительным знаком, которое выражает ожидание определенного ответа, но ответ отсутствует. Поэтому можно квалифицировать это предложение как риторический вопрос. В конструкции присутствует рассогласование формы и содержания: утвердительной форме соответствует отрицательное содержание. В этой вопросительной конструкции благодаря иронической окраске присутствует утверждение: *Я этому не верю!*

Рассмотрим следующий пример:

6) *Ich eröffnete einen neuen Twitter-Account unter dem Namen Alexis Carrington. Das ist einer meiner Favoriten: Niemand, der jung genug ist, um seine Zeit auf Social-Media-Seiten zu verbringen, weiß, wer das ist. Dann schrieb ich: Warum sollte dir irgendjemand glauben? Die Antwort kam innerhalb von Minuten. Warum sollte ich lügen? Er war seit zwei Jahren nicht mehr im Fernsehen, und er ist mindestens zwanzig Jahre älter als ich! Da hatte sie recht. (Jojo Moyes, Kleine Fluchten) (т. е. не должен лгать)*

(Перевод: Я открыла новую учетную запись в Твиттере под именем Алексис Кэррингтон. Это одно из моих любимых: никто из тех, кто достаточно молод, чтобы проводить время в социальных сетях, не знает, кто это. Тогда я написала: Почему кто-то должен тебе верить? Ответ пришел через несколько минут. **Почему я должен лгать?** Его не было на телевидении два года, и он старше меня как минимум на двадцать лет! Она была права.)

Выделенная синтаксическая конструкция имеет рассогласование формы и содержания: положительная по форме, и отрицательная по содержанию. В конструкции **Warum sollte ich lügen?** (Почему я должен лгать?) ироническое переосмысленное значение проявляется именно в этом рассогласовании. Данный пример иллюстрирует наличие у синтаксической конструкции структурно-семантической энантиосемии. Именно благодаря экстралингвистическому контексту становится понятным иронический смысл синтаксической конструкции.

7) Kurt warf wieder einen Blick auf die Vorderseite des Fotos. »Wie alt ist die Aufnahme?« »Nicht älter als zwei Jahre«, schätzte Milan. Eher neueren Datums, wenn er das Bild des Mädchens im Auto richtig im Kopf hatte. **»Aber wie kann ja das sein?«** »Du siehst es also auch?« Milan beugte sich zu seinem Vater. Der nickte. Seine Lippen zitterten, bevor er Milan fragte: »Das ist eure Geheimsprache von damals, richtig?« (Sebastian Fitzek, Das Geschenk) (т. е. не может быть) (Перевод: Курт снова взглянул на переднюю часть фотографии. «Сколько лет записи?» «Не больше двух лет», – предположил Милан. Довольно недавно, если он правильно запомнил образ девушки в машине. **«Но как же это может быть?»** «Значит, ты тоже это видишь?», – Милан наклонился к отцу. Он кивнул. Его губы задрожали, прежде чем он спросил Милана: «Это твой секретный язык с тех пор, верно?»)

Вопросительная синтаксическая конструкция **Aber wie kann ja das sein?** (Но как же это может быть?), представляющая собой риторический вопрос, является положительной по форме и используется для передачи

отрицательного диктума «не может быть». Наряду с этим появляется и модусная пропозиция: выражение удивления, неожиданности. Противоположность формы и содержания подтверждает возможность энантиосемичного переосмысления. Особой экспрессивности способствует наличие модальных слов в предложении типа *denn, doch, wohl, bloß*, а в приведенной конструкции используется модальное слово *ja*. Выражение приобретает сильную выразительность благодаря особому интонированию и ироническому контексту.

Далее рассмотрим энантиосемичные синтаксические конструкции с предикатом в *Konjunktiv II*, например:

8) *Aber wenn Lynn oder Jakob das herausgefunden hätten, hätten sie ihr mehr als nur einen Schlag gegen die Schläfe verpasst, um sie bewusstlos aus dem Haus in den Wohnwagen tragen zu können. Nein. Der Code war unverfänglicher gewesen.*

Also hatte Zoe so getan, als wäre sie wieder ein hysterisches Kleinkind.

»Ich mach bei eurem Scheiß nicht mehr mit!«, hatte sie geschrien und war abgehauen. Wohl wissend, dass es kein Entkommen gab. (Sebastian Fitzek, Das Geschenk) (т. е. на самом деле неистеричный ребенок)

(Перевод: *Но если бы Линн или Джейкоб узнали, они бы дали ей больше, чем удар по виску, чтобы вынести ее без сознания из дома в трейлер. Нет. Код был безопаснее. Итак, Зое вела себя так, как будто она снова маленький истеричный ребенок. «Я больше не буду заниматься твоим дерьмом!» — закричала она и убежала. Прекрасно зная, что спасения нет.*)

Синтаксическая конструкция в виде сложноподчиненного предложения с придаточным предложением сравнения ***Also hatte Zoe so getan, als wäre sie wieder ein hysterisches Kleinkind*** (*Итак, Зое вела себя так, как будто она снова маленький истеричный ребенок*) употреблена в сослагательном наклонении. Конъюнктив II в предложении с нереальным предложением сравнения способствует энантиосемичному переосмыслению. Положительной форме конструкции соответствует противоположное (отрицательное) содержание, то есть на самом деле она не стала маленьким

ребенком, ее поведение было просто похожем на поведение истеричного ребенка. Асимметрия формы и содержания данной синтаксической конструкции является интенсификатором экспрессивности. Источником несоответствия формы и содержания является иронический аспект контекста.

9) *»Sie ist verbittert, weil wir glücklich sind«, entgegnete sie, »und weil sie in Eliot verliebt ist. Schon immer. Aber er liebt sie nicht.« Sie gingen wieder weiter.*

*»Wie bitte? Warte mal!« **Quentin schüttelte den Kopf, als ob dadurch alle Puzzlesteinchen zusammenpassen würden.** »Warum sollte sie Eliot wollen? »Weil sie ihn nicht haben kann?«, schlug Alice sarkastisch vor, ohne seinen Blick zu erwidern. (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. на самом деле пазлы не собирались в его голове)*

(Перевод: *«Она огорчена, потому что мы счастливы», – ответила она, «и потому, что она влюблена в Элиота.» Всегда. Но он ее не любит.» Они снова пошли дальше. «Что? Подожди минутку!» Квентин покачал головой, как будто это собирало все кусочки пазлов вместе. «Зачем ей Элиот?» «Потому что он не может ей принадлежать?», – саркастически предположила Алиса, не встречаясь с ним взглядом.)*

Следующая синтаксическая конструкция ***Quentin schüttelte den Kopf, als ob dadurch alle Puzzlesteinchen zusammenpassen würden*** (Квентин покачал головой, как будто это собирало все кусочки пазлов вместе) с сослагательным наклонением также переосмысливается энантиосемично. С помощью конъюнктива выражается нереальное сравнение, а конструкция получает негативное содержание, несмотря на утвердительную оформленность. Благодаря ироничному контексту данная конструкция приобретает эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Таким образом, иронический контекст, безусловно, важен для формирования энантиосемичного значения высказывания и является одним из основных интенсификаторов усиления его экспрессии. Несовпадение формы и содержания энантиосемичной синтаксической конструкции базируется на рассогласовании реальной и воображаемой (иронической)

картины мира. В ироническом контексте энантиосемичные предложения всегда эмоциональны и экспрессивны.

3.3. Выражение эмоциональности и экспрессивности в синтаксических конструкциях с энантиосемичным значением

В процессе коммуникации выражается эмоциональное состояние человека, поэтому эмоциональность и экспрессивность – важные составляющие речевого общения. Эти категории являются коммуникативными свойствами языковых единиц, в том числе энантиосемичных синтаксических конструкций. Для синтаксических конструкций с энантиосемичным значением характерна асимметрия плана выражения и плана содержания, которая является источником экспрессивности энантиосемичных синтаксических единиц [Острикова, 2013: 162].

Традиционно предложения классифицируют по цели высказывания, а именно на повествовательные, вопросительные и побудительные. По мнению И. А. Сизова и Н. С. Балгина, любое предложение, если произнести его с эмоциональной интонацией, может стать восклицательным, к тому же эмоциональность или восклицательность может быть характерна для всех типов предложений [цитир. по М. В. Рыбаковой: электрон. ресурс]. Присутствие восклицательных конструкций в речи говорит о необычайно высоком уровне эмоционального состояния говорящего. Следует учесть, что восклицательный знак обозначает особую эмоциональную интонацию и на письме. Восклицательные и невосклицательные синтаксические конструкции являются различными способами синтаксического проявления одной и той же экстралингвистической ситуации. Но восклицательные синтаксические конструкции включают в себя такую дополнительную семантическую нагрузку, как выражение сильных эмоций.

Обратимся к примерам восклицательных энантиосемичных синтаксических конструкций, образованных по схеме *Was für (ein) Subst. + VI + N1... ?(!)*. Аналогичная схема в русском языке («Что за + N1») рассматривается В. Ю. Меликяном как синтаксическая модель, которая выражает «общий компонент содержания всех высказываний “удивление”» [Меликян, 1996: 112]. Согласно Е. М. Вольф, удивляться можно либо печальным, либо радостным событиям или же удивление может быть нейтральным. В своих исследованиях она подчеркивает, что большинство эмоциональных состояний основано на выражении отрицательной или положительной оценки [Вольф, 1989: 60]. Смысл высказывания уточняет лексический или экстралингвистический контекст, или же оба одновременно.

Например:

1) *Sharon schwieg. »Sharon?« Weiter Schweigen. »Sharon, bist du noch da?« Noch immer keine Antwort. »Sharon, lachst du etwa?« Ein kurzes Quietzen war zu hören, dann brach die Verbindung ab. »Was für wundervolle Freunde ich doch habe, Freunde, die mich bis zum Letzten unterstützen«, brummte Holly vor sich hin. »Ach Gerry«, schrie sie dann, »ich dachte, ihr wollt mir helfen, und stattdessen treibt ihr mich in den Nervenzusammenbruch!« (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. не замечательные друзья)*

(Перевод: Шэрон молчала. «Шэрон?» Снова тишина. «Шэрон, ты еще здесь?» Ответа по-прежнему нет. «Шэрон, ты смеешься?» Был короткий писк, потом связь снова пропала. «Что за замечательные у меня друзья, друзья, которые поддерживают меня до последнего», – бормотала себе под нос Холли. «О, Джерри», – кричала она, – «я думала, ты собираешься мне помочь, а вместо этого ты доводишь меня до нервного срыва!»)

В синтаксической конструкции *Was für wundervolle Freunde ich doch habe, Freunde, die mich bis zum Letzten unterstützen!* (Что за замечательные у меня друзья, друзья, которые поддерживают меня до последнего!) присутствует рассогласование формы и содержания, по форме конструкция утвердительная, а по содержанию отрицательная, то есть *Они не*

замечательные друзья. Из левого и правого контекста ясно, что друзья ведут себя неправильно, подруга её не слушает, друг доводит до нервного срыва. Данная синтаксическая конструкция структурно оформлена как вопросительное предложение, но при энантиосемичном переосмыслении оформляется как восклицательная и приобретает негативную, ироничную окраску с особой экспрессивностью.

Далее рассмотрим синтаксическую конструкцию с модальным глаголом *können*, например:

2) «*Und wie weit ist es?*» «*Wohl fünfzig Meilen.*» «*So weit! Wie kann man so ein Kind allein auf solch weite Reise schicken!*» *Die Postkutsche fuhr vor. Da stand sie, vordem Hauptportal, mit vier Pferden bespannt...; der Kutscher mahnte zur Eile.* (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. невозможно ребенка послать одного) (Перевод: «А далеко ли это?» «Наверное, пятьдесят миль». «Слишком далеко! Как можно послать ребенка одного в такое дальнее путешествие!» Дилижанс подъехал. Он стоял перед главным порталом, запряженный четырьмя лошадьми...; кучер призвал поспешить.)

Восклицательная синтаксическая конструкция *Wie kann man so ein Kind allein auf solch weite Reise schicken!* (Как можно послать ребенка одного в такое дальнее путешествие!) по грамматической структуре ничем не отличается от вопросительного предложения, а по смыслу скорее является побудительным «*Не посылайте!*». Для выражения побуждения к действию или повеления могут использоваться конструкции с оттенком приказа, совета, просьбы и т. д. [Дреева, 2016: 99-100]. Несмотря на отсутствие отрицания в грамматической форме синтаксической конструкции, в результате энантиосемичного переосмысления она выражает негативное содержание, то есть *Невозможно, нельзя ребенка отправлять одного в поездку (Не посылайте его в поездку)*. Именно функциональная асимметричность формы и содержания, а именно трансформация вопросительного предложения в побудительное при энантиосемичном переосмыслении, придает синтаксической конструкции еще большую

экспрессивную окраску. Восклицательный знак в конце предложения и модальная частица *so (так)* усиливают экспрессию окраску конструкции.

Вопросительные конструкции часто характеризуются особой экспрессивностью. Им присущи специфические структурные особенности, а именно: наличие или отсутствие вопросительного слова, местоимений и наречий, вопросительная интонация, инвертированный порядок слов и др. Что касается вопросительных синтаксических конструкций с энантиосемичным значением, они функционируют в речи не для запроса информации, а скорее для выражения эмоций говорящего в процессе коммуникации и обычно являются риторическими вопросами. Основная особенность риторического вопроса в том, что говорящий не ожидает ответа на свой вопрос, а выражает свои негепозитивные эмоции: восторг, радость, удивление или возмущение, негодование, разочарование и т.п. Например:

*3) Dafür schenke ich ihm jede Woche ein Bild, und er erzählt mir, wie er und seine Familie – Frau, Schwiegereltern und drei halberwachsene Kinder – sich dann jedes Mal abends eine Stunde Zeit nehmen und bei klassischer Musik nichts anderes machen, als mein neuestes Werk zu betrachten. **Ist das nicht schön?! Ist das nicht ein Traum?!** Du wirst also verstehen, daß mir kaum etwas Besseres passieren konnte. (Jakob Arjouni, Chez Max) (т. е. это прекрасно; это мечта)*
(Перевод: Для этого я каждую неделю дарю ему картину, и он рассказывает мне, как он и его семья – жена, свекр и свекровь и трое несовершеннолетних детей – затем каждый вечер посвящают час при звучащей классической музыке моей последней работе. **Разве это не приятно?! Это ли не мечта?! Ты понимаешь, что ничего лучшего со мной не могло произойти.**)

Одна за другой следуют две энантиосемичные синтаксические конструкции, которые построены по одной схеме «*Ist + (das, es) + nicht + Adjektiv (Subst.) ...?*». В вопросительных конструкциях без вопросительного слова, представляющих собой риторические вопросы *Ist das nicht schön?! Ist das nicht ein Traum?!* (*Разве это не прекрасно?! Разве это не мечта?!*), присутствует асимметрия формы и содержания: по форме они

отрицательные, а по содержанию утвердительные с восклицательной интонацией. На самом деле *Это прекрасно!* и *Это мечта!* Подтверждение этому факту можно найти в контексте. В левом контексте описывается ситуация, которая так восхищает героя, в правом контексте предложение *Du wirst also verstehen, daß mir kaum etwas Besseres passieren konnte* (Ты понимаешь, что ничего лучшего со мной не могло произойти) помогает согласиться с тем, что смысл анализируемых синтаксических конструкций действительно положительный. Важно отметить, что в конце обеих синтаксических конструкций стоят два знака – вопросительный и восклицательный, что подчеркивает высокую степень экспрессивности данных синтаксических единиц. Не менее важным является то, что при энантиосемичном переосмыслении синтаксические конструкции преобразуются в повествовательные предложения, наделенные восклицательной интонацией, что, в свою очередь, усиливает их эмоциональность.

Далее следует вопросительная синтаксическая конструкция с энантиосемичным значением, которая представляет собой специальный вопрос, требующий, как правило, какую-либо конкретную информацию. Поскольку такая конструкция представляет собой риторический вопрос, он остается без ответа.

4) *»Ich weiß«, seufzte er grübelnd. »Trotzdem solltest du Charlie Bescheid sagen.«*
»Warum um Himmels willen sollte ich das tun?«

Mit einem Mal war sein Blick grimmig. »Um mir einen kleinen Anreiz zu geben, dich heil zurückzubringen.« Ich schluckte. Doch ich brauchte nur einen Moment des Nachdenkens, um mir sicher zu sein. (Stephenie Meyer, Zum Morgengrauen)
(т. е. я не должна это делать)

(Перевод: «Я знаю», – вздохнул он задумчиво. «Несмотря на это ты должна сказать Чарли.» «Господи, почему я должна это делать?» Внезапно его глаза стали мрачными. «Чтобы дать мне небольшой стимул, вернуть тебя

в целостности и сохранности.» Я глотнула. Но мне потребовалось всего мгновение, чтобы подумать, чтобы быть уверенным.)

В синтаксической конструкции *Warum um Himmels willen sollte ich das tun?* (Господи, почему я должна это делать?) присутствует рассогласование формы и содержания: по форме она утвердительная, а по содержанию отрицательная. Структурно конструкция оформлена как вопросительное предложение, а произносится с восклицательной интонацией, при этом говорящий выражает свои эмоции: возмущение, нежелание делать что-либо против своей воли. В левом контексте из предложения *Trotzdem solltest du Charlie Bescheid sagen* (Несмотря на это ты должна попросить прощения с Чарли) ясно, что героиня испытывает давление извне и что её обязывают сделать то, что ей не нравится. В правом контексте есть ответ на вопрос, который является объяснением героя, почему она должна это сделать, но это не меняет смысл вопроса героини, который выражает нежелание выполнять, несмотря на то, что это кажется необходимым. Здесь же употребляется наречие *um Himmels willen*, которое также способствует выражению особой экспрессивности.

Рассмотрим энантиосемичную синтаксическую конструкцию, оформленную как вопросительное предложение без вопросительного слова.

5) *»Ist schon okay«, sagte sie mit einem schnellen kleinen Lächeln, bei dem sich die Bänder zusammenzogen, die Quentins Herz an seinem Platz hielten. »Ich habe es mir gedacht. Ich habe nur Angst davor gehabt, dass du mich anlügen würdest.« Er war verwirrt. »Sollte ich denn lügen?«*

»Schon gut, Quentin. Es war schön. ... Dir ist doch klar, dass es richtig ist, manchmal etwas Schönes zu genießen, oder?« Sie ersparte ihm eine Antwort, indem sie sich auf die Zehenspitzen stellte und ihn auf den Mund küsste. (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. не должен лгать)

(Перевод: «Все в порядке», – сказала она с легкой улыбкой, от которой напряглись связки, удерживающие сердце Квентина на месте. «Я так и думал. Я просто боялся того, что ты солжешь мне». Он был в

замешательстве. *«Должен ли я солгать?»* «Все в порядке, Квентин. Это было прекрасно. ... ты ведь понимаешь, что иногда можно наслаждаться чем-то приятным, не так ли?» Она спасла его от ответа, встав на цыпочки и поцеловав его в губы.)

Энантиосемичная конструкция *Sollte ich denn lügen?* (Должен ли я солгать?) представляет собой риторический вопрос, о чем свидетельствует отсутствие ответа на этот вопрос в правом контексте. И как следствие синтаксическая конструкция обладает асимметрией формы и содержания: позитивной по форме конструкции соответствует негативное значение: *He должен лгать*. Симметричная энантиосемичная конструкция, которая употребляется в виде риторического вопроса и имеет рассогласование формы и содержания, а также модальное слово *denn*, является синтаксической конструкцией с интенсивной экспрессией.

б) *»Verdammt, Gwendolyn! Es hat durchaus seinen Grund, dass... . Seit Tagen versuche ich ... ich habe die ganze Zeit...«* *Er runzelte die Stirn, offensichtlich verärgert über sein eigenes Gestammel. »Glaubst du vielleicht, ich sei aus Stein?«* *Den letzten Satz sagte er ziemlich laut. Ich wusste nicht, was ich darauf antworten sollte. Es war vermutlich auch eher eine rhetorische Frage, nein, ich glaubte natürlich nicht, dass er aus Stein war, aber was zur Hölle wollte er mir damit sagen?* (Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. он не из камня)

(Перевод: *«Черт возьми, Гвендолин! Есть причина тому, что ... . В течение нескольких дней я пытался... все время я... «Может ты думаешь, я из камня?»* Последнее предложение он произнес довольно громко. Я не знала, что на это ответить. Наверное, это был скорее риторический вопрос, нет, конечно, я не думала, что он из камня, конечно, но что, черт возьми, он пытался мне этим сказать?)

Главное предложение в синтаксической конструкции *Glaubst du vielleicht, ich sei aus Stein?* (Может ты думаешь, я из камня?) построено с вводным словом *vielleicht*, а в придаточном предложении употребляется сказуемое в форме Konjunktiv I *sei*. Об эмоциональной окрашенности

высказывания свидетельствует правый контекст, а именно предложение *Den letzten Satz sagte er ziemlich laut* (Последнее предложение он сказал довольно громко), ведь герой говорит громко и рассерженно. По форме синтаксическая конструкция со знаком плюс, а по содержанию – со знаком минус. Это подтверждается также предложением из правого контекста: *Es war vermutlich auch eher eine rhetorische Frage, nein, ich glaubte natürlich nicht, dass er aus Stein war ...* (Наверное, это был скорее риторический вопрос, нет, конечно, я не думала, что он из камня ...). Таким образом, контекст помогает выявить наличие рассогласования формы и содержания рассматриваемой синтаксической конструкции, а также подтвердить её энантиосемичность.

7) *Wir hatten Probleme, aber wir hätten sie lösen können. Doch das war dir zu einfach. Es hätte ja funktionieren können, und was wäre dann aus dir geworden? Du hättest mich für immer am Hals gehabt.*«

»*Probleme? Wir hatten Probleme?*« Die anderen blickten auf. Quentin senkte seine Stimme zu einem wütenden Flüstern. »*Du war mit diesem Idioten! Das ist doch das Scheißproblem!*« Alice ging nicht darauf ein. (Lev Grossman, Der Zauber von Fillory) (т. е. это не проблемы)

(Перевод: У нас были проблемы, но мы могли бы их решить. Но это было слишком просто для тебя. Это могло бы сработать, и что бы с вами тогда стало? Ты бы остался со мной навсегда». «Проблемы? У нас были проблемы?» Остальные подняли глаза. Квентин понизил голос до гневного шепота. « Ты была с этим идиотом! В этом и проблема, черт возьми!» Алиса не ответила.)

В приведенном примере представлена вопросительная синтаксическая конструкция с инвертированным порядком слов. Конструкция – ***Wir hatten Probleme?*** (У нас были проблемы?) – построена как повествовательное предложение, но произносится с вопросительной интонацией, является риторическим вопросом. С помощью данного вопроса выражается эмоциональное состояние героя: удивление + несогласие с происходящим. В левом контексте речь идет о некоторых проблемах, которые герою не

кажутся проблемами, то есть для него *это не проблемы*. В правом контексте следующие предложения раскрывают, что именно является проблемой для героя: *Du war mit diesem Idioten! Das ist doch das Scheißproblem! (Ты была с этим идиотом! В этом и проблема, черт возьми!)*. Добавляет экспрессивности коммуникативной ситуации и то, как герой произносит эти слова *Quentin senkte seine Stimme zu einem wütenden Flüstern (Квентин понизил свой голос до гневного шепота)*, он меняет интонацию от громкой вопросительной до гневного шёпота. Повторение слова *Probleme* с вопросительной интонацией способствует усилению эмоциональности высказывания. Форма и содержание синтаксической конструкции не совпадают: форма позитивная, а содержание негативное, что является интенсификатором выражения высокого уровня экспрессивности данной конструкции.

Рассмотрим несимметричные энантиосемичные синтаксические конструкции, в виде повествовательных сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями сравнения, в которых сказуемое стоит в форме Konjunktiv II.

8) *Sie gehen in ein paar andere Geschäfte und landen schließlich bei Get the Look, einem Laden, den ihre Töchter mögen; er ist vollgestopft mit «coolen» Klamotten, die Verkäuferinnen sehen aus, als wären sie zwölf Jahre alt, und kauen Kaugummi, die Musik ist ohrenbetäubend. Normalerweise hasst Pete Shopping-Touren, aber er scheint zu spüren, wie niedergeschlagen sie ist, und legt eine untypische Munterkeit an den Tag. (Jojo Moyes, Kleine Fluchten) (т. е. на самом деле им не по 12 лет)*

(Перевод: Они идут в несколько других магазинов и наконец попадают в *Get the Look*, магазин, который нравится их дочерям; он набит «крутой» одеждой, **продавицы выглядят, как будто им по 12 лет** и жуют жвачку, музыка оглушает. Пит обычно ненавидит походы по магазинам, но, кажется, чувствует ее уныние и проявляет нетипичную для него бодрость.)

Придаточное предложение ... *die Verkäuferinnen sehen aus, als wären sie zwölf Jahre alt...* (Продавицы выглядят, как будто им по 12 лет) употреблено в сослагательном наклонении, выражающее ирреальную действительность: то есть на самом деле *продавицам не по 12 лет*. Утвердительно оформленное предложение выражает отрицательный смысл. Ирреальность действительности способствует асимметрии формы и содержания энантиосемичной конструкции.

9) *Sie starrte ihn an. «Reden wir von derselben Beziehung?» «Beth, Schätzchen, würdest du mir bitte mal den Rotwein rüberreichen?» Kristas Stimme unterbrach ihr Gespräch. Sie riss die Flasche so abrupt in die Höhe, als hätte sie einen Preis gewonnen. «Natürlich», sagte sie. Ihre Stimme klang unnatürlich laut.*

«An deinem letzten Tag im Büro», zischte er neben ihr. (Jojo Moyes, Kleine Fluchten) (т. е. на самом деле не выиграла приз)

(Перевод: Она смотрела на него. «Мы говорим об одних и тех же отношениях?» «Бет, милая, не могла бы ты передать мне красного вина, пожалуйста?» Голос Кристи прервал их разговор. Она дернула бутылку так резко, как будто выиграла приз. «Конечно», – сказала она. Ее голос звучал неестественно громко. «В твой последний день в офисе», – прошипел он ей в сторону.)

В данной синтаксической конструкции сказуемое в форме *Konjunktiv II* выражает нереальную возможность. Ирреальность имеет следствием рассогласование формы и содержания конструкций, что свидетельствует о её энантиосемичности. Следует отметить, что подобные конструкции обычно являются повествовательными по цели высказывания и обладают небольшой степенью экспрессивности. Наиболее экспрессивными из данной группы несимметричных энантиосемичных предложений с глаголом в форме *Konjunktiv II* могут быть только те придаточные предложения сравнения, которые употребляются в качестве самостоятельного предложения.

Несимметричная энантиосемичная конструкция представлена придаточным предложением сравнения с союзом *als ob*, как показано ниже.

10) «*Oh, St. John!*» rief ich gepeinigt aus. «*Hab doch Mitleid!*»

Als ob er, wenn es um seine Pflicht ging, Mitleid oder Reue empfinden könnte!

«*Du bist von Natur zur Missionarsfrau bestimmt; nicht Gaben des Leibes, aber die des Geistes hast du erhalten; du bist nicht zur Liebe, sondern zur Arbeit geschaffen.* (Charlotte Brontë, Jane Eyre) (т. е. на самом деле не мог чувствовать сострадание)

(Перевод: «*О Сент-Джон!*» — воскликнул я в агонии. «*Сжальтесь надо мной!*» ***Как будто, когда дело касалось его долга, он мог чувствовать сострадание и раскаяние!*** «*От природы вам суждено быть женой миссионера; ты получила не телесные дары, а духовные дары; ты создана не для любви, а для служения.*)

Синтаксическая конструкция такого типа редко употребляется в восклицательной форме, так как для нее типична утвердительная форма. В предложении ***Als ob er, wenn es um seine Pflicht ging, Mitleid oder Reue empfinden könnte!*** (Как будто, когда дело касалось его долга, он мог чувствовать сострадание и раскаяние!) глагол тоже употреблен в сослагательном наклонении и не выражает реальную действительность, на самом же деле герой не чувствовал сострадания и раскаяния. Синтаксическая конструкция оформлена как утвердительная, но по смыслу является отрицательной. Асимметричность формы и содержания, употребление модального глагола *können* в форме *Konjunktiv II*, восклицательная интонация интенсифицируют экспрессивность этой энантиосемичной конструкции.

11) »... *Freunde sind. Verstehst du das denn nicht? Nur wenn wir uns gegenseitig vertrauen können ...*«

Ich riss mich von ihm los. »Als ob ich jemanden wie dich zum Freund haben wollte!« Jetzt war meine Stimme wieder da und sie war so laut, dass die Tauben vom Dach aufflogen. »Du hast doch gar keine Ahnung, was Freundschaft bedeutet!« (Kerstin Gier, Smaragdgrün) (т. е. на самом деле не хотела бы иметь такого друга)

(Перевод: «... Друзья есть. Разве ты не понимаешь? Только если мы сможем доверять друг другу...» Я оторвалась от него. «**Как будто я хотела бы иметь такого друга, как ты!**» Теперь мой голос снова был там, и он был таким громким, что голуби слетели с крыши. «Ты понятия не имеешь, что такое дружба!»)

Придаточное предложение сравнения в данном случае выступает как самостоятельное предложение *Als ob ich jemanden wie dich zum Freund haben wollte!* (Как будто я хотела бы иметь такого друга, как ты!) и произносится с восклицательной интонацией. В данной конструкции положительной форме соответствует отрицательное содержание. То, что она не хотела бы иметь такого друга как он, подтверждается в правом контексте предложением *Du hast doch gar keine Ahnung, was Freundschaft bedeutet!* (Ты понятия не имеешь, что такое дружба!). Асимметрия формы и содержания, восклицательная интонация свидетельствуют об экспрессивности энантиосемичной конструкции.

12) *Er zwinkerte ihnen zu, und sie warfen ein paar Münzen in seine Tweedkappe, die auf dem Boden lag. »Gott, ich fühle mich, als wäre ich betrunken!«, lachte Sharon. »Ich glaube, ich habe mir zu viel Kaffee hinter die Binde gegossen.«*
»Ach, ich bin völlig nüchtern«, erwiderte Denise ernsthaft. (Cecelia Ahern, P. S. Ich liebe Dich) (т. е. на самом деле не была пьяна)

(Перевод: Он подмигнул им, и они бросили несколько монет в его твидовую кепку, которая валялась на земле. «**Господи, я чувствую себя, как будто я пьяная!**», – Шэрон рассмеялась. «Мне кажется, я выпила слишком много кофе, под завязку.» «О, я совершенно трезва», – серьезно сказала Дениз.)

Синтаксическая конструкция *Gott, ich fühle mich, als wäre ich betrunken!* (Господи, я чувствую себя, как будто я пьяна!) по грамматической структуре представляет собой повествовательное сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения *als wäre* с восклицательным знаком в конце, который указывает на выражение радостных эмоций, веселого настроения. В главном предложении

употребляется глагол «впечатления» *sich fühlen* (чувствовать себя), связанный с выражением эмоций так же, как и обращение «*Gott*» («*Господи*»). Здесь героиня испытывает положительные эмоции, как утверждает правый контекст «*lachte Sharon*» (смеялась Шэрон). Грамматически синтаксическая конструкция построена как позитивная, но *Konjunktiv II*, выражающий ирреальность, передает противоположное по смыслу содержание. На самом деле героиня не пьяна, она ощущает себя такой из-за избытка эмоций. Подтверждением этому служит фраза из правого контекста *Ich glaube, ich habe mir zu viel Kaffee hinter die Binde gegossen* (Мне кажется, я выпила слишком много кофе, под завязку).

В ходе анализа было выяснено, что для симметричных энантиосемичных синтаксических конструкций в большей степени характерны эмоциональность и экспрессивность, которые появляются благодаря асимметрии формы и содержания конструкций, инвертированному порядку слов в предложении, использованию повтора в качестве стилистического приема, употреблению эмоционально-окрашенной лексики как в самой конструкции, так и в лингвистическом контексте. Несимметричные энантиосемичные синтаксические конструкции в меньшей степени обладают экспрессивностью и эмоциональной окраской, исключение составляют только придаточные предложения сравнения, употребляемые в виде самостоятельных предложений.

Выводы к главе 3

Контекст является важнейшим условием актуализации противоположных значений энантиосемичных синтаксических конструкций в немецком языке. Лингвистический и экстралингвистический контекст, последний в бóльшей степени, способствуют переосмыслению синтаксических конструкций, при котором происходит рассогласование формы и содержания. Соответственно положительная по форме конструкция получает отрицательное содержание и, наоборот, синтаксическая конструкция с отрицательной формой получает позитивное содержание. Для успешной реализации языковой коммуникации характерно употребление в энантиосемичных синтаксических конструкциях модальных слов: *mal, denn, ja, immer noch, vielleicht*; изменение структуры предложения, наличие обращения, переспроса и т. п.

Важным фактором возникновения противоположного значения является ирония. Синтаксическая конструкция считается ироничной, если высказывание воспринимается как противоположное сказанному. Поэтому в ироничной синтаксической конструкции наблюдается несовпадение формы и содержания, а наличие языковой асимметрии свидетельствует об энантиосемичности синтаксической конструкции. В ходе исследования было выяснено, что вопросительные синтаксические конструкции с энантиосемичным значением всегда обладают ироничностью в той или иной степени, что, в свою очередь, зависит от экстралингвистического контекста.

Синтаксические конструкции в виде сложноподчиненных предложений с придаточными сравнения обладают ироничностью в меньшей степени. Придаточные предложения сравнения, которые употребляются в речи как самостоятельное предложение, отличаются особой пунктуацией. В конце предложения может стоять либо вопросительный знак, и тогда оно оформляется в виде вопроса, либо восклицательный знак, и тогда предложение становится восклицательным или побудительным. Такие

энантиосемичные синтаксические конструкции тоже могут обладать ироническим подтекстом.

Ироничные амбивалентные синтаксические конструкции особенно экспрессивны. В ситуации речевого общения они передают не только мысли говорящего, но и выражают разные чувства, его эмоциональное состояние. Эмоционально-экспрессивная окраска энантиосемичной синтаксической конструкции выражается различными способами: знаками препинания в конце высказывания, использованием определенной лексики в контексте, нарушением порядка слов. Следует отметить, что в немецком языке порядок слов в предложении четко фиксирован, где каждая его составляющая имеет определенное место. Наиболее экспрессивными являются вопросительные конструкции, представляющие риторический вопрос, и конструкции, которые при энантиосемичном переосмыслении оформляются как побудительные предложения.

В сложноподчиненных предложениях с придаточными предложениями сравнения эмоциональность и экспрессивность выражается благодаря употреблению сослагательного наклонения в придаточном предложении, так как нереальное желание, нереальная возможность уже включает в себя определенные эмоции и экспрессию. Бóльшая эмоциональность проявляется в придаточных предложениях сравнения, которые употреблены в виде самостоятельных предложений. В конце таких синтаксических моделей может стоять восклицательный или вопросительный знак в отличие от сложноподчиненных предложений, которые практически всегда являются повествовательными. Следует сделать вывод, что рассмотренные энантиосемичные синтаксические конструкции являются довольно употребительными в немецком языке и часто выражают эмоциональность и сильную экспрессию.

Заключение

Энантioseмичные синтаксические конструкции в немецком языке подразделяются на симметричные и несимметричные. Наиболее употребительными среди симметричных энантioseмичных синтаксических конструкций являются предложения с модальными глаголами. Синтаксические конструкции с модальными глаголами в свою очередь подразделяются на общие вопросы и специальные по наличию или отсутствию у них вопросительного слова. К симметричным конструкциям также относятся предложения с сочетаниями «*Glaubst du ...?*» и с сочетанием «*Ist das ...?*». В результате анализа около 840 симметричных энантioseмичных конструкций, что составляет 40% от общего количества синтаксических единиц, насчитывается 30 синтаксических схем.

Симметричные синтаксические конструкции всегда выступают в виде вопросительного предложения и в одной грамматической форме могут сочетать два противоположных значения. Одна и та же синтаксическая конструкция может совпадать в прямом значении по форме и содержанию: положительной форме соответствует положительное содержание, а отрицательной форме – отрицательное содержание. При рассогласовании формы и содержания утвердительно оформленное предложение может иметь негативное содержание, а отрицательное предложение получает позитивный смысл.

Более употребительными в немецком языке являются несимметричные энантioseмичные синтаксические конструкции с предикатом в *Konjunktiv II* в виде сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями сравнения с союзами *als* (*als würde, als wäre, als hätte*) и *als ob*. В результате исследования около 1260 несимметричных энантioseмичных конструкций, что составляет 60% от общего количества синтаксических единиц, строятся по 27 синтаксическим схемам.

Исследование показало, что асимметричные энантиосемичные синтаксические конструкции преобладают над симметричными энантиосемичными конструкциями в немецком языке. Данные результаты исследования объясняются тем, что форма сослагательного наклонения является довольно употребительной в немецком языке, на её основе и построены несимметричные энантиосемичные синтаксические конструкции. Различают структурно-семантическую и функциональную асимметрию. В ходе исследования выяснено, что структурно-семантическая асимметрия встречается чаще, чем функциональная. Это объясняется наличием сослагательного наклонения в несимметричных синтаксических конструкциях, выражающего нереальную действительность, так как форма *Konjunktiv II* способствует рассогласованию формы и содержания по структуре и смыслу. Функциональная асимметрия, а именно, несовпадение функционального типа формы и содержания синтаксической конструкции встречается реже, и она наиболее характерна для некоторых синтаксических конструкций с модальными глаголами, предложений с сочетаниями «*Glaubst du ...?*» и «*Ist das ...?*». Такие синтаксические конструкции отличаются особым уровнем экспрессивности.

Энантиосемичные синтаксические конструкции всегда выражают диктумную пропозицию в сочетании с модусной, но при этом доминирующей является диктумная, то есть предметная, неоценочная пропозиция, поэтому энантиосемичные синтаксические конструкции относятся к номинативной энантиосемии и их основной функцией является передача информации.

Контекст играет важнейшую роль при актуализации энантиосемичных синтаксических конструкций. Именно контекст помогает точно определить, является ли синтаксическая конструкция энантиосемичной. Синтаксические конструкции в виде сложноподчиненных предложений с предикатом в *Konjunktiv II* в меньшей степени определяются контекстом, так как ирреальная действительность способствует энантиосемичному

переосмыслению содержания предложения, формируя его позитивное или негативное значение. Значимость контекста для энантиосемичных конструкций позволяет рассматривать энантиосемичные синтаксические конструкции также в прагмалингвистическом аспекте. Так как для достижения цели коммуникации необходимо знать, при каких условиях она осуществляется, а также какие языковые средства использует говорящий.

Энантиосемичные синтаксические конструкции обладают большой экспрессивностью. Для симметричных энантиосемичных конструкций в бóльшей степени характерны эмоциональность и экспрессивность, проявляющиеся благодаря асимметрии формы и содержания конструкций, инвертированному порядку слов в предложении, употреблению эмоционально-окрашенной лексики как в самой конструкции, так и в лингвистическом контексте, использованию повтора в качестве стилистического приема. Несимметричные энантиосемичные синтаксические конструкции обладают в меньшей степени эмоциональной окраской и экспрессивностью. Исключениями являются придаточные предложения сравнения, употребляемые в виде самостоятельных предложений.

Наибольшую экспрессивность проявляют вопросительные энантиосемичные конструкции, которые обычно представляют собой риторический вопрос, выражающий при этом различные положительные либо отрицательные эмоции: удивление, восхищение, радость, разочарование, негодование, печаль, возмущение. Вопросительные или восклицательные энантиосемичные конструкции, которые при энантиосемичном переосмыслении приобретают смысл побудительного предложения, также обладают высокой степенью экспрессивности. На письме экспрессивность передается с помощью пунктуации. Для выражения бóльшей эмоциональности и экспрессивности энантиосемичные синтаксические конструкции расширяются модальными словами *denn, doch, immer noch, vielleicht, so, (so)mal, also, je*.

Исследуемые синтаксические конструкции часто употребляются в ироническом контексте. Энантиосемичные синтаксические конструкции с модальными глаголами, с сочетанием «*Glaubst du ...?*» и с сочетанием «*Ist das ...?*» всегда обладают ироническим смыслом, так как ирония подразумевает наличие противоположного смысла в высказывании. Что касается исследуемых энантиосемичных синтаксических конструкций в виде сложноподчиненного предложения с предикатом в форме *Konjunktiv II*, то было выяснено, что не всегда такие синтаксические конструкции могут употребляться в ироническом дискурсе. Связанными с иронией могут быть такого рода синтаксические конструкции, выступающие в виде самостоятельного предложения. Иронический контекст является интенсификатором экспрессивности и в симметричных, и в несимметричных энантиосемичных конструкциях, но в первых в бóльшей степени.

Таким образом, результаты изучения энантиосемичных синтаксических конструкций в немецком языке показывают, что симметричные синтаксические конструкции являются менее продуктивными, чем асимметричные синтаксические конструкции. Было выяснено, что количество несимметричных синтаксических моделей предложений больше (60%), чем симметричных моделей (40%). Но более разнообразными с точки зрения структурных особенностей являются симметричные энантиосемичные синтаксические конструкции, то есть для них характерно в бóльшей степени изменение грамматического порядка слов, наличие различных модальных слов и наречий, употребление некоторых стилистических приемов (повторы, обращения). Симметричные синтаксические конструкции характерны для диалогической разговорной речи, несимметричные в основном для письменной речи.

Перспектива исследования. Следует отметить, что развитие семантических языковых процессов, тенденция к всё бóльшему выражению эмоций в речи, разнообразие языкового материала указывают на то, что изучение энантиосемии на уровне синтаксиса не исчерпано. Исследование

может быть продолжено в плане расширения круга симметричных и несимметричных конструкций с энантиосемичным значением, изучения энантиосемичных синтаксических конструкций в художественных, газетно-журнальных текстах, а также в разговорной речи на материале разных языков. Перспективной представляется также разработка теоретического и практического курсов по переводу немецких энантиосемичных синтаксических конструкций на русский язык.

Библиографический список

1. Аверина, А. В. Зависимость семантики модальных глаголов немецкого языка от контекстуального окружения / А. В. Аверина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. – Выпуск 2. – С. 7 – 11.
2. Аванесова, Н. В. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики / Н. В. Аванесова // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – выпуск 2 (17). – С. 5–9.
3. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Ленинград: Наука 1988. – 238 с.
4. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia. – 2002. – 391 с.
5. Амосова, Н. Н. О синтаксическом контексте / Н. Н. Амосова // Лексикографический сборник. – выпуск 5. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – 1962.
6. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – Вып. № 1. – С. 37–67. // [Электронный ресурс] URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-1/37-67> (дата обращения: 14.04.2022)
7. Аристотель. Аналитики / Аристотель. – М. – 1952. – 439 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Понятие пресупозиции в лингвистике / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – Т.32. – №1. – С.84 – 89.
9. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд // Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука. – 2002. – 384 с.
10. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // ВЯ. – 1977. – № 3. – С. 49.
11. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли // М.: Изд. иностр. лит-ра. – 1961. – 394 с.

12. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли // пер. с франц. – М.: Издательство иностранной литературы. – 1955. – 416 с.
13. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли // М.: Едиториал УРСС. – 2001. – 416 с.
14. Бенвенист, Э О природе языкового знака / Э. Бенвенист // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – Часть 1. – М. – 1960. // [Электронный ресурс] URL: <https://studfile.net/preview/3966380/> (дата обращения 20.02.2022).
15. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин // М.: Искусство. – 1986. – 445 с.
16. Бацевич, Ф. С. О глаголах с противоположным значением / Ф. С. Бацевич // Русский язык в школе. – №4. – 1987.
17. Бессонова, Л. Е. Глагольная префиксальная энантиосемия в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Е. Бессонова // Днепрпетровск. – 1983. – 25 с.
18. Биченко, С. Г. Романтическая ирония в философии / С. Г. Биченко // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2.
19. Блох, М. Я. Коммуникативные типы предложения в аспекте актуального членения // Иностранные языки в школе. – Выпуск 5. – 1976. – С. 14 – 23.
20. Боева-Омелечко, Н. Б. О терминологическом аппарате теории антонимии / Н. Б. Боева-Омелечко // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. – М.: РИПО ИГУМО. – 2007. – С. 91.
21. Бондарук, Е. В. Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Бондарук // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 59. – С. 19 – 34.
22. Брандес, М. П. Стилистика текста / М. П. Брандес // М.: Прогресс-Традиция, Инфра-М. – 2004. – 416 с.

23. Бродский, М. Ю. Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте (на материале современного английского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук. / М. Ю. Бродский // Екатеринбург. – 1998.
24. Вайгла, Э. А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (На рус.-эст. материале): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.01) // МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва. – 1978. – 21 с.
25. Валгина, Н. С. Современный русский язык / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина // учебник, под редакцией Н. С. Валсиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 528 с. // [Электронный ресурс] URL: <https://litvek.com/br/435265?p=113> (дата обращения 10.10.2021).
26. Вежбиньски, Я. Теоретические проблемы антонимии (взгляд с рубежа веков) / Я. Вежбиньски // Gauta, 2002-09-10 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.filologija.vukhf.lt/4-9/Wierzbinski.doc>. (дата обращения 24.08.2021).
27. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая // Пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М. – 1999.
28. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – №5. – 1960. – С. 3 – 17.
29. Виноградов, В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В. В. Виноградов // Вопр. языкознания. – 1954. – №1. – С. 3 – 29.
30. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М. : Наука. – 1975. – 559 с.
31. Владимирская, Л. М. Статус категории утверждения / отрицания в современном немецком языке: Дис. ... д-ра филол. наук / Л. М. Владимирская. – СПб. – 1999.
32. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур // М.: Наука. – 1993. – 172 с.

33. Воробьёва, К. А. Лингвострановедческие и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении: Автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / К. А. Воробьёва // Челябинский государственный университет. – Челябинск. – 2008. – 22 с.
34. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сб. статей по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ. – 1958. – С. 103 – 124.
35. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация. Проблемы структурной лингвистики / В. Г. Гак. – М. : Наука. – 1973. – С. 349 – 371.
36. Гак, В. Г. Асимметрия / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М. – 1990. – С. 47.
37. Гальперин, И. Р. О понятии «текст» / И. Р. Гальперин // Лингвистика текста: материалы науч. конф. – Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М. – 1974. – Ч. 1. – С. 67 – 72.
38. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин // М.: Высшая школа. – 1981. – 293 с.
39. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. Т. 2: Учение о сущности / Г. В. Ф. Гегель // М. – 1971.
40. Горелов, И. Н. Энантиосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития / И. Н. Горелов // Вопросы языкознания, №4. – 1986. – С. 86 – 96.
41. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов // Учебное пособие. – М. – 1998. – 282 с.
42. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт // М.: Прогресс. – 2000. – 400 с.
43. Давыдов, М. В. Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика / М. В. Давыдов. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1984. – 203 с.
44. Дзюбенко, А. И. Особенности обучения вербализации эмоций на уроках английского языка в старших классах общеобразовательной российской

школы / А. И. Дзюбенко, О. П. Волосюк // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – Ростов н/Д.: Южный федеральный университет. – 2021. – № 2 (35). Т. 10. – С. 98 – 100.

45. Дзюбенко, А. И. Структурно-семантические и стилистические особенности сложных предложений в романе А. Кристи “Why didn't They Ask Evans?” / А. И. Дзюбенко А. С. Дьячкова // Балтийский гуманитарный журнал. – Калининград. – 2021. – №2 (35). Т. 10. – С. 259 – 263.

46. Дреева, Д. М. Побуждение в немецком поэтическом тексте / Д. М. Дреева, И. Р. Гиголаева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 3 (23). – С. 99 – 101.

47. Егорова, И. В. Высказывания эксплицитной модальности и их функционирование в косвенных речевых актах / И. В. Егорова // Проблемы лингвистического анализа текста. Коммуникативно-прагматический аспект. Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону. – 1990. – С. 128.

48. Жаркова, Е. Х. Энантиосемия лексико-грамматического и словообразовательного типа в кругу смежных явлений: (на материале имен существительных рус. яз.) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Х. Жаркова // Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. – М. – 1988. – 14 с.

49. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя // Книга для учителя. – М. – 1989. – 154 с.

50. Ишметьева, Е. Я. Об особенностях использования формы Konjunktiv II в грамматике немецкого языка / Е. Я. Ишметьева // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2016. – № 115-3. – С. 131 – 133.

51. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик // М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт. – 1991 – 495 с. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.l-406.narod.ru/SocL/karasik.pdf> (дата обращения 29.01.2021).

52. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания 19 – 20 веков в очерках и извлечениях. – М. – 1965. – Ч.2. – С. 85 – 90.

53. Климова, Л. И. Антонимичные значения полисемантических слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.01) / Л. И. Климова. // Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград. – 1975. – 22 с.
54. Контекст и пресуппозиция высказывания: функциональный аспект // [Электронный ресурс] URL: https://studopedia.ru/5_40115_kontekst-i-presuppozitsii-viskazivaniya-funksionalniy-aspekt.html (дата обращения 07.06.2019).
55. Колшанский, Г. В. О природе контекста / Г. В. Колшанский // Вопр. языкознания. – 1959. – №4. – С. 47 – 54.
56. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский // М. : Наука. – 1980. – 149 с.
57. Корчажкина, О. М. Что такое аутентичное речевое поведение / О. М. Корчажкина // Иностранные языки в школе. – №3. – 2001. – С. 33 – 38.
58. Кравцова, В. Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц (Язык и речь): Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.19) / В. Ю. Кравцова. // Волгогр. гос. пед. ун-т. – 2006. – 20 с.
59. Кривоносов, А. Т. Отрицание в предложении и отрицание в умозаключении / А. Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. – №1. – 1986. – С. 35 – 49.
60. Левин, Г. Д. Противоположности и противоречия / Г. Д. Левин // Эпистемология и философия науки. Институт философии Российской академии наук (Москва). – Т. XI. – №1. – 2007. – С. 31 – 48 // [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15563392> (дата обращения 25.11.2018).
61. Левковская, К. А. Лексикология современного немецкого языка / К. А. Левковская // Учебник для ин-тов и фак. ин. яз. – М.: Высшая школа. – 1968.
62. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. – М. : Высшая школа. – 1986. – 247 с.

63. Ленько, Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий / Г. Н. Ленько // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – С. 84 – 91.
64. Литвинова, Е. А. К вопросу о продуктивности энантиосемии (на материале русского и английского языков) / Е. А. Литвинова // *Lingua mobilis*. – № 2 (35). – 2012. – С. 148 – 158.
65. Лосев, А. Ф. Аксиоматика знаковой теории языка / А. Ф. Лосев // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – М. – 1973. – С. 22 – 56.
66. Лотман, Ю. М. Знаковый механизм культуры / Ю. М. Лотман // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту: Тарт. ун-т. – 1973. – 205 с.
67. Лысов, В. И. Лингвистическая экспертиза как объект изучения речевой антонимии государственного обвинителя и адвоката / В. И. Лысов // (Филология). Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 165.
68. Матевосян, Л. Б. Прагматический эффект нестандартного употребления стандартных высказываний / Л. Б. Матевосян // Филол. науки. – 1997. – №4. – С. 96.
69. Матвеева, Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению / Г. Г. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Донской юридический институт. – 1999. – 247 с.
70. Матвеева, Г. Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя / Г. Г. Матвеева // Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 6. – Ростов н/Д, 2003.
71. Матвеева, Г. Г. Речевая деятельность и речевое поведение как составляющие речи / Г. Г. Матвеева, Е. Е. Петрова. – 2007. [Электронный ресурс] URL:
https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1438/5/1324428_readingbook.pdf (29.01.2021)

72. Маркс, К. Полное собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс // Изд. 2-е. – М. – 1955.
73. Махмутова, Л. Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. Р. Махмутова // Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань. – 2009. – 24 с.
74. Меликян, А. В. Об экспрессивности фразеосхем испанского языка / А. В. Меликян // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – №3 (29) // [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21604336> (дата обращения 07.08.2019).
75. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения / В. Ю. Меликян // Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ. – 2004. – 288 с.
76. Меликян, В. Ю. Синтаксические конструкции с противоположными значениями негопозитивности и оценки в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Меликян // Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону. – 1996.
77. Меликян, В. Ю. Негопозитивные синтаксические конструкции с асимметричной противоположностью значений / В. Ю. Меликян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – №4. – С. 126 – 135.
78. Меликян, В. Ю. Феномен синтаксической семиоимпликации / В. Ю. Меликян, А. В. Меликян // *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*. – 2018. – С. 348 – 368. DOI: 10.11649/sfps.2018.021.
79. Мерзлякова, Н. П. Проблема классификации модальных глаголов в современном немецком языке / Н. П. Мерзлякова // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. – 2007. – №5 (2) – С. 123 – 130.
80. Мецлер, А. А. Прагматика коммуникативных единиц / А. А. Мецлер // Кишинев: Штиница. – 1990. – 196 с.

81. Милованова, Н. Я. Наблюдение над средствами экспрессивности научной речи / Н. Я. Милованова // Исследования по стилистике. – Выпуск 5. – М.: Наука. – Пермь. – 1976. – 366 с.
82. Минаева, Л. В. Энантисемия как лексико-фонетическое явление / Л. В. Минаева, С. С. Смоленская // Смежные проблемы филологии, психолингвистики и методики преподавания иностранных языков: межвузовский сб. науч. трудов. – Иваново. – 1978. – С. 66 – 74.
83. Минасян, А. М. Диалектика как логика / А. М. Минасян. – Ростов-на-Дону: Изд-во РИСИ. – 1991.
84. Мыркин, В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст / В. Я. Мыркин. – НДВШ. Филол. науки. – 1978. – №1. – С. 95 – 100.
85. Нечаева, Е. А. Антонимические синонимические отношения в русскоязычном PR-дискурсе / Е. А. Нечаева // Рус. яз. в шк.: науч. - метод. журн. – 2010. – №4. – С. 52 – 56.
86. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории знания / М. В. Никитин // Учеб. пособие. – М.: Высш. Школа. – 1988. – 168 с.
87. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков // Учебное пособие. – М.: Высшая школа. – 1982. – 272 с.
88. Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание / М. Р. Львов // Словарь антонимов русского языка: Ок. 2500 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Арсис Лингва, Вентана-раф. – 1996. – С. 9.
89. Ноуэл-Смит, П. Х. Логика прилагательных / П. Х. Ноуэл-Смит // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – 1985. – Вып. 16. – Лингвистическая прагматика. – 501с.
90. Ноздрина, А. С. Грамматика Е. И. Шендельс в новом формате восприятия. На примере изучения форм сослагательного наклонения (der Konjunktiv) / А. С. Ноздрина // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманит. науки. – 2019. – Вып. 1(817). – С. 269 – 284.

91. Олейник, М. А. Функции комплексной анафоры в аспекте выражения субъектно-адресатных отношений / М. А. Олейник, Е. Р. Данилова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 1. – С. 19-26.
92. Орлов, М. Ю. Textoобразующая ирония в русской и англоязычной прозе: Диссерт. на соискание уч. степени кандидата филол. наук: 10.02.19 Саратовская государственная академия права. – Саратов. – 2005. // [Электронный ресурс] URL: http://www.ahmerov.com/book_1081_chapter_9_2.1_Vidy_ironii_i_sposoby_ee_ehksplikaii.html (дата обращения 07.08.2021).
93. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс. – 1986. – С. 22 – 129.
94. Острикова, Г. Н. Категория энантиосемии и ее логико-философское толкование / Г. Н. Острикова // В сборнике: Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании. Академический мир в междисциплинарных практиках Материалы Второй ежегодной Всероссийской научной конференции. – 2017. – С. 296 – 304 // [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30665571> (дата обращения 25.11.2018).
95. Острикова, Г. Н. Энантиосемия разноуровневых единиц немецкого языка / Г. Н. Острикова // Монография. ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет». – Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит. – 2013. – 392 с.
96. Острикова, Г. Н. Об асимметрии противоположных значений глагола *abhängen* / Г. Н. Острикова // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д. – 2010. – № 3. – С. 212 – 221.
97. Острикова, Г. Н. Специфика функционирования энантиосемичных устойчивых синтаксических структур / Г. Н. Острикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 148 – 154.

98. Острикова, Г. Н. Об экспрессивности энантиосемичных лексических фразеологизмов в немецком языке / Г. Н. Острикова // Гуманитарные и социальные науки. – № 4. – 2013. – С. 159 – 168. [Электронный ресурс] URL: http://hses-online.ru/2013/04/10_02_19/18.pdf (дата обращения 07.08.2019).
99. Острикова, Г. Н. Выражение эмоциональности и экспрессивности в энантиосемичных предложениях в немецком языке / Г. Н. Острикова, О. П. Колесникова // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д. – 2020. – №2. – С. 215 – 223. [Электронный ресурс] URL: <http://hses-online.ru/2020/02/25.pdf> (дата обращения 09.08.2019).
100. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры. – 2010. – 480 с.
101. Павлова, А. В. Несовпадение в употреблении сослагательного наклонения (Konjunktiv) в русском и немецком языках / А. В. Павлова // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы IV междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2. Филология и другие науки. – Самара: ПГСГА. – 2009. – С. 281 – 283.
102. Паси, С. И. Смешное / С. И. Паси. – М.: Педагогика. – 1999. – 259 с.
103. Переверзева, Н. А. О разных подходах к изучению контекста в лингвистике / Н. А. Переверзева // Вестник Вятского государственного университета. – №2. – 2017. – С. 52 – 56.
104. Пестова, М. С. Противоположность как центральное понятие теории антонимии / М. С. Пестова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №7. – С. 189 – 197. [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20629561> (дата обращения 25.11.2018).
105. Петрова, Е. А. Модус и диктум как компоненты семантической структуры высказывания / Е. А. Петрова // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Электронный сборник научных трудов / Под ред. В.М. Панфиловой. –

- Елабуга: Изд. ЕИ КФУ. – 2017. – С. 149 – 151.
106. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский // 7-е издание – М.: Учпедгиз. – 1956. – 711 с.
107. Пивоев, В. М. Ироническое отношение как коммуникация / В. М. Пивоев // Петрозаводск. – 1997. – 97 с.
108. Подберезная, Л. И. Противоположность и антонимия. / Л. П. Подберезная // Философия права. – 2008. – № 6. – С. 99 – 101. // [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15486321> (дата обращения: 25.11.2018).
109. Подчаха, О. В. Интерпретация идеи асимметричного дуализма языкового знака в современной теории фразеологии / О. В. Подчаха // Молодой ученый. – 2010. – № 11 (22). – Т. 1. – С. 223 – 226. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/22/2196/> (дата обращения: 14.05.2020).
110. Поленова, Г. Т. Диахронический взгляд на асимметрию в языке / Г. Т. Поленова // Образование и наука в современных условиях: материалы VII Междунар. науч.-практ. Конф. (Чебоксары, 22 мая 2016г.). В 2т. Т. 2. – Чебоксары: ЦНС «Интер-актив плюс». – 2016. – № 2 (7). – С. 129 – 134.
111. Поленова, Г. Т. Die deutschen Verben „tun“ und „machen“ aus typologischer Sicht / Г. Т. Поленова // Германистика в современном научном пространстве. Материалы V Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 18-19 октября 2017 г. Краснодар: КубГУ. – 2017. – С. 225 – 232.
112. Поленова, Г. Т. Диахроническая типология выражения отрицания в кавказских языках / Г. Т. Поленова // II International Scientific Conference “Language and Culture”. Scientific Papers. Tbilisi Open University. Kutaisi. – 2013. – С. 367 – 370.
113. Поленова, Г. Т. Типология семантики отрицания в диахроническом аспекте / Г. Т. Поленова // European Social Science Journal. – № 3. – 2013. – С. 215 – 225.
114. Потеня, А.А. Слово и миф / А.А. Потеня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

115. Походня, С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / С. И. Походня // Киев: Наукова думка. – 1989. – 128 с.
116. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский // учебник для вузов. – 5-е изд., испр. М.: Аспект-Пресс. – 2005. – 536 с.
117. Рогожникова, И. Н. Коммуникативно-прагматическое пространство директивных речевых актов с модальными глаголами (на материале немецкого языка) / И. Н. Рогожникова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2012. – № 2 (16). – С. 85 – 89.
118. Розенталь, Д. Э. Русский язык / Д. Э. Розенталь // Учебное пособие. – 6-е издание. – М.: Дрофа. – 2001. – 368 с.
119. Рожкова, Е. Н. Способы выражения экспрессивности в синтаксисе (на материале немецкого языка) / Е. Н. Рожкова // Научные ведомости белгородского государственного университета, серия: Гуманитарные науки. – Белгород. – 2011. – С. 151 – 156 // [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19030023> (дата обращения 07.08.2019).
120. Романчук, Ю. В. Структурно-семантическая классификация энантиоморфем белорусского языка (на материале глагольной лексики) Ю. В. Романчук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Языкознание. – 2021. – № 2. – С. 50 – 57.
121. Романчук, Ю. В. Синкретизм в языке. Энантиосемия как частный случай проявления синкретизма в языке / Ю. В. Романчук // Филологические науки в России и за рубежом: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство. – 2017. – С. 51 – 53. // [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/258/13433/> (дата обращения: 10.02.2022).
122. Русская грамматика. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т.2. М. – 1980. – С. 383.
123. Рыбакова, М. В. Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложения (на материале английского языка) / М. В. Рыбакова // диссертация. – Москва. – 1985. // [Электронный ресурс] URL:

<http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/jemocionalnost-v-sisteme-kommunikativnyh-tipov-predlozhenija.html> (дата обращения 07.08.2019).

124. Салихова, Н. К. Энантисемия в языке и в речи / Н. К. Салихова // Исследование языковых единиц в функциональном аспекте / Сб. научн. тр. – Ташкент. – 1989. С. 85 – 91.

125. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс. – 1986. – С.170 – 194.

126. Сергиенко, А. В. Языковые возможности реализации иронии как разновидности импликации в художественных текстах (на материале прозы Г. Гейне и Т. Манна и их переводов на русский язык): Дис. ... канд. филол. наук // А. В. Сергиенко. – Саратов. – 1995.

127. Серова, Т. С. Контекстная и ситуативная обусловленность функционирования фразеологизмов в монологическом высказывании / Т. С. Серова, Т. В. Шрайдман // Вестник пермского университета. – Вып.4(16). – 2011. – С. 66 – 72.

128. Синтаксис немецкого языка. Syntax der deutschen Sprache: Theorie, Übungen und Textbeispiele: Учебное пособие // Отв. ред. Н.С. Снегирева. – Омск: Омск. гос. ун-т. – 2004. – 149 с.

129. Скаличка, В. Асимметричный дуализм языковых единиц / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс. – 1967. – 559 с.

130. Смирницкий, А. И. Значение слова / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С. 79 – 89.

131. Смирнова, О. И. Проблема энантисемии в исторической лексикологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Смирнова // М. – 1977.

132. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // под ред. Ш. Балли, А. Сеше; пер. с фр. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Уоальского ун-та. – 1999. – 432 с.

133. Степанов, Ю. С. В трёхмерном пространстве языка / Ю. С. Степанов // М.: Наука. – 1985. – 336 с.

134. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. – Том 40. – 1981. – № 4. – С. 325 – 342.
135. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение и национальная культура / И. А. Стернин // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 1996. – №2. – С. 45 – 64.
136. Сусов, И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И. П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин. – 1984. – С. 3 – 12.
137. Сусов, И. П. Семантика и прагматика предложения / И. П. Сусов // Учеб. пособие. – Калинин. – Изд-во КГУ. – 1980. – 51 с.
138. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия // М.: Наука. – 1986. – 143 с.
139. Торсуева, И. Г. Контекст / И. Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. – 1990. – С. 238.
140. Федоренко, Т. А. Энантioseмия в современном украинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. / Т. А. Федоренко // Киев. – 1989.
141. Философский словарь / Под ред. И.Х. Фролова // М.: Республика. – 2001. – 719 с.
142. Цоллер, В. Н. Эмоционально-оценочная энантioseмия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56 – 64.
143. Червоножка, В. С. Энантioseмия в современном болгарском языке: Автореф. дис. на получение науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.03 «Славянские языки» / Валентина Семеновна Червоножка; Мск. нац. ун-т им. Тараса Шевченко. – М. – 2001. – 20 с.
144. Черникова, Н. В. Энантioseмия в современном русском языке / Н. В. Черникова // Рус.яз.в шк. – 2008. – № 9. – С.73 – 77.
145. Шакирова, Р. Д. Контекстуально-семантические особенности функционирования модальных глаголов müssen, mögen, können, dürfen в эпистемической функции / Р. Д. Шакирова // Вестник Башкирского

университета. Раздел филология и искусствоведение. – 2012. – Т. 17. – №1. – С. 113 – 116.

146. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов // М.: Эдиториал УРСС. – 2001. – 624 с.

147. Шаховский, В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики / В. И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань. – 1975. – Вып. 2. – С. 3 – 25.

148. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова // М.: Наука. – 1960. – 377 с.

149. Шендельс, Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) / Е. И. Шендельс // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та ин. яз. им. М. Тореза. – М.: МГПИИЯ. – 1959. – Т. XIX. – С. 104 – 110.

150. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель // Сост., пер. с нем., вступ. ст. Ю. Н. Попова. – В 2-х тт. – М.: Искусство. – 1983. – Т. 1. – 479 с.

151. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелёв // М. – 1977. – 335 с.

152. Шмелёв, Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / Д. Н. Шмелёв // Вопр. языкознания. – 1958. – № 6. – С. 63 – 75.

153. Шнайдер, У. Эмоционально-оценочная энантиосемия / У. Шнайдер // Словообразование, стилистика, текст. – Казань: Изд-во КГУ. – 1990. – С. 26–33.

154. Эрдынеева, Д. В. К вопросу об асимметрии в языке / Д. В. Эрдынеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 11. – С. 78 – 81 // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-asimmetrii-v-yazyke> (дата обращения: 16.03.2020).

155. Ярцева, В. Н. Типология языков и проблема универсалий / В. Н. Ярцева // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 6 – 16.

156. Яцковская, Г. В. Энантисемиа в современном немецком языке: Дис. ... канд.филол.наук / Г.В. Яцковская // М. – 1976.
157. Behler, Ernst Irony and Discourse of Modernity, Seattle and London. – 1984.
158. Gröben, N. Ironie als spielerischer Kommunikationstyp? In Sprache der Gegenwart / N. Gröben // Schwann. – 1986.
159. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. – Leipzig, 1980. – S. 488.
160. Knox, N. The word Irony and its context, 1500-1755 / Norman Knox // North Carolina. – 1961.
161. LIMAS Corpus. Korpora der geschriebenen Sprache // [Электронный ресурс] URL: <https://www.ids-mannheim.de/digspra/kl/projekte/korpora/archiv/lim/> (дата обращения 25.01.2021).
162. Mücke, D. C. Irony / D. C. Mücke // Bristol. – 1970.
163. Münnich, N Ironie / Nathan Münnich // 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://www.inhaltsangabe.de/wissen/stilmittel/ironie/> (дата обращения 02.12.2020).
164. Fiehler, R. Syntaktische Phänomene in der gesprochenen Sprache / Reinhard Fiehler // [Электронный ресурс] URL: <https://d-nb.info/1126971170/34> (дата обращения 02.12.2018).
165. Fiehler, R. Kommunikation und Emotion / Reinhard Fiehler // 1990. – 339 S.
166. Fiehler, R. Sprachliche Formen der Benennung und Beschreibung von Erleben und Emotionen im Gespräch / Reinhard Fiehler // „Studia Germanistica“ 6 (Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Ostraviensis). – 2010. – S. 19 – 30. [Электронный ресурс] URL: https://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/deliver/index/docId/3546/file/Fiehler_Sprachliche_Formen_Benennung_und_Beschreibung_2010.pdf (дата обращения 03.12.2020).
167. Kühn, P. Pragmatische Phraseologie: Konsequenzen für die Phraseographie und Phraseodidaktik / P. Kühn // EUPHRAS 92. Tendenzen der Phraseologieforschung Hrsg. Von B. Sandig. – Bochum. – 1994. – S. 411 – 428.

168. Ostriкова Galina N., Melnik Anastasia D. The features of phraseological structures functioning in the dialogic text, based on german prose / Galina N. Ostriкова, Anastasia D. Melnik // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – 716-722 pp. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.76
169. Riesel, E. Abriss der deutschen Stilistik / E. Riesel // М. – 1954. – С. 402.

Справочная литература

170. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР. – 2009. – 448 с. // [Электронный ресурс] URL: http://linguistics-online.narod.ru/olderfiles/1/azimov_e_g_shukin_a_n_novyy_slovar-21338.pdf (дата обращения 25.08.2019).
171. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
172. Баранов, М. Т. Русский язык / М. Т. Баранов, Т. А. Костяева, А. В. Прудникова // Справоч. материалы: Учеб. пособие для учащихся, под ред. Н. М. Шанского. – 5-е изд. – М.: Просвещение. – 1989. – 288 с.
173. Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679> (дата обращения 09.09.2020).
174. Большой толковый словарь Ушакова онлайн // [Электронный ресурс] URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24850> (дата обращения 23.08.2019).
175. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев // М.: Эксмо. – 2006. – 672 с.
176. Краткий словарь по философии / сост. И.В. Блауберг, И.К. Пантин // М.: Политиздат. – 1979. – С. 260.
177. Лингвистический энциклопедический словарь // [Электронный ресурс] URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/649-модальность> (дата обращения 10.10.2021).

178. Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой // М.: Советская энциклопедия. – 1990. [Электронный ресурс] URL: <http://tapemark.narod.ru/les/238b.html> (дата обращения 03.01.2022).
179. Литературная энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3793/Предложение (дата обращения 09.10.2020).
180. Литературный энциклопедический словарь / под общ. Ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева // М. : Сов. энцикл. – 1987. – 750 с.
181. Лопатина, Л. Е. Синтаксическая конструкция / Л. Е. Лопатина // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4127679> (дата обращения: 10.09.2021).
182. Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун. – 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newestdictionary/articles/1074/ironiya.htm> (дата обращения 03.01.2020).
183. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_e_1.txt (дата обращения 03.01.2022).
184. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова // М.: Просвещение. Изд. 3-е. – 1985. – 399 с.
185. Deutsch-Russisches Wörterbuch der umgangssprachlichen und saloppen [Электронный ресурс] URL: <https://umgangssprachlichen.academic.ru/1356> (дата обращения 12.12. 2020).
186. Duden Band 6. Das Aussprachewörterbuch. – 4., völlig neubearb. u. aktualis. Aufl. bearb. Mangold M. – Mannheim. – 1999. – S. 864.
187. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // [Электронный ресурс] URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения 20.01.2021)

Источники материала

1. Ahern, C. P. S. Ich liebe Dich / C. Ahern. – Frankfurt am Main : Wolfgang Krüger Verlag. – 2004. – 385 S.
2. Austen, J. Die Abtei von Northanger / J. Austen. – LaTeX. – 2016. – 235 S.
Kellerman, B. Der Tunnel / B. Kellerman. – München: Wilhelm Heyne Verlag. – 1988. – 546 S.
3. Arjouni, J. Chez Max / J. Arjouni. – Zürich : Diogenes Verlag AG. – 2006. – 220 S.
4. Ball, H. Flammetti / H. Ball. – Bookwire. – 2010. – 195 S.
5. Böll, H. Billard um halb zehn / H. Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. – 1983. – 306 S.
6. Böll, H. Ansichten eines Clowns / H. Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. – 1967. – 253 S.
7. Böll, H. Wanderer, kommst du nach Spa... / H. Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. – 1985. – 161 S.
8. Brecht, B. Leben des Galilei / B. Brecht. – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1981. – 245 S.
9. Brontë, Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë. – 13. Aufl. – Zürich : Manesse Verlag, 1996. – 586 S.
10. Brontë, E. Die Sturmhöhe / E. Brontë. – Frankfurt am Main : Insel Verlag. – 1983. – 370 S.
11. Dückers, T. Spielzone / T. Dückers. – Berlin : Aufbau Taschenbuch. – 2002. – 207 S.
12. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Die BerlinBrandenburgische Akademie der Wissenschaften [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus : www.dwds.de.
13. Fitzek, S. Das Geschenk / S. Fitzek. – München: Droemer Knaur GmbH & Co. KG. – 2019. – 386 S.

14. Fröhlich, S. Frisch gemacht / S. Fröhlich. – Frankfurt am Main : Krüger Verlag GmbH. – 2003. – 291 S.
15. Gier K., Rubinrot. Liebe geht durch alle Zeiten / K. Gier. – Würzburg : Arena Taschenbuch. – 2009. – 345 S.
16. Gier, K. Saphirblau. Liebe geht durch alle Zeiten / K. Gier. – Würzburg : Arena Taschenbuch. – 2010. – 400 S.
17. Gier, K. Smaragdgrün. Liebe geht durch alle Zeiten / K. Gier. – Würzburg : Arena Taschenbuch. – 2017. – 496 S.
18. Grossman L. Zauberer von Fillory / L. Grossman. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH. – 2010. – 468 S.
19. Hermann, J. Sommerhaus, später / J. Hermann. – Frankfurt am Main : S. Fisher Verlag, 1998. – 192 S.
20. Kafka, F. Amerika / F. Kafka. – München : Süddeutsche Zeitung. – 2004. – 279 S.
21. Kafka, F. Die Verwandlung / F. Kafka. – Augsburg: Werden Verlag. – 2004. – 53 S.
22. Kellerman, B. Das blaue Band / B. Kellerman. – M.: Цитадель. – 2001. – 352 c.
23. LIMAS Corpus. Leibniz Institut für deutsche Sprache [Elektronische Ressource]. – [URL: https://www.ids-mannheim.de/en/digspra/corpus-linguistics/projects/corpus-development/archive/limas-corpus/](https://www.ids-mannheim.de/en/digspra/corpus-linguistics/projects/corpus-development/archive/limas-corpus/) .
24. Lindgren, A. Die Kinder aus Bullerbü / A. Lindgren. – Hamburg : Verlag Friedrich Oetinger, 1999. – 137 S.
25. Meyer, S. Biss zum Morgengrauen / S. Meyer. – Hamburg : Hörbuch Hamburg Verlag, 2013. – 514 S.
26. McAllister, A. Ist Liebe im Spiel?/ A. McAllister. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. – 2003. – 280 S.
27. Moyes, J. Kleine Fluchten / J. Moyes. – Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH. – 2017. – 135 S.
28. Poets, M. Kein Entkommen / M. Poets. – German Edition. – 2015. – 513 S.

29. Remarque, E. M. Der Funke Leben / E. M. Remarque. – Berlin : Verlag Ullstein GmbH. – 464 S.
30. Rice, A. Nachtmahr. Ein Roman aus der Chronik der Vampire / A. Rice. – Berlin : Goldmann, 1992. – 381 S.
31. Seghers, A. Das siebte Kreuz / A. Seghers. – Verlag für fremdsprachige Literatur, Moskau, 1990. – 177 S.
32. Sparks, N. Mit dir an meiner Seite / N. Sparks. – München: Wilhelm Heyne Verlag. – 2010. – 432 S.
33. Stevens, Ch. Still missing. Kein Entkommen / Ch. Stevens. – Frankfurt am Main : FISCHER Taschenbuch, 2011. – 416 S.
34. Süskind, P. Das Parfum / P. Süskind. – Zürich : Diogenes Verlag AG, 1985. – 306 S.
35. Zehn, J., Corpus Delicti: Ein Prozess / J. Zehn. – Frankfurt am Main: Verlag Schöffling & Co. – 2009. – 647 S.

Список условных обозначений

Adj. – сокращение от Adjektiv (прилагательное)

Adv. – сокращение от Adverb (наречие)

N1 – сокращение от Substantiv/Pronomen Nominativ, Subjekt (существительное в им. падеже, подлежащее)

Subst. – сокращение от Substantiv (существительное)

Subst.Akk – сокращение от Substantiv Akkusativ (существительное в винит. падеже)

Prät. – сокращение от Präteritum (форма прошедшего времени)

Präpos. – сокращение от Präposition (предлог)

Pron.1 – сокращение от Pronomen Nominativ (личное местоимение в им. падеже, подлежащее)

Pz.II – сокращение от Partizip II (причастие)

V1 – сокращение от Verb (смысловый спрягаемый глагол, сказуемое)

V Inf. – сокращение от Verb Infinitiv (глагол в неопределенной форме)

V1 Konj. – сокращение от Verb Konjunktiv (глагол в форме сослагательного наклонения, сказуемое)

V1 (modal.) – сокращение от Modalverb (модальный глагол, сказуемое)